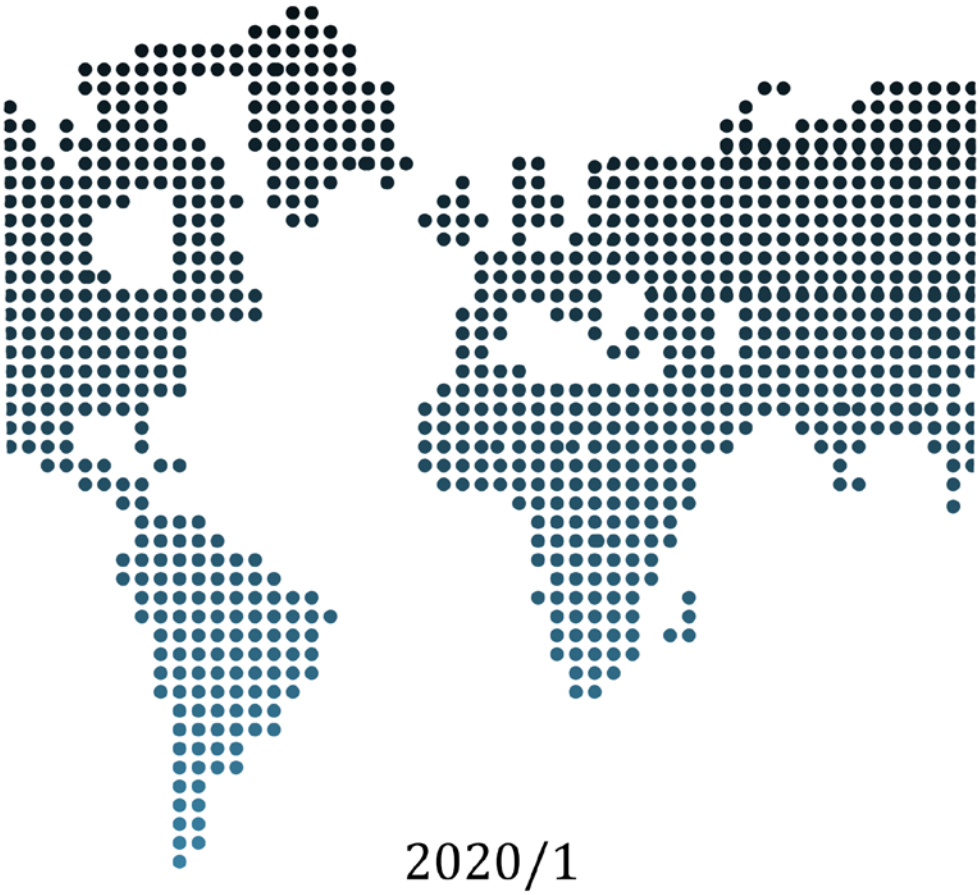
РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦИ

Международно научно списание

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦ
Международный научный журнал

RUSSIAN STUDIES WITHOUT BORDERS
International scientific journal



2020/1
ISSN 2535-0390

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦИ

Международно научно списание

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦ
Международный научный журнал

RUSSIAN STUDIES WITHOUT BORDERS
International scientific journal

Том IV Книжка 1 2020
Volume IV Issue 1 2020

ISSN 2535-0390

София – Sofia
2020

Журнал выходит четыре раза в год: 30 марта, 30 июня, 30 сентября и 30 декабря. Материалы принимаются до 15 числа марта, июня, сентября и декабря. К публикации принимаются оригинальные, неопубликованные ранее в других печатных изданиях материалы на **русском, болгарском** или **английском** языке.
Адрес редакции: София, Болгария, e-mail: rusistikabg@gmail.com,
http://www.rusistikabg.com/

ISSN 2535-0390 (online)
Индексируется в **RSCI/РИНЦ (http://www.eLibrary.ru)**
ERIH PLUS (Европейский индекс гуманитарных и социальных наук)

The journal is published four times per year: March 30, June 30, September 30 and December 30. The papers are accepted until the 15th of March, June, September and December. The papers submitted for publication should be original, previously unpublished work not currently under review by other publications. The papers can be presented in **Russian**, **Bulgarian** or **English**.

Contact address: Sofia, Bulgaria, e-mail: rusistikabg@gmail.com
http://www.rusistikabg.com/

2535-0390 ISSN (online)
Indexed in RSCI/РИНЦ (http://www.eLibrary.ru)
ERIH PLUS (The European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences)

СОДЕРЖАНИЕ:

CONTENTS:

Л И Н Г В И С Т И К А

УДК 81`38

Котюрова Мария Павловна
доктор филологических наук, профессор
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Россия, г. Пермь
e-mail: kotyurova@yandex.ru

Kotyurova Mariya Pavlovna
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Perm State National Research University
Russia, Perm
e-mail: kotyurova@yandex.ru

М.П. Котюрова

РЕЧЕВЕДЕНИЕ КАК ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ

Аннотация. Предлагается гипотеза о соотношении понятий функциональной стилистики и речеведения. В основу выдвижения гипотезы положен признак абстрактности понятий: высокая степень абстрактности – отличительный признак функционально-стилистического анализа текста, низкая степень абстрактности – отличительный признак дискурсного, речеведческого анализа текста. Сопоставление понятий функциональной стилистики и речеведения осуществляется посредством отношений наложения – наложения шкалы абстрактности на текст. Данные отношения обусловливают возможность формирования трактовок понятий «эпистемическая ситуация», «научный функциональный стиль» и «индивидуальный стиль ученого» в качестве локально очерченных/ ограниченных целостностей, обусловленных функционально-стилистическим либо дискурсивно-стилистическим, а также когнитивно-дискурсивно-стилистическим анализом текста – по существу речеведческим.

Ключевые слова: речеведение, функциональная стилистика, принцип наложения, эпистемическая ситуация, индивидуальный стиль письменной речи ученого

M.P. Kotyurova

SPEECH TRANSLATION AS A DEVELOPMENT PERSPECTIVE FUNCTIONAL STYLE

Abstract. We propose a hypothesis about the relationship between the concepts of functional stylistics and speech studies. The hypothesis is based on the feature of abstraction of concepts: a high degree of abstraction is a distinctive feature of functional and stylistic analysis of the text, a low degree of abstraction is a distinctive feature of the discourse, speech analysis of the text. Comparison of concepts of functional stylistics and speech studies is carried out by means of relations of imposition – imposition on the text of the scale of abstraction. These relations make it possible to form interpretations of the concepts "epistemic situation", "scientific functional style" and "individual style of the scientist" as locally defined / limited integralities, due to functional-stylistic or discursive-stylistic, as well as cognitive-discursive-stylistic analysis of the text, essentially speech-oriented.

Keywords: speech studies, functional stylistics, principle of imposition, epistemic situation, individual style of the scientist's written speech

Человечество, причем прежде всего человечество познающее, обладает величайшим достоянием – наукой. Как известно, в динамическом аспекте наука в целом подвержена двум противоположным, однако тесно связанным процессам – интеграции и дифференциации. Эти фундаментальные процессы с неизбежностью вовлекают в сферу своего действия функциональную стилистику, в частности,

стилистику научного текста. В международном журнале Stylistyka, шестом выпуске с заглавием «русская стилистика»**,** опубликована обзорная статья об изучении научного функционального стиля во второй половине XX века. Обзор заканчивается утверждением проф. М.Н. Кожиной, что «со времени известной дискуссии (1954 – 1955 гг.) Стилистика научной речи, начав свое развитие почти с нуля, превратилась в мощную ветвь функциональной стилистики» [6, с.48]. В том же выпуске журнала проф. М.Н. Кожина представила свое видение путей развития функциональной стилистики как науки синтетической, значит, междисциплинарной, комплексной, глобализирующей гуманитарные исследования, в дальнейшем по существу и развившейся в речеведение. Несмотря на плодотворное развитие функциональной стилистики**,** в отечественной лингвистике актуальным является вопрос о соотношении понятий функциональная стилистика и речеведение – двух лингвистических направлений, изучающих не столько язык, сколько речь, функциональную сторону языка.

Что касается функциональной стилистики, в частности стилистики научного текста, заметим, что ее значимость и величие связаны с присущими ей следующими особенностями, никак не препятствующими ее участию в общенаучных процессах:

– гуманитарная наука с антропоцентрическим подходом к объекту изучения;

– объединяет мышление и язык/ речь человека;

– мысль субъекта непредсказуема, поэтому утверждения *я полагаю, я думаю, я считаю* предполагают наличие тезиса и его аргументов;

– высказанная мысль (интерпретация) – ВСЕГДА одна из возможных;

– интерпретирующая наука (по Н.К. Рябцевой, интерпретация –субъективное суждение об объективных явлениях).

Однако ведь то же самое можно сказать и о речеведении. В чем же различие? Очевидно, что мы можем воспользоваться такими свойствами мышления исследователя, как аналитичность. Действительно, благодаря способности познающего субъекта воспринимать континуальную онтологию мира как совокупность дискретных единиц, исследователь может подвергать анализу, т.е. определять, дифференцировать, сопоставлять, устанавливать общее, различать, классифицировать и т.д. им же установленный набор (наборы) дискретных единиц.

Целью данной статьи является обоснование и предварительная аргументация предлагаемой нами **гипотезы** о соотношении двух научных направлений, введенных в современную лингвистику, – функциональной стилистики и речеведения. В соответствии с теорией познания, а также в рамках теории функциональных стилей, разработанной проф. М.Н.Кожиной, в частности стилистики научной речи, выдвижение гипотезы трактуется как вполне самостоятельный этап научного творчества, несомненно, включенный в динамический процесс познавательной деятельности ученого.

Мы обратим особое внимание на формирование гипотезы задуманного рассуждения о том, на основе каких научных понятий можно определить место отобранных для сопоставления понятий в динамическом познавательном процессе. Представляется важным укрепить понимание того, что изменение ракурса рассмотрения предмета возможно лишь на метатеоретическом (более высоком) уровне, что с неизбежностью приводит к поиску *новых* аргументов.

Итак, необходимо изменение ракурса рассмотрения, но каким образом? Найти ответ на этот вопрос оказалось непростой задачей. Кажется целесообразным обратиться к трактовке творческого мышления. Вслед за Н.К. Рябцевой подчеркнем, что «творческое мышление – это особый вид логического мышления, сознательная

активация маловероятных связей, которая происходит в результате особого осознания проблемы – ее «расширения» за счет выхода в более широкий эпистемический контекст… Это сознательный переход на метауровень при решении поставленной задачи, поиск ее нетривиального решения» [14, с. 49]. Подчеркнем, что творческое мышление требует сознательного включения маловероятных, слабых связей в качестве стимула, который «активизирует новые, дистантные, слабые связи, вводит их в фокус внимания, задает их намеренное осознание и использование, деавтоматизирует мышление, упорядочивает его, делает намеренным, осознанным и творческим» [14, с.48]. Заканчивается это рассуждение Н.К. Рябцевой замечательным, именно методологически весьма важным обобщением: «Все это происходит потому, что указанный стимул носит категориальный, обобщенный, т.е. ***мета****уровневый* характер».

Подчеркнем, что поиск оснований для выдвижения гипотезы, а также интерпретация ее оснований – это всегда актуальная задача, связанная с методологическим аспектом любого научного знания. С этой целью необходимо, во-первых, отобрать компоненты (единицы, элементы) для сопоставления, во-вторых, установить процедуру сопоставления (наложения), в-третьих, интерпретировать полученный результат сопоставления. Очевидно, что для решения именно этих задач недостаточно собственно лингвистических средств, а значит, мы сталкиваемся с потребностью изменить сам подход к проблеме оснований гипотезы, что оказывается возможным (подчеркнем вслед за Н.К. Рябцевой!) благодаря расширению эпистемического контекста.

Соглашаясь с условием, что творческое мышление в единстве включает стихийное, пассивное, и упорядоченное, активное, мышление, отметим следующее. В данном случае в качестве предмета пассивного мышления будем оперировать знанием, полученным в результате стилистических штудий в пределах Пермской научной школы проф. М.Н. Кожиной.

В качестве известного знания, используемого в процессе пассивного мышления, примем представление о научном тексте, акцентирующее единство лингвистической и экстралингвистической сторон данного феномена, Экстралингвистические основания смысловой структуры научного текста понимаются как факторы, действующие независимо от субъекта познавательной деятельности. В таком случае благодаря аналитической способности мы можем квалифицировать экстралингвистическое явление, интуитивно воспринимаемое в качестве доминирующего, как фактор порождения научного текста. В достаточно обширной стилистической литературе установлены и описаны такие экстралингвистические факторы, как сфера познавательной деятельности, вид деятельности, вид науки, метод познания, тип мышления; индивидуальное мышление ученого: дискретно-логическое / континуально-психологическое/ конвейерное / мерцательное / метафорическое / критическое мышление; обыденное / научное сознание; толерантная / интолерантная манера речи ученого и мн. др., а также совокупность признаков каждой из этих сторон [7],[8], [9], [11], [12]].При этом важно иметь в виду: в едином сознании нет перегородок, что отмечал Л. Леви-Брюль: «Не существует двух форм мышления у человечества, одной пралогической, другой логической, отделенных одна от другой глухой стеной, а есть различные мыслительные структуры, которые существуют в одном и том же обществе и часто, – быть может, всегда – в одном и том же сознании» [13, с. 8].

Все сказанное относительно многоплановости научного текста, многомерности его смысловой структуры обусловливает вполне возможный (зависящий от компетенции и «эпистемической культуры» исследователя), полипараметральный характер его изучения, особенно при условии комплексного исследования феномена.

В данном случае нам представляется целесообразным следующий путь рассуждения. Из всего множества дискурсивных явлений, окружающих процесс порождения научного текста, мы выбираем те из них, которые можно объединить одной характеристикой – «степенью удаленности от человека», точнее, «степенью абстракции экстралингвистического фактора». См., например: с одной стороны, крайне абстрактные понятия *сфера* общественного сознания, *вид* деятельности человека, *тип* мышления; с другой – менее абстрактные – индивидуальный *стиль речи N*, толерантная *речь* ученого, метафорическая *речь* ученого и др.

На наш взгляд, фактор «степень абстракции» (удаленности от человека) можно трактовать в качестве параметра, который, в свою очередь, используется как средство в процедуре *наложения* при сопоставлении свойств изучаемого явления. Так, при наложении учитываются следующие условия: 1) берется лишь один, причем моноонтологичный, параметр; в процедуре наложения нельзя объединять характеристики разных онтологических явлений (типа температура *человека, животного, ядра Земли*); 2) параметр обладает градуальностью; 3) актуализированный параметр (взятый для рассмотрения) квалифицируется как доминирующий; 4) градуальность соотносится с онтологическим единством носителя параметра; 5) градуальность объединяет логико-семантические отношения конкретных репрезентаций данного параметра: тождество, отношения противопоставления, полевые (ядерно-периферийные) отношения, кроме того, взаимопроницаемость (частный случай – взаимозаменяемость).

На этом основании представляется возможным выявить влияние хотя и одной, но доминирующей характеристики экстралингвистических факторов, например их «абстрактности, отвлеченности от субъекта познавательной деятельности». Из лингвистической литературы известно сильнодействующее, в совокупности – стилеобразующее – воздействие таких крайне абстрактных факторов, как сфера общественного сознания, вид деятельности, тип мышления, на формирование текстовых разновидностей, получивших название функциональных стилей. Эта эпистемическая область закрепилась за стилистикой научной речи / текста.

Перспективу развития функционально-стилистических разысканий мы считаем возможным связать с исследованием воздействия не просто абстрактных, но – особо акцентируем! – вышеназванных сильнодействующих экстралингвистических факторов на формирование и реализацию научного функционального стиля речи.

Вместе с тем ясно, что экстралингвистическая сторона научных текстов не исчерпывается данными факторами. Мы имеем в виду целый ряд сильнодействующих, но не стилеобразующих факторов, отнесенных в лингвистической литературе к дискурсивным (функционально-дискурсивным). К ним относятся, например, такие, как «вид науки» (химия, физика, геология и др.), «содержание знания» (описательное, объяснительное, интерпретирующее), «методология познания» (опытная, экспериментальная, требующая сложного оборудования), «уровень познания» (эмпирический, теоретический) и др. Все эти и многие другие факторы имеют разнонаправленный характер, однако *стратегически* они направлены на общую задачу – занимая определенное место в познавательной деятельности субъекта (абстрактного, т.е. субъекта вообще, – ученого-химика – физиолога И.П.Павлова и т. п.), проявить себя в порождаемом автором тексте.

Возникает естественный вопрос: можно ли, отвлекаясь от полноты объекта – совокупности научных текстов, причем совокупности неизбежно ограниченной, – ставить амбициозную задачу определить соотношение двух научных направлений? На наш взгляд, задачу ставить можно, нельзя другое – ограничивать ее решение

предварительными наблюдениями. Познавательная процедура наложения дает возможность вполне рационально интерпретировать, по-видимому, любые результаты ее применения.

Для выдвижения гипотезы рассмотрим термины «эпистемическая ситуация» и «индивидуальный стиль письменной речи ученого», стремясь ответить на вопрос, в рамках какого направления – функциональной стилистики или речеведения – развиваются эти понятия в пределах Пермской научной школы.

Понятие «эпистемическая ситуация», предложенное нами в 1988 г., лежит в русле стилистики научного текста и относится к двум его сторонам – экстралингвистической и собственно лингвистической. Экстралингвистическая сторона формирует смысловую структуру текста, обусловленную его специфическим содержанием – научным знанием, полученным субъектом в процессе познавательной деятельности. Этот обобщенно-отвлеченный, крайне абстрагированный подход к тексту обусловливает три «грани» понятия «эпистемическая ситуация», грани, не менее абстрагированные от субъекта деятельности – онтологическую, методологическую и аксиологическую. На наш взгляд, именно удаленность от автора, высокая степень отвлеченности от него являются основанием для объединения понятий *научное знание, онтологический, методологический* и *аксиологический аспекты знания* по признаку «абстрактности». Применив процедуру наложения понятий, обладающих одним и тем же свойством (абстрактностью), высокой степенью этого свойства, определенной локализацией (вследствие притяжения на этой основе), можно прийти к логически очевидному утверждению. Ясно, что интерпретация понятия «эпистемическая ситуация» как сложной единицы смысловой структуры научного текста представлена в соответствии со *знанием* как специфически обобщенным содержанием научного текста, отвлеченным от конкретного его «владельца», самого интерпретатора, т.е. в рамках ***функционально-стилистической*** концепции научного текста.

Поворот к собственно *лингвистической* стороне текста (понимаемой в качестве доминирующего отличительного признака интерпретации текста) позволил Е.А. Баженовой найти другие основания для определения именно этого понятия [1]. Такой путь познания предмета иллюстрирует отношения *наложения* (не противоречия либо дополнительности). Так, *эпистемическая ситуация* в соотношении со знанием как результатом познавательной деятельности (сильнодействующий стилеобразующий фактор), выступает одним из основных понятий функциональной стилистики. Это же понятие может быть взято из ряда понятий, сформированных на другом уровне абстракции, с учетом иных экстралингвистических факторов. Для развития и речеведения, и функциональной стилистики оказалось перспективным внимание к экстралингвистическим факторам второго ряда, имеющим также объективную природу: применительно к научному стилю – таким, как область научного знания, его теоретический либо эмпирический характер, познавательная структура ученого, стиль его мышления и др.

Важно подчеркнуть, что развитие понятия *эпистемическая ситуация* осуществлено Е.А. Баженовой благодаря его расширению в сторону личностного характера. а именно за счет рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов познавательной деятельности, поскольку «центром познания всегда выступает индивид как творческая личность с *собственным набором* психических свойств (Курсив наш.– *М.К.*)» [10, с. 48]. И другое, важное для данного случая обобщение: «В силу того что научное познание ориентировано на коммуникацию, эпистемическая ситуация соотносится не только с собственно познавательной (что важно в функционально-стилистической концепции текста.– *М.К.*), но и с

текстообразовательной деятельностью ученого, в результате которой когнитивное преобразуется в коммуникативное и новое знание обретает “голос“, чтобы быть услышанным» [2, с.49]. Мы склонны интерпретировать трактовку понятия «эпистемическая ситуация», представленную Е.А. Баженовой, в пределах ***речеведения***. Бесспорно справедливым можно считать определение понятия «эпистемическая ситуация» в формулировке Е.А. Баженовой: «Эпистемическая ситуация – это совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности *в единстве* составляющих ее онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов, оказывающих закономерное влияние на формирование научного текста и определяющих его стилевую специфику (Курсив наш.– *М.К.*)» [2, с.47 – 48]. В данном определении понятия мы акцентируем утверждение о единстве компонентов, зафиксированных в тексте автором и рассматриваемых исследователем. Иначе говоря, само определение понятия свидетельствует о тесной связи экстралингвистических факторов, воздействующих на формирование текста, изучаемого в пределах не только функциональной стилистики, но и текста, изучаемого в последние десятилетия в лингвистике – более широко, с акцентом на антропоцентрической интерпретации, т.е. именно в ***речеведении***.

В лингвистике, как и в других науках, стремление к полноте изучения объекта обусловило выработку различных подходов, среди которых прежде всего назовем общенаучный, характеризующийся *описательной* целью. Другой подход, связанный с *объяснительной* стороной, предполагающей обращение к специфически речевому. Ясно, что установленная функционально-стилевая картина нуждается в трактовке и более глубоком объяснении, тем более что разновидности речи/текста – стилевые, жанровые, индивидуально-авторские – обусловлены разными методологическими подходами к изучению объекта. Как подчеркивает М.Н. Кожина, при изучении, например, функциональных стилей «необходимо опираться на *комплексное* рассмотрение проблемы – лингво-гносеолого-психологическое» [7, с.325]. Кстати, характерное для стиля этого большого ученого осторожное, деликатное утверждение о том, что функциональная стилистика «исследует не столько язык, сколько речь, и поэтому *можно было бы назвать* ее ***речеведением***», получает мощное обоснование, представляющее собой программу исследования языка как функционирующей системы. Действительно: «Такие проблемы, как “отражение“ социального и психологического в речи, мышление и речь, экстралингвистические основы и причины возникновения разновидностей речи и другие подобные им, являются центральными в функциональной стилистике» [7, с. 15].

Функционально-стилистическая теория открывает широкие возможности для ее дальнейшего расширения и углубления, теоретической и эмпирической интерпретации, вскрытия причинно-следственных отношений экстралингвистического и собственно лингвистического. При этом вполне естественно, что в учении о функциональных стилях относительно научной речи прежде всего были определены закономерности функционирования языковых единиц и категорий, обусловленные спецификой основных стилеобразующих факторов, представляющих собою «первопричину разделения речи на функциональные стили» [5, с. 87]. Подчеркнем, что дальнейшее изучение влияния именно основных – сильнодействующих, стилеобразующих – факторов на порождение текстов в области научно-познавательной деятельности является перспективной целью ***функционально-стилистических*** исследований.

В настоящее время возникает стремление и представляется возможным уточнить понимание соотношения речеведения и функциональной стилистики (подчеркнем: с

позиций Пермской стилистической школы). Методологически ориентированный взгляд на научные тексты предоставляет исследователю возможность определить вектор расширения научно-познавательного пространства.

Не уходя в сторону от теории М.Н. Кожиной, обратимся к понятию научный функциональный стиль. С методологической точки зрения здесь важно иметь в виду присущую исследователю ту или иную «познавательную сетку» [4] с различными познавательными ячейками. При весьма высокой степени абстрагирования (отвлечения от человека) исследователь ориентируется на комплекс вышеназванных «глубинных» (крупных) экстралингвистических факторов, таких как сфера общественного сознания, вид деятельности, стиль мышления. При снижении уровня абстракции действие этих сущностных факторов неизбежно соотносится с исходным (фундаментальным) знанием, относящимся к функциональной стилистике, фоновым для единомышленников. На наш взгляд, наложение «познавательной сетки» (шкалы) «степень абстракции» на доминирующие экстралингвистические факторы, обусловливающие формирование научного текста, позволяет установить разный уровень («выше – ниже») их абстрагирования, удаления от человека. На этом основании, в свою очередь, можно дифференцировать понятия научный функциональный стиль и индивидуальный стиль речи ученого и – далее – понять соотношение терминированных номинаций двух современных научных направлений изучения научного текста – речеведения и функциональной стилистики. Методически эта процедура вполне доступна, поскольку наложение предполагает оперирование только теми элементами, которые обладают не более чем одним отличительным признаком изначальных понятий.

Понижение уровня абстракции при определении объекта и предмета обусловили переосмысление теоретических основ функциональной стилистики. Скажем сразу, что коренных изменений, «ломки» фундамента не произошло. Однако в силу применения иных методологических, в частности логико-семантических, подходов возникла другая совокупность терминов, объединяющая такие методологические понятия, как *дискурсный анализ, дискурсивно-стилистический анализ, когнитивно-дискурсивно-стилистический анализ научного текста*, *индивидуальный стиль речи ученого* и другие.

Вполне очевидно (для дальнейшего рассуждения это важно подчеркнуть!), что данная совокупность номинаций не противоречит *функционально-стилистическому изучению научного текста* и свидетельствует о том, что среди подходов к научному описанию языковых явлений, несомненно, основным представляется антропоцентрический, служащий «исходным имманентным исследовательским принципом функциональной стилистики» [3, с.176]. Вслед за Е.А. Гончаровой отметим, что благодатным материалом для применения антропоцентрического подхода служат тексты, в которых реализована компетентность языковой личности. Именно в таких текстах ощутимее представлена не только общая антропоориентированность текста, но и индивидуальный стиль речи автора текста (см. также: [12]).

Учитывая дисциплинарный характер функционально-стилистического знания, зафиксированного в учебниках, учебных пособиях, стилистическом энциклопедическом словаре, обратимся к трактовке основного, фундаментального в функциональной стилистике понятия функциональный стиль как незамкнутой речевой системы, открытой для взаимодействия с другими. Открытость, незамкнутость не препятствуют, а напротив, предоставляют возможность выявлять (благодаря устойчивости, регулярности) существенно, принципиально важные свойства этой системы. Ясно, что при теоретическом осмыслении их

экстралингвистической основы прежде всего учитываются наиболее общие факторы – формы общественного сознания и соответствующие им виды деятельности, а также тип мышления. Это сильнодействующие стилеобразующие факторы, объединенные антропоцентрической ориентированностью текста. Их функциональная совокупность проявляется на высоком уровне абстракции, отвлечения от реальной познавательной деятельности научного социума. Эти факторы обеспечивают формирование функциональных стилей как целостных речевых систем, изучаемых функциональной стилистикой (в соответствии с концепцией функциональных стилей, разработанной проф. М.Н. Кожиной). Например, научной речи присущи абстрактность, открытая (выраженная) логичность, связность и др. [2].

Основные, ядерные, свойства научной речи отнюдь не противополагаются и не препятствуют проявлению других, «не обязательных», «не вездесущих», но допустимых языковых особенностей. Однако нельзя не заметить, что включение иного механизма выбора факторов, кажется, случайного, непредсказуемого, осознанный недоучет роли основных, «глубинных» стилеобразующих факторов ясно показали необходимость выявить и объединить действительно различные факторы в определенную целостность – экстралингвистическую основу индивидуального стиля речи ученого [12]. Такая целостность была определена с учетом принципа деятельности (не реальной деятельности, что доступно, например, лишь психологу либо нейрофизиологу) автора текста как субъекта познания. Продолжая мысль о целостности индивидуального стиля речи ученого, ориентируя рассуждение на решение поставленного в статье вопроса, мы считаем возможным заключить, что «познавательный крен» (важно подчеркнуть: не отрыв, не полная дистанцированность от функционально-стилевых свойств текста) при изучении этой целостности фиксируется в направлении речеведения.

Библиографический список

1. Баженова Е.А. Дискурсивно-стилистический подход к изучению научного текста // Stylistyka. – Opole, 2005. – т. XIV.– С. 317 – 334.
2. Баженова Е.А. в кн.: Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп.. – М.: Флинта, Наука, 2008. – 280 с.
3. Гончарова Е.А. Лингвостилистический аспект интерпретации эгоцентрических текстовых структур // Stylistyka.– Opole, 2005. – т. XIV.– С. 175 – 189.
4. Карцев В.П. Социальная психология науки и проблемыисторико-научных исследований. – М.: Наука, 1984. – 308 с.
5. Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь: Перм. ун-т, 1972. – 395 с.
6. Кожина М.Н. Пути развития стилистики русского языка во 2-ой половине XX веке // Stylistyka. – Opole, 1997. –VI вып.– С.9 – 49.
7. Кожина М.Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды. – Пермь: Перм. ун-т, ПСИ, ПССГК, 2002.– 475 с.
8. Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект). – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988.– 170 с.
9. Котюрова М.П. Стилистика научной речи: учебное пособие. Пермь: Перм. гос. ун-т., 2009.– 363 с.
10. Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 280 с.

11. Котюрова М.П., Соловьева Н.В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений): монография. – М.:ФЛИНТА, 2019. – 264 с.
12. Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого: монография. – Пермь: Перм. ун-т, 2011.– 394 с.
13. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.– 608 с.
14. Рябцева Н.К. Прикладные проблемы переводоведения: лингвистический аспект: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 224 с.

References in Roman script

1. Bazhenova YE.A. Diskursivno-stilisticheskiy podkhod k izucheniyu nauchnogo teksta // Stylistyka. – Opole, 2005. – t. XIV.– S. 317 – 334.
2. Bazhenova YE.A. v kn.: Kotyurova M.P., Bazhenova YE.A. Kul'tura nauchnoy rechi: tekst i yego redaktirovaniye: uchebnoye posobiye. – 2-ye izd., pererab. i dop.. – M.: Flinta, Nauka, 2008. – 280 s.
3. Goncharova YE.A. Lingvostilisticheskiy aspekt interpretatsii egotsentricheskikh tekstovykh struktur // Stylistyka.– Opole, 2005. – t. XIV.– S. 175 – 189.
4. Kartsev V.P. Sotsial'naya psikhologiya nauki i problemyistoriko-nauchnykh issledovaniy. – M.: Nauka, 1984. – 308 s.
5. Kozhina M.N. O rechevoy sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel'no s nekotorymi drugimi. Perm': Perm. un-t, 1972. – 395 s.
6. Kozhina M.N. Puti razvitiya stilistiki russkogo yazyka vo 2-oy polovine KHKH veke // Stylistyka. – Opole, 1997. –VI vyp.– S.9 – 49.
7. Kozhina M.N. Rechevedeniye i funktsional'naya stilistika: voprosy teorii. Izbrannyye trudy. – Perm': Perm. un-t, PSI, PSSGK, 2002.– 475 s.
8. Kotyurova M.P. Ob ekstralingvisticheskikh osnovaniyakh smyslovoy struktury nauchnogo teksta (Funktsional'no-stilisticheskiy aspekt). – Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1988.– 170 s.
9. Kotyurova M.P. Stilistika nauchnoy rechi: uchebnoye posobiye. Perm': Perm. gos. un-t., 2009.– 363 s.
10. Kotyurova M.P., Bazhenova YE.A. Kul'tura nauchnoy rechi: tekst i yego redaktirovaniye: uchebnoye posobiye. 2-ye izd., pererab. i dop. – M.: Flinta: Nauka, 2008. – 280 s.
11. Kotyurova M.P., Solov'yeva N.V. Sovremennyy nauchnyy tekst (skvoz' prizmu diskursivnykh izmeneniy): monografiya. – M.:FLINTA, 2019. – 264 s.
12. 12. Kotyurova M.P., Tikhomirova L.S., Solov'yeva N.V. Idiostilistika nauchnoy rechi. Nashi predstavleniya o rechevoy individual'nosti uchenogo: monografiya. – Perm': Perm. un-t, 2011.– 394 s.
13. 13. Levi-Bryul' L. Sverkh"yestestvennoye v pervobytnom myshlenii. M.: Pedagogika-Press, 1994.– 608 s.
14. 14. Ryabtseva N.K. Prikladnyye problemy perevodovedeniya: lingvisticheskiy aspekt: uchebnoye posobiye. – M.: FLINTA: Nauka, 2013. – 224 s.

References

1. Bazhenova E. A. Discursive-stylistic approach to the study of scientific text. Stylistyka. - Opole, 2005. - T. XIV, pp. 317-334. (In Russian).
2. Bazhenova E. A. in the book.: Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. Culture of scientific speech: text and its editing: a textbook. - 2nd ed., Rev.. - Moscow: Flint, Nauka, 2008. 280 p. (In Russian).
3. Goncharova E. A. Lingvostylistic aspect of interpretation of egocentric text structures. Stylistyka. - Opole, 2005. T. XIV.,pp. 175-189. (In Russian).
4. Kartsev V. P. Social psychology of science and problems of historical and scientific research. Moscow: Nauka, 1984. 308 p. (In Russian).
5. Kozhina M. N. On the speech system of scientific style in comparison with some others. Perm: Perm. UN-t, 1972. 395 p. (In Russian).

6. Kozhina M. N. Ways of development of Russian language stylistics in the 2nd half of the XX century. Opole, 1997. ,VI vol. pp. 9-49. (In Russian).
7. Kozhina M. N. Speech studies and functional stylistics: questions of theory. Selected works. Perm:Perm. UN-t, PSI, PSSGK, 2002. 475 p. (In Russian).
8. Kotyurova M. P. Onextralinguistic bases of the semantic structure of a scientific text (Functional and stylistic aspect). Krasnoyarsk: Publishing house of Krasnoyar. University press, 1988. 170 p. (In Russian).
9. Kotyurova M. P. Stylistics of scientific speech: a textbook. Perm: Perm. state University, 2009. 363 p. (In Russian).
10. Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. Culture of scientific speech: text and its editing: a textbook. 2nd ed., Rev. and DOP. M.: Flinta: Science, 2008. 280 p. (In Russian).
11. Kotyurova M. P., Solovyova N. V. Modern scientific text (through the prism of discursive changes): monograph / M. p. Kotyurova, N. V. Solovyova. Moscow: FLINT, 2019. 264 p. (In Russian).
12. Kotyurova M. P., Tikhomirova L. S., Soloveva N. Idiostylistics of scientific speach. Our ideas about the speech personality of a scientist: a monograph. Perm: Perm. u-tet, 2011. 394 p. (In Russian).
13. Levi-Bruhl L. The supernatural in primitive thinking. Moscow: Pedagogiks-Press, 1994.608 p. (In Russian).
14. Ryabtseva N. K. Applied problems of translation studies: linguistic aspect: textbook. Moscow: FLINT: Nauka, 2013. 224 p. (In Russian).

УДК 81'373.611

Осильбекова Дания Алтмишбаевна
доктор филологических наук, доцент, профессор
Московский государственный педагогический университет
Россия, г. Москва
e-mail: osilbekova@list.ru

Osilbekova Daniya Altmishbaevna
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Moscow State Pedagogical University
Russia, Moscow
e-mail: osilbekova@list.ru

Д.А. Осильбекова

ИДИОМАТИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ УНИВЕРБАТОВ

Аннотация. Универбация является одним из самых продуктивных способов словообразования в современном русском языке и представляет собой образование суффиксального существительного на базе словосочетания. Такие производные слова (универбаты) являются разговорными синонимами неоднословных наименований. Многие универбаты имеют идиоматичную семантику, и вне контекста определить их значения по значениям производящей основы и суффикса сложно. В статье рассматриваются факторы, обусловливающие идеоматичность семантики универбатов: сочетаемость производящего прилагательного и употребительность исходного словосочетания, продуктивность словообразовательной модели, неоднозначность значения суффикса. Также осложняет понимание новообразований наличие так называемых словообразовательных двойников, между которыми устанавливаются отношения полисемии или омонимии.

Ключевые слова: универбация, универбат, семантика, синоним, идиоматичность, полисемия, омонимия

D.A. Osilbekova

IDIOMATIC SEMANTICS OF THE UNIVERBATS

Abstract. The univerbation is one of the most productive ways of word-formation in modern Russian. It is the formation of suffix noun from word-combination. Such derivative words (univerbats) are conversational synonyms of complex nominations. Many univerbats have idiomatic semantics and outside of the context it is difficult to determine their meanings from the semantics of their generating base and suffix. The article discusses the factors determined their idiomatic semantics: the combinability of generating adjective and the frequency of primery word-combination use, the productivity of the word-building pattern, the uncertainty of the suffix semantics. The presence of so-called word-forming twins, which have relations of polysemy or homonymy, also complicates the understanding of new univerbats.

Keywords: univerbation, univerbat, semantics, synonym, idiomaticity, polysemy, homonymy

Семантика производных слов обусловлена значением производящей основы и форманта (словообразовательного аффикса, присоединяемого к основе). Многие производные слова не содержат в своем значении имплицитных семантических компонентов. Например, слова с модификационными словообразовательными значениями «то же самое, что названо производящим словом, но видоизмененное – маленькое, невзрослое, женского пола, позитивно или негативно оцениваемое», например: *столик* – «маленький стол», *мышонок* – «детеныш мыши», *спортсменка* – «спортсмен женского пола», *волчица* – «самка волка», *берёзонька* – «уменьшительно-ласкательное к береза», *лошаденка* – «уничижительное к лошадь».

Идиоматичность (фразеологичность) семантики производного слова – это невыводимость его значения из словообразовательной структуры. В современном

русском языке многие производные слова характеризуются идиоматичной семантикой, то есть имеют в своем значении дополнительные компоненты, не выраженные словообразовательными морфемами. Например, *склад* – «место, где не только *складывают* что-либо, но и хранят», *земляника* – это не любая ягода, которая растет близко к *земле,* а «душистая кисло-сладкая ягода красного цвета». О.П. Ермакова отмечает высокую степень идиоматичности универбатов – слов, образованных от определительных словосочетаний [2, с. 17]. Процесс образования таких слов принято называть универбацией.

Универбация является одним из способов компрессивного словообразования имен существительных и представляет собой свертывание словосочетания в однословное наименование [3, с.118]. Ср.: *выделенка – выделенная линия, парадка – парадная форма, системник – системный блок*. В качестве производящей базы чаще всего выступают словосочетания «прилагательное + существительное». Реже – более сложные словосочетания, например: *альтернативка – альтернативная гражданская служба*, *предварилка – камера предварительного заключения*.

Этот способ словообразования обнаруживает черты лексической деривации, поскольку производные имена существительные формально образуются от прилагательных и приобретают значение предметности; в то же время в нем проявляются черты синтаксической деривации, так как производное семантически мотивировано исходным словосочетанием, синонимично ему и отличается лишь стилистической окраской разговорности и синтаксической функцией.

Большинство универбатов образовано с помощью суффикса *-к(а)* (*музыкал-к-а — музыкальная школа*) и *-ик/-ник* (*военн-ик – военный билет*). Менее продуктивны модели с суффиксами *-лк(а)* (*начерта-лк-а – начертательная геометрия*), *-иц(а)* (*передов-иц-а – передовая статья*), *-ак* (*товарн'-ак – товарный поезд*), *-ач* (*курс-ач – курсовая работа*), *-ашк(а)* (*растворяшка – растворимый кофе*), *-ушк(а)* (*легков-ушк-а – легковая машина*), *-ух(а)* (*кольцев-ух-а – кольцевая дорога*).

Универбация – очень продуктивный способ словообразования имён существительных. В последние десятилетия его активизация связана с общей тенденцией к демократизации русского языка, проявляющейся, в частности, в том, что разговорные слова и неофициальные вторичные названия реалий стали широко использоваться в языке СМИ.

В текстах разговорного и публицистического стиля речи универбаты обычно выполняют функцию компрессии, свертывая подразумеваемое словосочетание. Например: По отзывам её клиентов, мамины торты гораздо вкуснее изделий из магазинов и кондитерских. И я с этим полностью согласна, ибо хорошую *кондитерку* сейчас очень трудно найти (https://zen.yandex.ru/media/mng/predpochtu-kupit-tort-v-piaterochke-bolshe-ne-doveriaiu-domashnim-konditeram-5e534e36a4666c694f8a779f 24.02.20); За период действия запрета Россельхознадзором были пресечены попытки ввоза и реализации более 18 тысяч тонн запрещенной продукции растительного и животного происхождения. И хотя поток *«санкционки»* снижается, попытки пробить брешь в заслонах продолжаются (https://rg.ru/2018/01/10/dankvert-v-zone-riska-miaso-ryba-i-med.html). Также универбаты могут выполнять и стилистическую функцию замещения, например: 5 замечательных *настольных игр* для школьников. С этими *настолками* вы забудете как зовут родную маму! Время за ними пролетает незаметно. (https://sm-news.ru/5-zamechatelnyx-nastolnyx-igr-dlya-shkolnikov-56670/ 26.11.19).

Легко ли понять значение нового, а иногда и узуального универбата без контекста? В его семантике всегда присутствует значение производящего прилагательного, и можно предположить, что универбат называет нечто, обладающее

признаком, названным этим прилагательным. Как отмечает Н.С. Валгина, «значение образованного слова ориентируется на первую часть словообразующего словосочетания – на основу прилагательного, хотя это новое слово несет в себе в скрытой форме сумму значений сочетающихся слов» [1, с. 144].

Для реципиента значение прилагательного более информативно, если оно не входит в широкий круг составных наименований. Например, значение производного *многоквартирка* вполне понятно, так как прилагательное *многоквартирный* входит в состав устойчивого словосочетания *многоквартирный дом*; *гиалуронка* – это, конечно, *гиалуроновая кислота*, так как прилагательное *гиалуроновый* сочетается только с этим существительным. Если же производящее прилагательное является компонентом нескольких устойчивых словосочетаний, то логично предположить, что универбат образуется от наиболее употребительного из них. Так, *шенгенка* – это *Шенгенская виза, а не Шенгенское соглашение, шенгенское право* или *шенгенская зона*; универбат *нобелевка* является разговорным синонимом словосочетания *Нобелевская премия,* хотя прилагательное *нобелевский* входит также в устойчивые словосочетания *Нобелевский комитет, Нобелевский фонд, нобелевский лауреат, нобелевская лекция.*

Какова семантическая роль суффикса? Суффиксы выражают в самом общем виде значение существительного – опорного компонента словосочетания, которое семантически мотивирует универбат, но формально не входит в производящую основу. Поэтому в силу широкой семантики суффикса вне контекста определить значение нового универбата сложно.

Суффикс *-к(а)* имеет неоднозначную семантику. Чаще всего он участвует в создании номинации предмета: *балетки – балетные туфли, маршрутка – маршрутное такси, минералка – минеральная вода, художка – художественная школа*. Менее продуктивны универбаты со значением отвлеченного действия, состояния: *аморалка – аморальное поведение, гуманитарка – гуманитарная помощь, кругосветка – кругосветное плавание, рукопашка – рукопашный бой, самоволка – самовольная отлучка.* Также относительно не много слов с отвлеченным непроцессуальным значением: *жилищка – жилищное право, коррекционка – коррекционная педагогика, прогрессивка – прогрессивный налог, ювеналка – ювенальная юстиция*. Очень мало производных этого типа со значением лица: *многодетки – многодетные родители, недоношенка – недоношенный ребенок*.

Универбаты с суффиксом *-к(а)* входят в состав различных лексико-семантических групп, например, названий отраслей промышленности: *нефтянка – нефтяная промышленность, оборонка – оборонная промышленность*; видов продукции: *кондитерка – кондитерская продукция, молочка – молочная продукция, кисломолочка – кисломолочная продукция, натуралка – натуральные продукты, просрочка – просроченные продукты, санкционка – санкционные продукты*; названий учебных заведений: *аграрка – аграрный университет, ветеринарка – ветеринарная академия* и др.

Суффикс *-ик/-ник* продуктивен в образовании названий лица и предмета: *безопасник – сотрудник службы безопасности, вечерник – студент вечернего отделения, частник – частный предприниматель, штатник – штатный сотрудник*; *внедорожник – внедорожный автомобиль, грузовик – грузовой автомобиль, мобильник – мобильный телефон, сольник – сольный диск*.

Суффиксы *-ак, -ач, -ух(а), -ушк(а)* имеют просторечную, жаргонную окраску и выражают значение предмета: *товарняк – товарный поезд, кирзачи – кирзовые сапоги, губнушка – губная помада*; значение отвлеченного действия (явления): *договорняк –*

договорной матч, *бытовуха – бытовое преступление (преступление на бытовой почве)*, значение лица: *классуха - классная руководительница.*

Понимание универбатов-неологизмов вне контекста осложняется тем, что они часто имеют словообразовательных «двойников». Здесь различаются три явления.

1. Неоднократное использование словообразовательной модели. Если универбат является более удобным, кратким названием известной реалии, т.е. выполняет номинативно-компрессивную функцию, то обычно он создается по продуктивной модели. Такая модель может использоваться многократно, и при этом независимо друг от друга могут создаваться производные – словообразовательные двойники. Например, *спальник – спальный мешок* и *спальный район*: Строгино назвали лучшим *«спальником»* Москвы (http://www.pavlino.info/index.php 29.09.2011). *Раскладушка – раскладная кровать*, *раскладной телефон* и *раскладные очки*: Очки Ray-Ban Folding: *раскладушка* – это модно (http://www.rb.ua/wiki/ray 20.01.2015).

Являются ли такие универбаты омонимами или это разные значения одного слова? На наш взгляд, здесь следует учитывать дихотомию языка и речи. Словообразовательные двойники рождаются в речи как омонимы. Однако между «старыми» и «новыми» производными неизбежно возникают семантические связи, так как они объединены значением общей производящей основы и общим предметным значением форманта. В узусе словообразовательные двойники обычно функционируют как многозначные слова.

2. Второе явление – это совпадение универбатов и однокоренных суффиксальных производных, не соотносительных с синонимичными словосочетаниями. Например, *резинка* – «ластик и тесьма на резиновой основе» и *резинка* – «резиновая (в переносном значении) квартира»: На самом деле проблема с *«резинками»* решается просто… Ну, согласитесь, если участковый действительно постоянно контролирует свою территорию, неужели он не заметит десяток, допустим, нигде не зарегистрированных людей, обитающих в однокомнатной квартире? (http://www.rg.ru/2013/10/22/zhilyo.html); *отрывник* – «отрывной календарь» и *отрывник* – «то, что можно оторвать»: Иллюстрация *«Отрывник»*. Этот календарик годится для иллюстрирования и обозначения множества вещей (http://www.someteam.ru/2009/01/); Делайте объявления *с отрывниками* (чтобы человек мог *оторвать* и забрать бумажку с номером телефона и видом услуги). (http://www.aerodesigne.ru/forum/20.10.2011).

Такие производные, как и «двойники» первого типа, можно отнести к реализации одной словообразовательной модели, так как у них общий формант (*-к(а), -ик/-ник* и др. суффиксы) и общее производящее (непосредственное и опосредованное): *резинка* – от *резина* и *резиновый*, *отрывник* – от *отрывной* и *отрывать*. В узус они могут войти как разные значения многозначного слова.

3. Третье явление – это совпадение универбатов и однокоренных суффиксальных производных с омонимичными суффиксами. Такие производные являются словообразовательными омонимами. У них формально совпадают результаты членения на производящую основу и формант при разных мотивациях и, соответственно, при разных значениях словообразовательного аффикса. В данном случае словообразовательная омонимия порождает омонимию лексическую. Например: *пират-к-а* – «женское к пират», где суффикс *-к(а)* имеет модификационное значение женскости, и *пират-к-а* – «пиратская продукция» с предметным значением суффикса: Торговля пиратскими дисками была делом крайне выгодным… Но сейчас же *пиратки* находятся в свободном доступе на торрентах (https://www.yaplakal.com/forum7/topic933829.html 5.10.2014); *фигур-к-а* –

«уменьшительное к фигура» и *фигур-к-а* – «фигурное катание» с отвлеченным значением суффикса: Мы уже предвкушаем главный вопрос, который услышим в комментариях к текстам: «Почему вы опять называете фигурное катание «фигуркой»?...». Да, мы действительно любим слово «фигурка». И пишем его регулярно: а) потому что так (да-да!) говорят сами фигуристы, и б) это просто емкое слово, которое не занимает половину заголовка (https://www.sports.ru/tribuna/blogs/figureice/2598330.html 17.10.2019).

Таким образом, степень идиоматичности значения универбатов обусловлена сочетаемостью производящих прилагательных, употребительностью синонимичного словосочетания, многозначностью или омонимией суффиксов, а также наличием словообразовательных двойников.

Библиографический список

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов / Н.С.Бутакова. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
2. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке / О.П. Ермакова. – М.: Рус. яз., 1984. – 152 с.
3. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства / Е.А.Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 90–141.

References in Roman script

1. Valgina N.S. Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / N.S.Butakova. – M.: Logos, 2001. – 304 s.
2. Ermakova O.P. Leksicheskie znacheniya proizvodnyh slov v russkom yazyke / O.P. Ermakova. – M.: Rus. yaz., 1984. – 152 s.
3. Zemskaya E.A. Aktivnye processy sovremennogo slovoproizvodstva / E.A.Zemskaya // Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985–1995) / Otv. red. E.A. Zemskaya. – M.: YAzyki russkoj kul'tury, 2000. – S. 90–141.

References

1. Valgina N.S. Active processes in modern Russian: a textbook for University students/ N.S.Butakova. Moscow, Logos Publ., 2001. – 304 p. (In Russian).
2. Ermakova O.P. The lexical meaning of the derived words in the Russian language / O. P. Ermakova. Moscow, Russian Language Publ., 1984. – 152 p. (In Russian).
3. Zemskaya E.A. Active processes of modern word production / E. A. Zemskaya / / Russian language of the end of the XX century (1985-1995) / E. A. Zemskaya. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 2000, pp. 90-141. (In Russian).

УДК 811.161.1; 81'373

Воркачев Сергей Григорьевич
доктор филологических наук, профессор
Кубанский государственный
технологический университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: svork@mail.ru,
vorkachevsergei@yandex.ru

Vorkachev Sergey Grigorievich
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar
e-mail: svork@mail.ru,
vorkachevsergei@yandex.ru

С.Г. Воркачев

СЛОВО «БЛАТ» В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Статья посвящена исследованию эволюционной динамики слова «блат» в русском языке. Основное внимание уделяется отслеживанию этимологии этой лексемы и наполнению её семантического состава. Задача исследования – выявление изменений в семантике слова «блат» и в её речевом использовании в современном языке. Материалом для исследования послужили данные лексикографии и тексты Интернета. Устанавливается, что это слово отмечено культурно-языковой спецификой и что из товарно-услуговой и карьерно-должностной разновидностей блата первая ушла в прошлое вместе с товарным дефицитом. Делается также заключение о том, что, несмотря на присутствие слова «блат» в словниках нескольких этимологических словарей русского языка, его происхождение остается в достаточной степени неясным, что между его основными значениями никаких промежуточных семантических связей не наблюдается.

Ключевые слова: блат, взятка, лексикография, этимология, семантика, культурно-языковая специфика

S.G. Vorkachev

THE WORD “BLAT“ IN THE LEXICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the study of the evolutionary dynamics of the word “blat“ in Russian. The focus is on tracking the etymology of this token and filling out its semantic composition. The objective of the study is to identify changes in the semantics of the word “blat“ and in its speech use in the modern language. The research material was lexicography data and Internet texts. It is established that this word is marked by cultural-linguistic specificity and that the first of the commodity-service and career-job varieties of blat has gone into the past along with a shortage of goods. It is also concluded that, despite the presence of the word “blat“ in several etymological dictionaries of the Russian language, its origin remains sufficiently unclear that no intermediate semantic relations are observed between its main meanings.

Keywords: blat, bribe, lexicography, etymology, semantics, culture and language specificity

Одной из составляющей идеи воздаяния [5], как представляется, выступает противопоставление сделки – обмена товарно-денежного, связанного с извлечением пользы для себя, купли-продажи – бескорыстному взаимному обмену чувствами и симпатиями, при котором «материальная часть» сугубо символична – подаркам и дарам. Обмен товарами и услугами, может осуществляться на справедливых началах и признаваться обществом законным, когда обмениваются плодами собственного труда, добытыми личными усилиями. В то же самое время этот обмен может включать получение социальной ренты, связанной с преимуществами, обусловленными положением в обществе, признаваться незаконным и морально осуждаться.

Использование родственных и дружеских связей, а также просто знакомств в личных и групповых интересах в человеческом обществе существует, очевидно, от века

и хорошо вписывается в деление мира на «своих», для которых все, и на «чужих», для которых закон. Кумовство, протекционизм, покровительство по большому счету представляют собой функциональный аналог взятки – все это инструмент индивидуального и группового выживания и преуспевания за счет нарушения норм справедливости, как бы последние ни понимались.

В то же самое время блат как получение каких-либо благ в обход существующих правил при помощи личных связей – явление, в значительной мере ограниченное «хронотопом»: временными и пространственными рамками советского государства и отнюдь неслучайно его вербальный знак включен в словник «Толкового словаря языка Совдепии» [11, с. 56]. И если рассматривать явление блата как лингвокультурный концепт, то это, безусловно, такой же «индикатор эпохи», как «сознательность» и «очковтирательство» [8, с. 161].

Наблюдения над современным речевым употреблением лексемы «блат» в отмеченном значении свидетельствуют о постепенном его переходе в число «забытых слов», таких, как «галоши», «порядочность», «обхождение», «мещанин» и пр. [14, с. 499–521], за счет утраты той части своей семантики, которая связана с порождающим его дефицитом потребительских товаров. Действительно, из двух главенствующих предметных разновидностей блата – товарно-услуговой и карьерно-должностной («достать по блату» и «устроиться по блату») – первая ушла в прошлое вместе с дефицитом и очередями в тот самый момент, когда восстановились рыночные, товарно-денежные отношения, а для обозначения второй продолжают существовать имена «кумовство», «протекционизм» и «покровительство».

«Формула блата», его структурный фрейм, в принципе, совпадает с *формулой взятки* [5, с. 327]: она включает такие базовые переменные, как субъект$_1$ – пользователь блата, непосредственный получатель выгоды, «блатной», и субъект$_2$ – должностное лицо, этот блат предоставляющее, предмет$_1$ – ответная виртуальная услуга и предмет$_2$ – оказываемая актуальная услуга. Блат и взятка – явления одного порядка, поэтому представляется вполне закономерным, что в смысловом ряду в речевом употреблении они иногда практически отождествляются. В то же самое время отличия блата от взятки коренятся, главным образом, в семантическом наполнении предмета$_1$ – ответной услуги, которая либо виртуальна и разнесена по времени с предметом$_2$ – услугой актуальной, либо, при отсутствии какого-либо корыстного умысла, вовсе факультативна. С другой стороны, если предметом взятки выступают выгоды и услуги имущественного характера, предоставляемые безвозмездно, но подлежащие оплате, то предметом блата являются как раз главным образом услуги неимущественного, нематериального характера, которые не поддаются денежному исчислению. И, наконец, если взятка может принимать вид взятки-подкупа или взятки-вознаграждения (благодарности), даваться и приниматься как до, так и после оказания услуги, то ответная «блатная» услуга имеет место исключительно после оказания актуальной услуги, предоставляемой как бы в долг, и выглядит благодарностью – в противном случае это просто взятка.

В лексикографии у слова «блат» выделяются два основных значения: блат$_1$ – *преступление, воровство* [20, т. 1, с. 151; 7, т. 1, с. 106], *преступление, мошенничество* [16, т. 1, с. 501] и блат$_2$ – *связи, знакомства, дающие возможность получить что-либо, добиться чего-либо незаконным способом* [18, т. 1, с. 625; 16, т. 1, с. 97]. Третье значение этого слова, выделяемое в лексикографии, – *условный язык (арго) воров* [16, т. 1, с. 97; 18, т. 1, с. 625; 7, т. 1, с. 106], *воровской язык, блатная музыка* [20, т. 1, с. 151], как представляется, производно от первого. В довоенных советских словарях Д.Н. Ушакова (1935) и С.И. Ожегова (1940) фиксируется на первом месте значение блата как

преступного мира, второе значение – полезного знакомства – упоминается лишь «по касательной», в составе фразеологизма: *по блату – незаконным способом* [20, т. 1, с. 151; 12, с. 41]. Развернутое толкование блата как полезного знакомства появляется на втором месте в академических словарях, малом (1957–1961) и незаконченном переиздании большого (1991–1994): «знакомство, связи, которые противозаконно можно использовать в личных интересах» [16, т. 1, с. 97], *связи, знакомства, дающие возможность получить что-либо, добиться чего-либо незаконным способом* [18, т. 1, с. 625]. В первом большом академическом словаре (1948–1965) дается «промежуточное» толкование: *в выражениях: получить что-либо, добыть по блату и т. п. – о незаконном способе получения чего-либо путем протекции или обмана* [18, т. 1, с. 501]. В российских толковых словарях на первом месте идет уже значение блата как полезного знакомства с пометой «разговорное», а «преступный мир» уходит на второй план с пометой «устаревшее» [10, с. 83; 7, т. 1, с. 106].

Можно заметить, что семантический состав блата, представленный в лексикографических толкованиях, в достаточной степени скуден: здесь выделяется признак знакомства, предполагающий межсубъектный характер блата (*по знакомству* – [12, с. 41]; *знакомство* – [13, с. 50]; *связи, знакомства* – [7, т. 1, с. 106; 18, т. 1, с. 97], признак личного и корыстного интереса (*личные, корыстные интересы* – [13, с. 50; 10, с. 83]; *личные, корыстные цели* – [7, т. 1, с. 106] и признак нарушения моральных и юридических норм (*незаконным способом* – [20, т. 1, с. 151; 12, с. 41; 18, т. 1, с. 625]; *в обход существующих правил* – [10, с. 83]; *путем протекции или обмана* – [18, т. 1, с. 501]. В силу чего блат получает отрицательную этическую оценку (*неодобрительно* – [12, с. 41].

Можно также заметить, что в лексикографических толкованиях между значениями «преступный мир» и «полезное знакомство» никаких промежуточных семантических связей не просматривается, что дает бóльшие основания считать эти значения омонимами, а не лексико-семантическими вариантами.

Синонимический ряд к лексеме «блат$_2$», составленный по данным синонимических словарей представлен единицами *завязка, замазка, знакомства, ладонь*, *маза, рычаги, (своя) рука, (полезные) связи, ходы* [1, с. 169; 2, с. 150; 19]), куда можно еще добавить (*волосатую/мохнатую) лапу*, *кумовство* и книжно-литературные *протекционизм* и *непотизм*. В наиболее объемном, двухтомном синонимическом словаре советского времени А.П. Евгеньевой [6] «блат» отсутствует, как, впрочем, и «взятка», то ли по идеологическим соображениям, то ли по причине разговорного, просторечного и даже *вульгарного* [20, т. 1, с. 151] окраса этой лексемы.

В то же самое время «блат», ассоциируемый с полезным знакомством, представлен в числе реакций на стимулы *достать, заказ, выгода, деньги, знакомство, иметь, покупать, попасть, профсоюз, рука, связь* «Русского ассоциативного словаря» [15, т. 2, с. 37].

Несмотря на то, что слово «блат» присутствует в словниках нескольких этимологических словарей русского языка, его происхождение остается в достаточной степени неясным. Так, Макс Фасмер по фонетическому сходству возводит «блат» в значении «воровское арго» к польскому blat «укрыватель» из еврейско-немецкого blat «посвященный, согласный», отмечая при этом, что его происхождение от польского жаргонного blat «взятка» из немецкого *Blatt «бумажные деньги» представляется менее убедительным [21, т. 1, с. 172]. В других словарях, напротив, приводится происхождение «блата» уже в значении «знакомство, используемое в корыстных целях/личных интересах» как раз от польского арготического *мошенник, укрывающий по знакомству* из идиша, где blat *близкий (человек*) [9, с. 38]. В любом случае

профессиональные этимологи четких и однозначных указаний на происхождение двух основных значений современной русской лексемы «блат» – блат$_1$ «уголовный мир» и блат$_2$ «полезное знакомство» – не дают, что, очевидно, и дает простор для спекуляций «Интернет-этимологов» относительно происхождения семантического наполнения «блата».

Рассуждения на эту тему варьируются от совершенно фантазийных версий до гипотез той или иной степени правдоподобия.

Так, утверждается, что «блат» идет из «еврейского жаргона немецкого языка», где он *означает кровь*, а *достать по блату* – это *когда твои единокровные… тебе помогают добыть желаемое*, что это аббревиатура от *Большие Люди Администрации Тюрьмы (БЛАТ)* – комиссия, которая решала, кого освободить досрочно [23].

Появление этого слова возводится к временам Петра I, когда оно произошло *от голландского blat или немецкого Blatt*, переводимого как лист бумаги, в который *вносили имена бояр, откупившихся от позорных (с их точки зрения) процедур и повинностей: обрезания длинных рукавов, ношения немецкой одежды, бритья бород, необходимости отдавать своих недорослей для обучения ремеслу за границей и т. д*. [23], или же к временам Екатерины II, когда словом «блат» (от нем. Blatt – лист) обозначалась грамота, вручавшаяся немцам при переселении в Россию и дававшая такие привилегии, как освобождение от телесных наказаний, каторги, службы в армии и пр., а тех, кто имел подобные документы, называли блатными, а уж затем это понятие перешло в уголовный жаргон и стало означать «криминальное сообщество» [3].

Происхождение этого слова связывается с появлением иностранных технических специалистов в советское время, которым в спецмагазинах продавали товары, отсутствующие в общей продаже, по предъявлению особого документа – ордера опять же на листе бумаги [3].

И, наконец, появление имени существительного «блат» может оказаться результатом обратного словообразования: быть производным от прилагательного «блатной»: в тюремной субкультуре блатными называют касту привилегированных заключенных, пользующихся особыми привилегиями и занимающих «синекурные» по лагерным понятиям должности [4].

Итак.

Использование родственных и дружеских связей, а также просто знакомств в личных и групповых интересах в человеческом обществе существует, очевидно, от века и хорошо вписывается в деление мира на «своих» и на «чужих». Кумовство, протекционизм, покровительство по большому счету представляют собой функциональный аналог взятки – все это инструмент индивидуального и группового выживания и преуспевания за счет нарушения норм справедливости. В то же самое время блат как получение каких-либо благ в обход существующих правил при помощи личных связей – явление, в значительной мере ограниченное временными и пространственными рамками советского государства и своего рода индикатор эпохи.

Из двух главенствующих предметных разновидностей блата (товарно-услуговой и карьерно-должностной) первая ушла в прошлое вместе с дефицитом и очередями, а для обозначения второй продолжают существовать имена «кумовство», «протекционизм» и «покровительство».

Несмотря на то, что слово «блат» присутствует в словниках нескольких этимологических словарей русского языка, его происхождение остается в достаточной степени неясным. В лексикографии у слова «блат» выделяются два основных значения: блат$_1$ – «преступление, воровство» и блат$_2$ – «связи, знакомства, дающие возможность получить что-либо, добиться чего-либо незаконным способом», между которыми

никаких промежуточных семантических связей не просматривается, что дает основания считать эти значения омонимами, а не лексико-семантическими вариантами.

Синонимический ряд к лексеме «блат$_2$» в значении «полезное знакомство» достаточно представителен, хотя в наиболее объемном синонимическом словаре советского времени А. П. Евгеньевой «блат» отсутствует, то ли по идеологическим соображениям, то ли по причине просторечного окраса этой лексемы. В то же самое время «блат$_2$» представлен в числе многочисленных реакций на стимулы «приобретения» в ассоциативном словаре.

Библиографический список

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: ок. 9000 синонимических рядов. – М.: Русский язык, 1986. – 600 с.
2. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник: ок. 11000 синонимических рядов. – М.: Русский язык, 2001. – 568 с.
3. Блат // Википедия – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Блат&oldid=87934334
4. Блат // Лукоморье – Режим доступа: http://lurkmore.to/Блат
5. Воркачев С.Г. Какою мерою мерите: идея воздаяния в лингвокультуре. – Краснодар: КубГТУ, 2019. – 372 с.
6. Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. – М.: Астрель-Аст, 2001.
7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – М.: Русский язык, 2001.
8. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла/ – М.: Гнозис, 2010. – 351 с.
9. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.
10. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
11. Мокиенко В.М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-пресс, 1998. – 700 с.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. – 848 с.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.
14. Пьецух В. Забытые слова (синодик) // Низкий жанр. – М.: ЗебраЕ, 2005. – С. 499–521.
15. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 2: От реакции к стимулу. – М.: АСТРЕЛЬ-АСТ, 2002. – 992 с.
16. Словарь русского языка: в 4-х т. – М.: Русский язык, 1981–1984.
17. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М-Л.: АН СССР, 1951–1965.
18. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. – М.: Русский язык, 1991–1994.
19. Тришин В.Н. Словарь синонимов ASIS, 2010. – Режим доступа: http://sinonim-slovo.info/Словарь_синонимов
20. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: Астрель-АСТ, 2000.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Астрель-АСТ, 2003.
22. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. – М.: Дрофа, 2000. – 400 с.
23. Что значит выражение «достать по блату» – Режим доступа: http://otvet.mail.ru/question/24786318

References in Roman script

1. Aleksandrova Z.E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: ok. 9000 sinonimicheskih ryadov. – M.: Russkij yazyk, 1986. – 600 s.
2. Aleksandrova, Z.E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Prakticheskij spravochnik: ok. 11000 sinonimicheskih ryadov. – M.: Russkij yazyk, 2001. – 568 s.

3. Blat//Vikipediya– Rezhim dostupa: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Blat&oldid=87934334
4. Blat // Lukomor'e – Rezhim dostupa: http://lurkmore.to/Blat
5. Vorkachev S.G. Kakoyu meroyu merite: ideya vozdayaniya v lingvokul'ture. – Krasnodar: KubGTU, 2019. – 372 s.
6. Evgen'eva A.P. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: v 2-h t. – M.: Astrel'-Ast, 2001.
7. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj: v 2 t. – M.: Russkij yazyk, 2001.
8. Karasik V.I. Yazykovaya kristallizaciya smysla. – M.: Gnozis, 2010. – 351 s.
9. Krylov G.A. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. – SPb.: Poligrafuslugi, 2005. – 432 s.
10. Kuznecov S.A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – SPb.: Norint, 1998. – 1536 s.
11. Mokienko V.M., Nikitina T. G. Tolkovyj slovar' yazyka Sovdepii. – SPb.: Folio-press, 1998. – 700 s.
12. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. – M.: Gosizdat inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1953. – 848 s.
13. Ozhegov S.I., SHvedova N.YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – M.: Azbukovnik, 1998. – 944 s.
14. P'ecuh V. Zabytye slova (sinodik) // Nizkij zhanr. – M.: ZebraE, 2005. – S. 499–521.
15. Russkij associativnyj slovar': v 2 t. T. 2: Ot reakcii k stimulu. – M.: ASTREL'-AST, 2002. – 992 s.
16. Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. – M.: Russkij yazyk, 1981–1984.Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. – M-L.: AN SSSR, 1951–1965.
17. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 20 t. – M.: Russkij yazyk, 1991–1994.
18. 18.
19. Trishin V.N. Slovar' sinonimov ASIS, 2010. – Rezhim dostupa: http://sinonim-slovo.info/Slovar'_sinonimov
20. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t. – M.: Astrel'-AST, 2000.
21. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. – M.: Astrel'-AST, 2003.
22. Shanskij N.M., Bobrova T.A. SHkol'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: Proiskhozhdenie slov. – M.: Drofa, 2000. – 400 s.
23. Chto znachit vyrazhenie «dostat' po blatu» – Rezhim dostupa: http://otvet.mail.ru/question/24786318

References

1. Alexandrova Z.E. Dictionary of synonyms of the Russian language: approx. 9000 synonymous series. Moscow, Russian language Publ., 1986. 600 p. (In Russian).
2. Alexandrova, Z.E. Dictionary of synonyms of the Russian language. Practical Guide: approx. 11,000 synonymous series. Moscow, Russian language Publ., 2001. 568 p. (In Russian).
3. Blat. In Wikipedia. Available at: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Blat&oldid=87934334 (In Russian).
4. Blat. In Lukomorye. Available at: http://lurkmore.to/Blat (In Russian).
5. Vorkachev S.G. With the measure you use: the idea of retribution in linguistic culture. Krasnodar, KubGTU Publ., 2019. 372 p. (In Russian).
6. Evgenieva A.P. Dictionary of synonyms of the Russian language: in 2 volumes. Moscow, Astrel-AST Publ., 2001. (In Russian).
7. Efremova T.F. The new dictionary of the Russian language. Interpretative and word-formation: in 2 vols. Moscow, Russian language Publ., 2001. (In Russian).
8. Karasik V.I. Linguistic crystallization of meaning. Moscow, Gnosis Publ., 2010. 351 p. (In Russian).
9. Krylov G.A. Etymological dictionary of the Russian language. St Petersburg, Polygraph services Publ., 2005. 432 p. (In Russian).
10. Kuznetsov S.A. Great Dictionary of Russian language. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p. (In Russian).
11. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Explanatory dictionary of the language of the Soviets. St. Petersburg, Folio Press Publ., 1998. 700 p. (In Russian).

12. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1953. 848 p. (In Russian).
13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. 944 p. (In Russian).
14. Petsuh V. Forgotten words (synodic). Low genre. Moscow, ZebraE Publ., 2005, pp. 499–521. (In Russian).
15. Russian associative dictionary: in 2 vols. T. 2: From reaction to stimulus. Moscow, Astrel-AST Publ., 2002. 992 p. (In Russian).
16. Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ., 1951–1965. (In Russian).
17. Dictionary of the modern Russian literary language: in 20 volumes. Moscow, Russian language Publ., 1991–1994. (In Russian).
18. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Moscow, Russian language Publ., 1981–1984. (In Russian).
19. Trishin V.N. ASIS Synonym Dictionary, 2010. Available at: http://sinonim-slovo.info/Synonym Dictionary (In Russian).
20. Ushakov D.N. Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 vols. Moscow, Astrel-AST Publ., 2000. (In Russian).
21. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols. Moscow, Astrel-AST Publ., 2003. (In Russian).
22. Shansky N.M., Bobrova T.A. The School Etymological Dictionary of the Russian Language: The Origin of Words. Moscow, Drofa Publ., 2000. 400 p. (In Russian).
23. What does the expression "get by pull" mean. Available at: http://otvet.mail.ru/question/24786318. (In Russian).

УДК 811.93 / 81` 25

Милуд Мохамед Рашид
доктор филологических наук, доцент
Университет Алжира-2 им. Абу Эль-Касема Саад Аллаха
Алжир, г. Алжир
e-mail: medrachid.miloud@univ-alger2.dz

Miloud Mohamed Rachid
Associate Professor, Dr. Sc. (Philology)
Algiers University 2 named after Abu Elkassem Saad Allah
Algiera, Algiers
e-mail: medrachid.miloud@univ-alger2.dz

М.Р. Милуд

ПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАФОР В НАНОКОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу метафорических единиц в русской нанокомпьютерной терминологической системе. Актуальность исследования обусловлена повышением интереса к нанокомпьютерным технологиям в связи с неизбежным внедрением нанотехнологий в информационную сферу. Объектом исследования являются однокомпонентные и многокомпонентные термины подъязыка нанокомпьютерных технологий в русском языке. Целью исследования является описание метафорических моделей и выявление способов метафоризации в нанокомпьютерном подъязыке. В статье рассматриваются наиболее продуктивные метафорические модели. Особое внимание обращается на заметную роль метафоры в формировании нанокомпьютерных понятий. В исследовании дана авторская интерпретация метафоры в нанокомпьютерной терминологии. Описаны теоретические вопросы, связанные с метафорой в терминологии. Представлены ключевые метафорические модели в нанокомпьютерном подъязыке. Проанализированы основные механизмы функционирования метафоры в нанокомпьютерной терминологии и установлено, что заложенная в метафоре возможность позволяет эффективно использовать её в качестве средства выражения нанокомпьютерного знания. Автор статьи делает вывод о том, что метафорический перенос служит ещё одним доказательством о принадлежности терминов к системе общелитературного языка. На основе проведённого исследования можно утверждать, что метафора является традиционным источником пополнения любой терминологии. Поскольку данная языковая единица является устойчивым образным выражением, то она легко запоминается.

Ключевые слова: термин, терминология, подъязык, метафора, нанокомпьютер, нанотехнологическая информатика, нанокомпьютерный подъязык, термин-метафора, нанотехнология, перевод

M.R. Miloud

PRODUCTIVE MODELS OF FORMATION OF METAPHORS IN NANOCOMPUTER TERMINOLOGY

Abstract. The paper is devoted to the analysis of metaphorical units in the Russian nanocomputer terminological system. The relevance of the study is due to the increased interest in nanocomputer technologies in connection with the inevitable introduction of nanotechnology in the information sphere. The object of the study is one-component and multi-component terms of the sublanguage of nanocomputer technologies in the Russian language. The purpose of the study is to describe metaphorical models and identify ways of metaphorization in the nanocomputer sublanguage. The article deals with the most productive metaphorical models. Special attention is paid to the significant role of metaphor in the formation of nanocomputer concepts. The article provides author's interpretation of metaphor in nanocomputer terminology. Theoretical questions related to metaphor in terminology are described. Key metaphorical models in the nanocomputer sublanguage are presented. The main mechanisms of metaphor functioning in nanocomputer terminology are analyzed and it is

established that the possibility inherent in the metaphor allows to use it effectively as a means of expressing nanocomputer knowledge. The author of this paper concludes that the metaphorical transfer serves as another proof of the belonging of terms to the system of common literary language. On the basis of the conducted research, it can be argued that the metaphor is a traditional source of replenishment of any terminology, since this language unit is a stable figurative expression, it is easy to remember.

Keywords: term, terminology, sublanguage, metaphor, nanocomputer, nanotechnology Informatics, nanocomputer sublanguage, term-metaphor, nanotechnology, translation

В истории человечества допускается выделить три значимых исторических этапа. Человечество знакомо с первой промышленной энергетической революцией с незапамятных времён. XX век называют информационным веком и связывают с компьютерной революцией и появлением Интернета в 80-х г. XX в. С развитием микроэлектроники началась вторая — информационная — научно-техническая революция.

Если XX век был веком компьютера, то XXI век обещает быть веком нанотехнологий. С лингвистической точки зрения, нанотехнология — это достаточно широкое понятие, содержащее в себе различные области науки и техники, которые имеют дело с материалами на наноуровне. Иначе говоря, нанотехнология — это следующий закономерный эволюционный этап развития высокотехнологичных производств, т.к. она считается уникальной сферой по возможностям для реализации передовых инновационных проектов. Возникновение и развитие нанотехнологий составили основу третьей научно-технической революции, которая постепенно охватывает все сферы человеческой деятельности: информатику, технику, медицину, экологию и т.д.

История современных нанотехнологий связана с знаменитой лекцией американского физика Нобелевского лауреата Ричарда Фейнмана в Калифорнийском технологическом институте в 1959 г., известной под названием «Там, внизу, ещё очень много места» («There’s Plenty of Room at the Bottom»), в которой американский учёный впервые выразил мысль об управлении строением вещества на атомарном уровне [4. с. 19].

По утверждению авторов книги «Современные проблемы нанотехнологии», «нанотехнология возникла вследствие революционных изменений в информатике. В 1947 был изобретён транзистор, после чего началась эпоха расцвета полупроводниковой техники, при которой размеры создаваемых кремнёвых устройств постоянно уменьшались. Одновременно возрастали быстродействие и объём запоминающих устройств. Так, плотность записи на жёстких магнитных и оптических дисках в настоящее время уже достигает 1 гигабит/кв. дюйм. Следовательно, в полупроводниковых технологиях уже более полувека происходит непрерывная революция» [10. с. 6].

Не вызывает сомнения тот факт, что понятие нанокомпьютера можно отнести к технологиям будущего. Нынешняя вычислительная техника базируется на классических микроэлектронных технологиях. Дальнейшее её развитие принципиально связывается с нанотехнологиями, в частности с нанокомпьютерами. Список терминов с приставкой *нано-* постоянно дополняется и регулярно актуализируется.

Накопленный нами опыт в области изучения терминологии информатики и нанотехнологий позволяет считать, что «достижения в области современных информационных технологий и неизбежное внедрение нанотехнологий в информационную сферу образуют в ближайшем будущем новый словарный раздел, то что мы можем назвать нанокомпьютерный подъязык. Анализ некоторых популярных

сайтов, посвящённых будущим компьютерным технологиям, показывает, что в сети уже закладываются основы нанокомпьютерного подъязыка» [7. с. 168]. Аргументируя эту точку зрения, мы обращаем внимание на то, что «развитие нанотехнологий и информатики, замена приставки *микро-* на *нано-* в информатике являются причиной становления и развития нанокомпьютерной терминологии» [7. с. 173].

В ходе исследования словарей нанотехнологических терминов [5; 3], нами было обнаружено большое количество терминов, принадлежащих нанотехнологиям с одной стороны, и компьютерным технологиям, с другой. Приведём несколько примеров нанокомпьютерного подъязыка: *ассемблер, биокомпьютер, биокомпьютер Эдлмана, биологический нанокомпьютер, биомолекулярная электроника, биомолекулярные вычисления, биомолекулярные устройства, биомолекулярный код, биосенсор, дизассемблер, ДНК-компьютер, ДНК-микрочип, запрограммированная наночастица, интеллектуальные молекулы, искусственные молекулы, искусственный интеллект, квантовый компьютер, клэйтроника, конечный биоавтомат Шапиро, лаборатория на чипе, молекулярная наномашина, молекулярная электроника, молекулярное моделирование, молекулярный компьютер, молекулярный ассемблер, наниты, наноавтомобиль, нано-биоавтомат, нано-биоробот, нанобот, нанодиагностика, нанодиапазон, нанокар, нанокомпьютер, нанокомпьютеры на основе бистабильных молекул, наноманипуляция, наномасштабный робот, наномашина, нанонейрокомпьютер, нанообъект, нанопроцессор, нанороботнаносенсор, наносистемная техника, нанотехника, нанотранзистор, наноустройство, наночип, наноэлектрогенератор, наноэлектромеханические системы, наноэлектроника, наноэлектронная система, нейрокомпьютинг, НЗУПД (NRAM): запоминающее устройство с произвольным доступом на основе нанотрубок, распределённый интеллект, суперкомпьютер, транзистор одноэлектронный, умные композиты, умные материалы, универсальный ассемблер.*

В настоящей работе рассматриваются наиболее продуктивные метафорические модели нанокомпьютерного подъязыка. Особое внимание обращается на заметную роль метафоры в формировании понятий в области нанотехнологической информатики.

Объектом исследования являются однокомпонентные и многокомпонентные термины подъязыка нанокомпьютерных технологий в русском языке. Предмет исследования служит выявлению и описанию значимых аспектов метафоризации и характеризующих их метафорических моделей в нанокомпьютерном подъязыке.

Цель данного исследования состоит в выявлении и рассмотрении характерных закономерностей использования метафоры в нанокомпьютерной терминологии и в описании специфики метафорического моделирования в данной области. Достижение поставленной цели требует решения следующих задач:

1) Описание лингвистической сущности метафоры;

2) Выявление ключевых метафорических моделей, функционирующих в нанокомпьютерном подъязыке;

3) Установление особенностей функционирования метафорических моделей нанокомпьютерного подъязыка;

4) Систематизация метафорических моделей в нанокомпьютерном подъязыке и проведение их описания и классификации.

Материалом данного исследования послужили термины из словаря нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов (589 терминов) [5] и англо-русского словаря по нанотехнологии под редакцией В. В. Арсланова (880 терминов) [3]. Основными методами данной работы являются экспериментальный и

статистический методы, метод семантического, квантитативного и квалитативного анализа.

Изучение особенностей и закономерностей формирования и развития новых терминологических систем в различных областях знаний давно находится в поле зрения исследователей. Нанотехнологическая терминология в русском языке выступает абсолютно новым и малоизученным объектом с лингвистической точки зрения и представляет значительный исследовательский интерес [1. с. 52].

Нанотехнология несомненно поможет дальнейшему развитию информационных технологий, т.к. её внедрение является логическим этапом в развитии информационных технологий и дальнейшей науки. В ближайшем будущем, нанотехнология позволит произвести эволюцию информационных технологий, что даст возможность выйти на новый уровень работы с информацией. Нынешние компьютерные технологии применяют достижения нанотехнологий для *УВЕЛИЧЕНИЯ* объёмов памяти и создания более быстродействующих микропроцессоров.

Стремительное развитие компьютерной техники, с одной стороны, будет стимулировать исследования в области нанотехнологий, с другой стороны, облегчит конструирование нанокомпьютеров, т. к. нанотехнология является также междисциплинарным направлением, объединяющим экспертов разных дисциплин, направлений в области высокотехнологичной компьютерной техники.

В. А. Шахнов, Л. А. Зинченко утверждают, что «потребности дальнейшего эффективного развития нанотехнологий и, в частности, наноинженерии, привели к формированию нового направления в области информационных технологий — нанотехнологической информатики» [15. с. 56].

Внедрение нанотехнологий в информационную сферу позволит увеличивать возможности работы средств накопления, обработки и передачи информации. Новые материалы, которые базируются на углеродных нанотрубках, могут быть использованы для создания информационных сетей. Можно создать компактные и доступные накопители информации.

Таким образом, «нанотехнологическая информатика объединяет два научных направления: информатику и нанотехнологии... Взаимное влияние информатики и нанотехнологий привело к формированию нового направления, включающего в себя элементы информатики и нанотехнологий и стимулирующему дальнейшее развитие, как информатики, так и нанотехнологий» [15. с. 57].

Итак, анализ корпуса нанотехнологических терминов объёмом в 1469 лексических единиц показывает, что нанокомпьютерными терминами являются 143 лексемы, что составляет 9,73 % от общего объёма исследуемых нанотехнологических терминов.

Таблица 1

Количество нанокомпьютерных терминов

Нанотехнологические термины	Нанокомпьютерные термины	Процентное соотношение
1469	143	9,73 %

Изучение вопросов, связанных с метафорой в терминологической лексике русского языка, находится в поле зрения исследователей ещё со времён Аристотеля. Первая известная теория метафоры была предложена древнегреческим философом Аристотелем «метафора — перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [2. с. 39].

Не вызывает сомнения тот факт, что в филологии под метафорой традиционно понимаются слова, употребительные в переносном значении. Исследователи пришли к выводу, что это не просто игра слов или употребительные слова в переносном значении. С развитием научного мышления человек начинает переносить свой житейский опыт на специальную сферу деятельности.

В лингвистическом энциклопедическом словаре сказано, что «метафора (от греч. metaphora — ‘перенос’) — троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеризации или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименование другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [6. с. 296].

Метафора представляет собой процесс переноса значения по сходству между предметами или явлениями, создавая тем самым аналогии между ними [14. с. 65].

Мы утверждаем, что «в процессе метафоризации метафора, выступая в функции термина, играет определённую роль в формировании научной терминологии. Учёными установлено, что в технической терминологии через метафору рождаются термины, в основе которых лежат слова, относящиеся к человеку и окружающему его миру, к тому, что человек обычно видит вокруг себя. С развитием научного мышления, человек начинает переносить свой житейский опыт на специальную сферу деятельности. Расширение семантики слов на основе переноса значения происходит вследствие расширения познаний людей и процесса накопления специальных знаний» [8. с. 176].

Взгляд на метафору существенно изменился в современной лингвистике. «Наука XX в. производит переоценку роли метафоры в научном познании, поскольку обнаруживает, что, ограничивая себя в вербальных ресурсах, оно не может осуществить свою главную цель — приращение нового знания. Метафора становится конститутивным элементом научной теории, организующим концептуальную систему и задающим целостное видение какой-либо предметной области» [12. с. 85].

Сегодня информационные технологии развиваются довольно интенсивно, давая начало новым областям знаний, таким как суперкомпьютеры, облачные, интернет и другие технологии. Одновременно формируются новые научные области: биотехнология, нанотехнология, которые также должны быть разработаны и описаны лингвистически. Для выражения новых научных понятий, образование терминов часто осуществляться на основе метафорической концептуализации и переосмысления уже имеющихся знаний [9. с. 300].

Появление метафор в терминологии нанотехнологической информатики, обусловлено тем, что в метафоре проводится параллель между человеком и объектами, явлениями и т.д.

Анализ вышеупомянутых нанокомпьютерных терминов показывает, что нанокомпьютерными терминами-метафорами являются 54 лексемы. Данное количество составляет 37.76 % от всего массива исследуемых нанокомпьютерных терминов (143 лексемы).

Таблица 2

Количество нанокомпьютерных терминов-метафор

Нанокомпьютерные термины	Нанокомпьютерные термины-метафоры	Процентное соотношение
143	54	37,76 %

В данной статье мы выделяем следующие понятийные сферы, которые являются источником метафорической номинации для нанокомпьютерной терминологии:

1) Понятийная сфера «предмет». В анализируемом материале широко представлены онтологические метафоры, которые конкретизируют сходство свойств и признаков предметов. Данная понятийная сфера, доминируя над другими моделями, активно вовлекается в процессе метафоризации нанокомпьютерной терминологии, т.к. основной целью нанокомпьютерной технологии является создание наноразмерных элементов и объектов, приборов и интегральных схем наноэлектроники. Число нанокомпьютерных онтологических терминов-метафор составляет 37 нанокомпьютерных терминологических единиц (68.51 % от общего количества). Они представлены следующими концептами:

а) транспортное средство: *наноассемблер, наноавтомобиль, микромашины, наноробот, иммунные машины*;

б) механизм/устройство: *биосенсор, диод Зенера, дип, днк-наночип, ионоселективный полевой транзистор (ИСПТ)*;

2) Понятийная сфера «человек». В ходе данного исследования нами было выявлено, что антропоморфные метафоры обладают большой частотностью. В нанокомпьютерной терминологии они занимают второе место вместе с пространственными метафорами, например, *электронный нос, электронный язык*.

Нами наблюдается тенденция человекоподобия приборов, устройств, процессов и явлений, представляя интеллектуальные технологии в нанокомпьютерной терминологии: *распределённый интеллект, умные материалы, искусственный интеллект, развитый искусственный интеллект, усиление интеллекта.* Данными нанокомпьютерными терминами-метафорами являются 9 лексемы (16.66 % от общего количества);

3) Понятийная сфера «пространство». Большое количество данных метафор в нанокомпьютерной терминологии, обусловлено, возможно, тем, что, во-первых, основное действие разворачивается вокруг наномира, во-вторых, пространственная интерпретация нанокомпьютерной технологии глубоко закрепилась в сознании человека и приводит к пониманию данного понятия именно как пространства, например, *лаборатория-на-чипе, наносферная литография*, *нанолитография глубокого пера.* Число нанокомпьютерных пространственных терминов-метафор составляет 08 нанокомпьютерных терминологических единиц. Данное количество составляет 14.81 % от всего массива исследуемых нанокомпьютерных терминов-метафор (54 метафоры);

Таблица 3

Распределение метафор по категориям в анализируемом материале

	Предмет	Человек	Пространство
Количество	37	9	8
Процентное соотношение	68.51 %	16.66 %	14.81 %

В книге В. Н. Прохоровой, вышедшей в 1996 г., широко представлены и довольно детально описаны лексико-семантические группы терминов, участвующих в метафорическом терминообразовании: соматизмы, зоосемизмы, бытовая лексика, оружие, транспорт, физические и психические состояния человека, социальные отношения [11. с. 51-57].

Е. О. Шибанова отмечает, что источники метафор «подбираются исходя из их предметного характера, возможности пространственного представления и распространённости реалий в широком сознании (быт, природа, спорт, театр и т. д.)» [16. с. 198; 13. с. 107].

Вслед за В. Н. Прохоровой и Е. О. Шибановой, мы выделяем следующие группы терминов-метафор в нанокомпьютерной терминологии:

1) Метафоры, в основе которых лежит социальная жизнь человека: *распределённый интеллект, усиление интеллекта, умные материалы, искусственный интеллект*. Общий объём данных терминов составил 07 нанокомпьютерных лексических единиц (12,96 % от общего количества);

2) Метафоры-соматизмы, названия частей тела и внутренних органов человека: *электронный нос, электронный язык*. Данными терминами являются 02 лексемы (03,70 % от общего количества);

3) Метафоры, в основе которых лежат ассоциации с бытом человека: *конструирование молекулярных систем, нанолитография глубокого пера, нанопечатная литография, микропроизводство*. Число таких терминов составляет 22 лексемы (40,74 % от общего количества);

4) Метафоры-биосемизмы: *ДНК-биочип, нейрокомпьютер, молекулярный манипулятор, наноассемблер*. Метафорами-биосемизмами являются 09 лексем. Данное количество составляет 16,66 % от всего массива исследуемых нанокомпьютерных терминов-метафор;

5) Метафоры, в основе которых лежат названия транспорта, его элементов: *биомоторы, наноавтомобиль, наномашина, иммунные машины*. Такими терминами-метафорами являются 15 лексем (27,77 % от общего количества).

Таблица 4

Количество терминов-метафор в нанокомпьютерной терминологии

Количество терминов-метафор	**Процентное соотношение**
Бытовые метафоры	40,74 %
Метафоры, в основе которых лежат названия транспорта, его элементов	27,77 %
Метафоры-биосемитизмы	16,66 %
Метафоры, в основе которых лежит социальная жизнь человека	12,96 %
Метафоры-соматизмы	03,70 %

Таким образом, по мере развития нанотехнологической информатики и её терминологии, бытовые метафоры, основой метафорического переноса которых является человек как биологическое и социальное существо, обладают самой большой частотностью в нанокомпьютерной терминологии. На наш взгляд, это объясняется, тем, что специалисты заимствуют из общей языковой картины в язык науки и техники слова общелитературного языка, используя их для обозначения качеств, процессов, свойственных индивиду, окружающим его бытом и действительностью, что выражается в разнообразных по форме и основаниям переноса терминов-метафор.

Из вышеизложенного можно заключить, что метафора действительно помогает лингвистическому оформлению лексики научного знания. Использование метафор в нанокомпьютерной терминологии, обусловлено тем, что метафоры легче запоминаются и способствуют появлению новых нанокомпьютерных терминов.

Анализ показал наличие большого числа онтологических метафор в анализируемом материале. Данная понятийная сфера активно используется в процесс создания новой нанокомпьютерной терминологии. Интересно отметить процесс человекоподобия приборов, устройств, процессов и явлений в этой терминологии.

В нанокомпьютерной терминологии бытовые метафоры, основой метафорического переноса которых является человек как биологическое и социальное существо, обладают самой большой частотностью, что служит ещё одним доказательством принадлежности терминов к системе общелитературного языка. На основе проведённого исследования можно утверждать, что метафора является традиционным источником пополнения научно-технической терминологии.

Данная статья была подготовлена исключительно с использованием свободного программного обеспечения с открытым исходным кодом.

Библиографический список

1. Алимурадов О. А., Лату М. Н., Раздуев А. В. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологийй). — Пятигорск: СНЕГ, 2011. — 112 с.
2. Аристотель. Поэтика. – Л.: Академия, 1927. — 120 с.
3. Арсланов В. В. Толковый англо-русский словарь по нанотехнологии / В. В. Арсланов. — М.: Изд-во ИФХЭ РАН, 2009. — 261 с.
4. Игнатов А. Н. Наноэлектроника. Состояние и перспективы развития: учеб. пособие. — М.: ФЛИНТА, 2012. — 360 с.
5. Калюжный С.В. Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов [Электронный ресурс] / Калюжный С.В.; Под ред. С.В. Калюжного. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2010. — 528 с. URL: http://thesaurus.rusnano.com // (время обращения – 29.07.2019).
6. Лингвистический энциклопедический словарь. /Отв. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — 686 с.
7. Милуд М. Р. Нанокомпьютерная терминология и особенности её перевода / Милуд М. Р // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2016. вып. 4 (32). — С. 164 – 174.
8. Милуд М. Р., Гезайли Н. Лексико-семантический способ образования русских терминов нефтегазовой промышленности / М. Р. Милуд, Н. Гезайли // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2017. вып. 1 (33). — С. 171 – 180.
9. Панасенко Е. А. Метафорическое моделирование «технологии»: доминирующие модели (на материале информационных, био - и нанотехнологий) / Е. А. Панасенко // Вестник Брянского гос. ун - та. — 2015. — No 2. — С. 299 – 303.
10. Попович А. А., Мутылина И. Н., Попович Т. А., Андреев В. В. Современные проблемы нанотехнологии. Учебно-методический комплекс. — М.: Проспект, 2015. — 408 с.
11. Прохорова В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). — М.: Филол. фак. МГУ, 1996. — 125 с.
12. Решетникова Е. В. Метафора в постнеклассическом познании: монография / Е. В. Решетникова; Новосиб. гос. архитектур. -строит. ун-т (Сибстрин). — Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2013. — 160 с.
13. Суперанская А.В., Подольская Н.В и др. Общая терминология. Вопросы теории / Отв.ред.Т. Л. Канделаки. Изд. 6-е. — М: Книжный дом «Либроком», 2012. — 248 с.
14. Ускова Ю. О. Концепт “himmel“ (“небо“) в немецкой языковой картине мира (на материале фразеологических единиц) / Ускова Ю.О. // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2009. вып. 2 (12). — С. 58 – 68.
15. Шахнов В. А., Зинченко Л. А., Нанотехнологическая информатика – направление развития информационных технологий / Шахнов В. А., Зинченко Л. А // Информационные технологии и вычислительные системы. — 2012. вып. 3. — С. 55 – 65.
16. Шибанова Е. О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики: (на материале английской прессы): дис. ... канд. филол. наук / Е. О. Шибанова. — М., 1999. — 263 с.

References in Roman script

1. Alimuradov O. A., Latu M. N., Razduev A. V. Osobennosti struktury i funkcionirovanija otraslevyh terminosistem (na primere terminosistemy nanotehnologijj). — Pjatigorsk: SNEG, 2011. — 112 s.
2. Aristotel'. Pojetika. – L.: Akademija, 1927. — 120 s.
3. Arslanov V. V. Tolkovyj anglo-russkij slovar' po nanotehnologii / V. V. Arslanov. — M.: Izd-vo IFHJe RAN, 2009. — 261 s.
4. Ignatov A. N. Nanojelektronika. Sostojanie i perspektivy razvitija: ucheb. posobie. — M.: FLINTA, 2012. — 360 s.
5. Kaljuzhnyj S.V. Slovar' nanotehnologicheskih i svjazannyh s nanotehnologijami terminov [Jelektronnyj resurs] / Kaljuzhnyj S.V.; Pod red. S.V. Kaljuzhnogo. — M.: FIZMATLIT, 2010. — 528 s. URL: http://thesaurus.rusnano.com // (vremja obrashhenija – 29.07.2019).
6. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. /Otv. red. V.N. Jarceva. — M.: Sov. Jenciklopedija, 1990. — 686 s.
7. Miloud M. R. Nanokomp'juternaja terminologija i osobennosti ejo perevoda / Miloud M. R // Nauchnyj vestnik Voronezh. gos. arh.-stroit. un-ta. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija. — 2016. vyp. 4 (32). — S. 164 – 174.
8. Miloud M. R., Ghezaili N. Leksiko-semanticheskij sposob obrazovanija russkih terminov neftegazovoj promyshlennosti / M. R. Miloud, N. Ghezaili // Nauchnyj vestnik Voronezh. gos. arh. -stroit. un-ta. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija. — 2017. vyp. 1 (33). — S. 171 – 180.
9. Panasenko E. A. Metaforicheskoe modelirovanie «tehnologii»: dominirujushhie modeli (na materiale informacionnyh, bio - i nanotehnologij) / E. A. Panasenko // Vestnik Brjanskogo gos. un-ta. — 2015. — No 2. — C. 299 – 303.
10. Popovich A. A., Mutylina I. N., Popovich T. A., Andreev V. V. Sovremennye problemy nanotehnologii. Uchebno-metodicheskij kompleks. — M.: Prospekt, 2015. — 408 s.
11. Prohorova V. N. Russkaja terminologija (leksiko-semanticheskoe obrazovanie). — M.: Filol. fak. MGU, 1996. — 125 s.
12. Reshetnikova E. V. Metafora v postneklassicheskom poznanii : monografija / E. V. Reshetnikova ; Novosib. gos. arhitektur. -stroit. un-t (Sibstrin). — Novosibirsk : NGASU (Sibstrin), 2013. — 160 s.
13. Superanskaja A.V., Podol'skaja N.V i dr. Obshhaja terminologija. Voprosy teorii / Otv.red.T. L. Kandelaki. Izd. 6-e. — M: Knizhnyj dom «Librokom», 2012. — 248 s.
14. Uskova Ju. O. Koncept “himmel“ (“nebo“) v nemeckoj jazykovoj kartine mira (na materiale frazeologicheskih edinic) / Uskova Ju.O. // Nauchnyj vestnik Voronezh. gos. arh. -stroit. un-ta. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija. — 2009. vyp. 2 (12). — S. 58 – 68.
15. Shahnov V. A., Zinchenko L. A., Nanotehnologicheskaja informatika – napravlenie razvitija informacionnyh tehnologij / Shahnov V. A., Zinchenko L. A // Informacionnye tehnologii i vychislitel'nye sistemy. — 2012. vyp. 3. — S. 55 – 65.
16. Shibanova E. O. Metaforicheskie konceptual'nye sistemy v sfere jekonomiki i politiki: (na materiale anglijskoj pressy) : dis. ... kand. filol. nauk / E. O. Shibanova. — M., 1999. — 263 s.

References

1. Alimuradov O. A., Latu, M. N., Raduev A. V. Peculiarities of structure and functioning of sectoral terminology systems (the terminology system of nanotechnology as an example). Pyatigorsk: Snow Publ., 2011. 112 p. (In Russian).
2. Aristotle. Poetics. Leningrad: Academy Publ., 1927. 120 p. (In Russian).
3. Arslanov V. V. English-Russian dictionary of nanotechnology. Moscow: IFE RAS Publ., 2009. 261 p. (In Russian).
4. Ignatov A. N. Nanoelectronics. State and prospects of development: studies. benefit. Moscow: Flint Publ., 2012. 360 p. (In Russian).

5. Kalyuzhny, S. V. Glossary of nanotechnology and related terms [Electronic resource]. Moscow: Fizmatlit Publ., 2010. 528 p. URL: http://thesaurus.rusnano.com // (Accessed – 29.07.2019). (In English & Russian).
6. Linguistic encyclopedic dictionary LED. Edited by V. N. Yartseva. Moscow: Modern Encyclopedia Publ., 1990. 686 p. (In Russian).
7. Miloud M. R. Nanocomputer terminology and the peculiarities of its translation // Scientific Newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, Series «Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches», issue. 4 (32). Voronezh, 2016. pp. 164-174. (In Russian).
8. Miloud M. R., Ghezaili N. Lexical-semantic method of formation of Russian terms the oil and gas industry // Scientific Newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, Series «Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches», issue. 1 (33). Voronezh, 2017. pp. 171-180. (In Russian).
9. Panasenko E. A. Metaphorical modeling of "technologies": dominant models (based on information, bio-and nanotechnology) // Bulletin of the Bryansk state University, issue. 2. Bryansk, 2015. pp. 299-303. (In Russian).
10. Popovich A. A., Mutilin I. N., Popovich, T. A., Andreev V. V. Modern problems of nanotechnologies. Educational and methodical complex. Moscow: Prospect Publ., 2015. 408 p. (In Russian).
11. Prokhorova V. N. Russian terminology (lexical and semantic education). Moscow: Faculty of philology. Moscow state University Publ., 1996. 125 p. (In Russian).
12. Reshetnikova E. V. Metaphor in postnonclassical cognition: Monograph. Novosibirsk: State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin) Publ., 2013. 160 p. (In Russian).
13. Superanskaya A.V., Podolskaya N. B, etc. General terminology. Questions of theory / Edited by T. L. Kandelaki. 6th edition. Moscow: Librokom Publ., 2012. 248 p. (In Russian).
14. Uskova Y. O. The concept “himmel“ (“sky“) in the German language picture of the world (based on phraseological units) // Scientific Newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, Series «Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches», issue. 2 (12). Voronezh, 2009. pp. 58-68. (In Russian).
15. Shakhnov V. A., Zinchenko L. A., Nanotechnological Informatics — a direction of development of information technologies // Information technologies and computer systems. issue. 3. Moscow, 2012. pp. 55-65. (In Russian).
16. Shibanova E. O. Metaphorical conceptual systems in the sphere of Economics and politics: (on the material of the English press): dissertation of doctoral thesis of philology. Moscow, 1999. 263 p. (In Russian).

УДК 811.93

Петкова Екатерина Петкова
главен асистент, доктор по филология
Институт за български език «Професор Любомир Андрейчин»
Българска академия на науките
България, г. София
e-mail: katia.p.petkova@gmail.com

Petkova Ekaterina Petkova
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Institute for Bulgarian Language "Prof. Lubomir Andreychin"
Bulgarian Academy of Science
Bulgaria, Sofia
e-mail: katia.p.petkova@gmail.com

Банасяк Якуб Любомир
главен асистент, доктор по филология
Институт по славистика
Полска академия на науките
Полша, г. Варшава
e-mail: jakubbanasiak@o2.pl

Banasiak Jakub Lubomir
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Institute of Slavic Studies
Polish Academy of Science
Poland, Warsaw
e-mail: jakubbanasiak@o2.pl

Е.П. Петкова, Я.Л. Банасяк

ОТРАЗЯВАНЕ НА НЯКОИ СИСТЕМНИ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ТЕРМИНИТЕ КЛЮЧОВИ ДУМИ В СИСТЕМАТА ISYBISLAW

Анотация. Цел на изследването е да се проследи представянето на някои понятийно-семантични и лексикалносемантични връзки между езиковедските термини, изпълняващи ролята на ключови думи в системата за библиографска информация iSybislaw – тук съответно на родово-видовите и на синонимните отношения между тях. Като източник на информация за йерархичната подредба на разглежданите термини и за формалната вариантност при означаване на съответните понятия се използва «Терминологичният речник по хуманитарни науки». Обект на изследване са членовете на класификационната група с родов термин гласни звукове, които въз основа на различни признаци се разделят на няколко опозиционни двойки термини. Установява се наличието или отсъствието на всички членове от разглежданата класификационна група и евентуалното наличие на синонимия при някои от тях в iSybislaw.

Ключови думи: езикознание, ключови думи, термин, терминология, база данни, iSybislaw

E.P. Petkova, J.L. Banasiak

PRESENTATION OF SOME SYSTEMATIC RELATIONSHIPS BETWEEN TERM KEYWORDS IN THE ISYBISLAW SYSTEM

Abstract: The aim of the article is to examine presentation of some conceptual-semantic and lexical-semantic relations between linguistic terms, used as keywords in the bibliographic information system iSybislaw – respectively genus-species and synonymic relations between them. As a source of information for hierarchical order of analyzed terms and formal variation in the designation of the concepts is used the "Dictionary of Terms in Humanities". The object of research are members of the classification group with common generic term vowels, which form few pairs by opposition on the basis of different semantic features. The presence or absence of all members of this classification group as well as the eventual manifestation of synonymy in some of them in iSybislaw is examined.

Keywords: linguistics, keywords, term, terminology, database, iSybislaw

В тази статия изследваме от терминологична гледна точка някои особености на *Библиографията на славянското езикознание*, разработвана от международен екип специалисти под ръководството на Института по славистика към Полската академия на науките. *Библиографията* се попълва и управлява чрез съвременната система за

обработка на информация iSybislaw[1], чиято концепция е представена на Международния конгрес на славистите в Краков през 1998 г. [9].

Тематичният обхват на съдържащите се в *Библиографията* документи се отнася предимно към областта на славянското диахронно и синхронно езикознание, но включва и славянско-неславянски съпоставителни изследвания, както и трудове от общото езикознание. Нейните ползватели, които най-често са научни работници, докторанти и студенти по славистика, но също така историци и литературоведи, могат да търсят информация за публикации по интересуващите ги теми сред 24762 документа, достъпни онлайн към момента.

Основен инструмент за индексиране на включените документи и за търсене в библиографската база данни е езикът на ключовите думи. В по-голямата си част той се състои от единици, формално идентични с термини от областта на езикознанието. Термините са подвластни на същите явления, произтичащи от асиметрията между форма и съдържание, които се наблюдават при знаците от естествения език, а именно полисемия (една външна форма – две или повече значения), синонимия (две или повече външни форми – едно значение) и др. Те водят до редица проблеми при използването на системата iSybislaw. Търсенето по който и да е формален вариант от даден синонимен ред, както и осигуряването на релевантни резултати от търсенето в случаите на многозначност, става възможно чрез специално разработените от създателите на системата методологически решения. Тук няма да разглеждаме подробно конкретните процедури, чрез които се преодоляват гореспоменатите проблеми, но ще се спрем за кратко само върху синонимията. Използването на различни езикови форми за означаване на едно и също понятие създава сериозни затруднения при индексацията на документите и при търсенето на публикации по дадена тема. Създателите на информационната система обаче избягват въвеждането на само една препоръчителна единица, която единствено да се използва при индексиране на документите, защото това би ограничило възможностите за търсене в базата. За преодоляване на възможността за загуба на информация при използване на само един препоръчителен формален вариант на ключовата дума, в системата iSybislaw е вградено т. нар. синонимно търсене (*пол*. synonimia wyszukiwawcza; *англ*. search synonymy) [6], което обхваща явленията като вариране и синонимия на нивото на един език, а също и междуезиковата еквивалентност. Това се постига чрез обединяването на всички единици, означаващи едно и също понятие на отделните славянски езици и на английски, в т. нар. класове на еквивалентност. По този начин при търсене на произволно избран славянски език чрез която и да е от ключовите думи, означаващи едно понятие, може да се намери информация за всички въведени документи по дадена тема.

[1] iSybislaw - Библиографска база данни за световното славянско езикознание (Bibliographic Database of World Slavic Linguistics Publications) - http://www.isybislaw.ispan.waw.pl/

Цел на проучването е да се проследи отразяването на системните отношения между езиковедските термини, функциониращи като ключови думи в системата за обработка на информация iSybislaw, с която се поддържа базата данни *Библиография на славянското езикознание*. В конкретния случай целта ни се свежда до установяване на: 1) наличието или отсъствието на всички членове от разглежданата класификационна група термини; 2) евентуалното наличие на синонимия при тях в iSybislaw.

Тук под *термин* следва да се разбира „знак от естествен или изкуствен език, който означава понятие в системата на дадена научна [...] област“ [3, с. 25] – в случая към областта на езикознанието. Под *ключова дума* следва да се разбира „избрана от текста на документа предметна дума или устойчиво словосъчетание, носещи съществена смислова натовареност, които служат за индексиране на този текст“ [2; 8]. *Системните отношения* между термините включват: 1) понятийно-семантичната системност, към която се отнасят класификационните отношения, произтичащи от особеностите на човешкото мислене (родово-видовите връзки между понятията) и импликационните отношения, които представляват реално съществуващи връзки между обектите от действителността (връзките между цяло и неговите части и връзките между компонентите на предикатно-аргументната сцена); 2) лексикалносемантичната системност, към която се отнасят синонимията, антонимията и омонимията.

От изброените видове отношения в настоящото изследване ще проследим само отразяването на класификационните (родово-видовите) връзки, а от лексикалносемантичните отношения – наличието на синонимия при термините ключови думи в системата iSybislaw.

Трябва да се отбележи, че в руското терминознание има различни подходи към явлението формална вариантност, което се асоциира със синонимията. Така напр. К. Я. Авербух разграничава абсолютна синонимия (възприемана като дублетност), синоминия според сигнификата и синоминия според денотата [1: 193-194]. От своя страна В. А. Татаринов обосновава разграничаването на: формално-структурни варианти (които не засягат никакъв аспект на денотата), ономасиологични варианти (произтичащи от особеностите на номинацията) и същински синоними, акцентиращи върху различни свойства на денотата [5: 172-175]. Причината за подобен диференциран подход към този вид терминологична вариантност е свързана с обстоятелството**,** че при синонимията в общоупотребимия език съществува известна разлика между значенията на двете езикови единици. Ако такава разлика обаче е налице между значенията на два термина, тогава би се отнасяло за различни понятия. В настоящото изследване не се задълбочаваме в търсенето на конкретното съотношение ’знак – денотат – сигнификат’, а приемаме да тълкуваме асиметрията ’един денотат / едно значение – два или повече езикови знака / форми’ като синонимия, като се придържаме към разбирането за формалната вариантност на М. Попова [3: 588-608].

Ключовите думи изпълняват главна роля в системата за търсене на информация iSybislaw, с помощта на която функционира *Библиографията на славянското езикознание.* При индексирането на дадена публикация е много важно от нейния текст да се изберат само тези термини, които най-точно насочват към разгледаните в нея проблеми, така че по-късно, при търсене на изследвания по дадена тема, да спомогнат за откриване на необходимата информация. По този начин езикът на ключовите думи придобива емпиричен и параестествен характер, тъй като неговите единици се извличат от текстовете, които са индексирани чрез тях, от една страна, и отразяват тяхното съдържание, от друга страна.

Данните за присъствието на изследваните термини ключови думи и за наличието на синонимия при означаване на съответните понятия са извлечени от *Речника на ключовите думи в славянското езикознание* [10] и от *Библиографията на световното славянско езикознание* [7].

Като източник на данни за системните отношения между понятията в областта на езикознанието използваме *Терминологичния речник по хуманитарни науки* (по-нататък ТРХН) [4], съдържащ основните термини (върху базата на които се организира знанието в дадената област) в няколко науки. Трябва да се отбележи, че в него връзките между термините са отразени експлицитно на няколко взаимно пресичащи се нива както в макроструктурата на речника, така и в микроструктурата на речниковата статия.

Обект на изследване тук са термините от класификационната група ***гласни звукове***, състояща се от 5 двойки понятия, означени с един или повече термини.

В ТРХН родовото понятие *гласни звукове* е означено с още два синонима, намиращи се на съответното им азбучно място и снабдени с препратка към основния, препоръчителен термин, в чиято речникова статия е поместена дефиницията. След дефиницията се намира т. нар. релационен модул, в който чрез подходяща препратка се отразяват отношенията на понятието с другите свързани с него понятия. В конкретния случай след дефиницията на термина *гласни звукове* се посочват 5 двойки видови термини, образувани чрез противопоставянето им въз основа на определен признак.

ВОКАЛИ, ед. вокал; **гласни**. *Ез*. Вж. гласни звукове.

ГЛАСНИ, ед. гласна; **вокали**. *Ез*. Вж. гласни звукове.

ГЛАСНИ ЗВУКОВЕ; **гласни**; **вокали**. *Ез*. Говорни звукове, които се образуват в зоната на най-голямото стеснение между гърба на езика и небцето при свободно преминаване на въздушната струя през говорните органи и от слухово гледище представляват тонове. ■ В българския език те са: *а*, *ъ*, *о*, *у*, *е*, *и*. ■ В: вж. ***предни гласни*** и ***задни гласни***; ***тесни гласни*** и ***широки гласни***; ***закръглени гласни*** и ***незакръглени гласни***; ***дълги гласни*** и ***кратки гласни***; ***носови гласни*** и ***неносови гласни***. [...] Срв. със ***съгласни звукове***.

В системата за обработка на библиографска информация iSybislaw терминът е представен от следните съответствия на други славянски езици:

Słowo kluczowe

Deskryptor:	samogłoska
Język:	pol (polski)

Wersje słowa kluczowego

Słowo	Język	Deskryptor	Akcje
samogłoska	polski (pol)	●	[Wyświetl]
гласный	rosyjski (rus)	●	[Wyświetl]
гласный звук	rosyjski (rus)	●	[Wyświetl]
vowel	angielski (eng)	●	[Wyświetl]
галосны	białoruski (bel)	●	[Wyświetl]

glasovito slovo	chorwacki (scr)	●	[Wyświetl]
vokal	chorwacki (scr)	●	[Wyświetl]
samohláska	czeski (cze)	●	[Wyświetl]
vokál	czeski (cze)	●	[Wyświetl]

Прави впечатление наличието на синонимия при означаване на това понятие в руски, хърватски и чешки език. В руски език се използва кратка и дълга форма на термина, а в хърватски и чешки език паралелно функционират термини с домашен и чужд произход. По данни от ТРХН в български език за означаване на това понятие се използват три синонима – един термин с чужд произход, един кратък и един дълъг формален вариант.

Първата двойка видови термини с общ родов термин *гласни звукове* е представена в ТРХН по следния начин:

ПРЕДНИ ГЛАСНИ. *Ез.* Гласни звукове, чието артикулационно (членително, изговорно) място е предната част на устната кухина. ■ В българския език те са: *е, и*. ■ Изговарят се, като езикът се движи в предната част на устната кухина. Срв. със ***задни гласни***.

ЗАДНИ ГЛАСНИ. *Ез.* Гласни звукове, чието артикулационно (членително, изговорно) място е задната част на устната кухина. ■ В българския език те са: *а, ъ, о, у*. ■ Изговарят се, като езикът се движи в задната част на устната кухина. Срв. с ***предни гласни***.

Засега в системата за обработка на информация iSybislaw тази двойка термини е представена само от термина ***samogłoska przednia*** (*пол.*), засвидетелстван сред ключовите думи към един описан в базата данни източник; не се посочват други формални варианти, използвани за означаване на това понятие. Вторият член на опозицията – ***samogłoska tylna*** (*пол.*), не е въведен поради липса на документ, който трябва да бъде характеризиран с тази ключова дума. Както в български, така и в полски език не се наблюдава синонимия при назоваването на тези две понятия.Втората двойка видови термини с родов термин *гласни звукове* е представена в ТРХН по следния начин:

ТЕСНИ ГЛАСНИ. *Ез.* Гласни звукове, при чиято артикулация (учленение, изговор) между небцето и езика се образува тесен проход. ■ В българския език те са: *у, и, ъ*. Срв. с ***широки гласни***.

ШИРОКИ ГЛАСНИ. *Ез.* Гласни звукове, при чиято артикулация (учленение, изговор) между небцето и езика се образува широк проход. ■ В българския език те са: *а, е, о*. Срв. с ***тесни гласни***.

В системата за обработка на информация iSybislaw не са открити еквиваленти на тези термини. За българския език в ТРХН не е посочена употреба на други формални варианти за означаване на двете понятия.

Третата двойка видови термини с родов термин *гласни звукове* е представена в ТРХН по следния начин:

ЗАКРЪГЛЕНИ ГЛАСНИ; **лабиални гласни**; **устнени гласни**. *Ез.* Гласни звукове, при чиято артикулация (учленение, изговор) устните се издават напред и се закръглят. ■ В българския език те са: *о, у*. Срв. с ***незакръглени гласни***.

ЛАБИАЛНИ ГЛАСНИ; **устнени гласни**. *Ез.* Вж. закръглени гласни.

УСТНЕНИ ГЛАСНИ; **лабиални гласни**. *Ез*. Вж. закръглени гласни.

и

НЕЗАКРЪГЛЕНИ ГЛАСНИ; нелабиални гласни; неустнени гласни. *Ез.* Гласни звукове, при чиято артикулация (учленение, изговор) устните не се издават напред и не се закръглят. ■ В българския език те са: *а, ъ, е, и*. Срв. със ***закръглени гласни***.

НЕЛАБИАЛНИ ГЛАСНИ; **неустнени гласни**. *Ез*. Вж. незакръглени гласни.

НЕУСТНЕНИ ГЛАСНИ; **нелабиални гласни**. *Ез*. Вж. незакръглени гласни.

В системата за обработка на библиографска информация iSybislaw не са открити съответствия на тези термини. В български език и двете понятия, противопоставящи се по признака ‘± закръгляне на устните’, са означени с по три формални варианта – два с домашен и един с чужд произход.

При четвъртата двойка видови термини с родов термин *гласни звукове* не се наблюдава синонимия при назоваване на понятията в българския език:

ДЪЛГИ ГЛАСНИ. *Ез*. Гласни, чието времетраене (продължителност) е два пъти повече от кратките гласни. Срв. с ***кратки гласни***. […]

КРАТКИ ГЛАСНИ. *Ез*. Гласни, които имат обикновена дължина, т. е. продължителността им е два пъти по-малка от дългите гласни. Срв. с ***дълги гласни***. […]

В iSybislaw членовете на тази двойка термини са представени от само от техните еквиваленти на полски и руски език:

Słowo	Język	Deskryptor	Akcje
samogłoska długa	polski (pol)	●	[Wyświetl]
долгий гласный	rosyjski (rus)	●	[Wyświetl]

Терминът ***samogłoska długa*** (*пол.*) присъства сред ключовите думи, характеризиращи 8 документа. Вторият член на тази двойка видови термини до момента е представен само от дескриптора ***samogłoska krótka*** (*пол.*), който влиза в описанието на 2 източника.

Петата двойка термини с родов термин *гласни звукове* е представена в ТРХН по следния начин:

НАЗАЛНИ ГЛАСНИ; носовки[2]. *Ез*. Вж. носови гласни.

НОСОВИ ГЛАСНИ; назални гласни; носовки[2]. *Ез*. Гласни, при чиято артикулация (учленение, изговор) мекото небце е отпуснато и между него и стената на гърлената празнина остава свободен проход, през който част от въздушната струя се отклонява и преминава през носната празнина. […] Срв. с ***неносови гласни***.

НОСОВКИ[2]; **назални гласни.** *Ез*. Вж. носови гласни.

и

УСТНИ ГЛАСНИ; **орални гласни.** *Ез*. Вж. неносови гласни.

ОРАЛНИ ГЛАСНИ; **устни гласни.** *Ез*. Вж. неносови гласни.

НЕНОСОВИ ГЛАСНИ; орални гласни; устни гласни. *Ез*. Гласни, при чиято артикулация (учленение, изговор) мекото небце се притиска плътно да задната стена на гърлената празнина, поради което носната кухина е изключена за въздушната струя. […] Срв. с ***носови гласни***.

В iSybislaw присъстват следните еквиваленти на първото понятие:

Wersje słowa kluczowego

Słowo	Język	Deskryptor	Akcje
samogłoska nosowa	polski (pol)	●	[Wyświetl]
nosówka	polski (pol)	●	[Wyświetl]
носовой гласный	rosyjski (rus)	●	[Wyświetl]
nasal vowel	angielski (eng)	●	[Wyświetl]

[Wyświetl dokumenty]

Както се вижда, в полски език паралелно се използват една кратка и една дълга форма. Подобно на посочената като препоръчителна в българския език дълга форма, и в полския за дескриптор е определен терминът ***samogłoska nosowa*** (*пол.*). При търсене в базата данни iSybislaw по тази ключова дума към момента ще бъдат намерени не по-малко от 23 документа, в чието описание наред с други ключови думи е отбелязана и тази. Вторият член на опозицията ***неносова гласна*** е представен само от термина ***samogłoska ustna*** (*пол.*), регистриран в описанието на 2 документа. Тук може да отбележим също, че в ТРХН с цел избягване на объркването между ***устнени гласни*** (образувани с участието на устните) и ***устни гласни*** (образувани в устната кухина) като препоръчителни термини в двата синонимни реда са посочени съответно формалните варианти ***закръглени гласни*** и ***неносови гласни***.

Проучването на избраната класификационна група показва, че в *iSybislaw* се откриват съответствия на членовете на три от разгледаните опозиционни двойки термини, присъстващи в ТРХН – *предни/задни гласни*, *дълги/кратки гласни* и *носови/устни гласни*; за останалите две от съотносителните двойки термини, отразени в ТРХН, в базата данни не са намерени еквиваленти на други славянски езици. Непълното отразяване на родово-видовите отношения в библиографската база данни произтича от параестествения характер на езика на ключовите думи, използван за търсене в нея. Включването на който и да е от членовете на дадена опозиционна двойка термини от езикознанието като ключова дума в системата за библиографска информация *iSybislaw* се опира върху неговото присъствие в съдържанието на описваните документи. За разлика от *Терминологичния речник по хуманитарни науки*, чийто образователен и прескриптивен характер обяснява подробното описание както на понятийно-семантичните, така и на лексикалносемантичните отношения между термините, в системата *iSybislaw* не е необходимо изчерпателно отразяване на системните връзки между термините. Причина за това е основният замисъл на нейните създатели, а именно да осигурят надежден инструмент за намирането на информация по определена тема чрез задаване на различни критерии, най-често – чрез търсенето по ключови думи.

В *iSybislaw* в разгледаната класификационна група термини употребата на различни формални варианти за означаване на едно и също понятие се наблюдава само при родовия термин *гласни звукове – гласный звук, гласный* (рус.); *glasovito slovo, vokal* (сърбохърв.); *samohláska, vokál* (чеш.), и при видовия термин *носови гласни – nosówka, samogłoska nosowa* (пол.). Поради предназначението на *Библиографската база данни на славянското езикознание* в нея подходът спрямо синонимията при ключовите думи не е строго рестриктивен, а напротив – наличието на синонимни термини се използва, за да подпомогне успешното достигане до търсената информация.

Използвани съкращения:
ТРХН – Терминологичен речник по хуманитарни науки

Библиографически списък

1. Авербух К.Я. Манифест современной терминологии. // Материалы международной научно-практической конференции "Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. "Коммуникация–2002" ("Communication Across Differences"), Ч. 1. – Пятигорск: Издательство ПГЛУ, 2002. – С. 192–194.
2. Анчова К., Барутчийски С., Бурмова М., Крайчева Ж., Матинян А., Минцев Д., Нейкова А., Пандева З., Пейков П., Петкова С., Пискова М. Речник на българската архивна терминология. – София, 2007. – http://electronic-library.org/books/Book_0004.html [06.01.2020].
3. Попова М. Теория на терминологията. – Велико Търново: Знак'94, 2012. – 687 с.
4. Попова М., Попов Б., Петкова Е., Симеонова К., Христова А. Терминологичен речник по хуманитарни науки. – София: Наука и изкуство, 2007. – 498 с.
5. Татаринов В.А. Общее терминоведение. Энциклопедический словарь. – Москва: Московский лицей, 2006. – 526 с.
6. Banasiak J. Synonymy and search synonymy in an IR system (on the basis of linguistic terminology and the iSybislaw system). // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, 2014, 49 (0), 176–187. – https://doi.org/10.11649/sfps.2014.017 [06.01.2020].
7. Bibliograficzna baza danych światowego językoznawstwa slawistycznego. / Bibliographic Database of World Slavic Linguistic Publications. – http://www.isybislaw.ispan.waw.pl/index.html [06.01.2020].
8. Bojar B., W. Babik. Słownik encyklopedyczny informacji, języków i systemów informacyjno-wyszukiwawczych. – Warszawa: Wydawnictwo SBP, 2002. – 363 s.
9. Bojar B., Rudnik-Karwatowa, Z. Koncepcja nowoczesnego systemu informacji slawistycznej. // Polskie Studia Slawistyczne, 1998, seria 9. – S. 41–47.
10. Rudnik-Karwatowa Z., H. Karpińska. Słownik słów kluczowych językoznawstwa slawistycznego. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1999. – 109 s.

References in Roman script

1. Averbukh K.Ya. Manifest sovremennoy terminologii. // Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Kommunikatsiya: teoriya i praktika v razlichnykh sotsial'nykh kontekstakh. "Kommunikatsiya–2002" ("Communication Across Differences"), Ch. 1. – Pyatigorsk: Izdatel'stvo PGLU, 2002. – S. 192–194.
2. Anchova K., Barutchiyski S., Burmova M., Kraycheva Zh., Matinyan A., Mintsev D., Neykova A., Pandeva Z., Peykov P., Petkova S., Piskova M. Rechnik na balgarskata arhivna terminologiya. – Sofiya, 2007. – http://electronic-library.org/books/Book_0004.html [06.01.2020].
3. Popova M. Teoriya na terminologiyata. – Veliko Tarnovo: Znak'94, 2012. – 687 s.
4. Popova M., Popov B., Petkova E., Simeonova K., Hristova A. Terminologichen rechnik po humanitarni nauki. – Sofiya: Nauka i izkustvo, 2007. – 498 s.
5. Tatarinov V.A. Obshcheye terminovedeniye. Entsiklopedicheskiy slovar'. – Moskva: Moskovskiy litsey, 2006. – 526 s.
6. Banasiak J. Synonymy and search synonymy in an IR system (on the basis of linguistic terminology and the iSybislaw system). // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, 2014, 49 (0), pp. 176–187. – https://doi.org/10.11649/sfps.2014.017 [06.01.2020].
7. Bibliograficzna baza danych światowego językoznawstwa slawistycznego. – http://www.isybislaw.ispan.waw.pl/index.html [06.01.2020].
8. Bojar B., Babik W. Słownik encyklopedyczny informacji, języków i systemów informacyjno-wyszukiwawczych. – Warszawa: Wydawnictwo SBP, 2002. – 363 s.
9. Bojar B., Rudnik-Karwatowa Z. Koncepcja nowoczesnego systemu informacji slawistycznej. // Polskie Studia Slawistyczne, 1998, seria 9. – S. 41–47.

10. Rudnik-Karwatowa Z., Karpińska H. Słownik słów kluczowych językoznawstwa slawistycznego. – Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1999. – 109 s.

References

1. Averbuh K.Ya. Modern terminology manifesto. // Papers from the International scientific-practical conference "Communication: theory and practice in different social contexts. "Communication-2002" ("Communication Across Differences"), Part 1. – Piatigorsk, Publishing house PGLU, 2002, pp. 192–194. (In Russian).
2. Anchova K., Barutchiyski S., Burmova M., Kraycheva Zh., Matinyan A., Mintsev D., Neykova A., Pandeva Z., Peykov P., Petkova S., Piskova M. Dictionary of Bulgarian archive terminology. – Sofia, 2007. – http://electronic-library.org/books/Book_0004.html [06.01.2020]. (In Bulgarian).
3. Popova M. Theory of terminology. – Veliko Tarnovo, Sign'94, 2012, 687 p. (In Bulgarian).
4. Popova M., Popov B., Petkova E., Simeonova K., Christova A. Dictionary of Terms in Humanities. – Sofia, Science and Art, 2007, 498 p. (In Bulgarian).
5. Tatarinov V.A. General terminology. Encyclopedic Dictionary. – Moscow, Moscow Lyceum, 2006, 526 p. (In Russian).
6. Banasiak J. Synonymy and search synonymy in an IR system (on the basis of linguistic terminology and the iSybislaw system). // Studies in Polish and Slavic Philology, 2014, 49 (0), pp. 176–187. – https://doi.org/10.11649/sfps.2014.017 [06.01.2020]. (In English).
7. Bibliographic Database of World Slavic Linguistic Publications. – http://www.isybislaw.ispan.waw.pl/index.html [06.01.2020]. (In Polish, Russian and English).
8. Bojar B., Babik W. Encyclopedic dictionary of information and information retrieval languages and systems. – Warszaw, Publishing house SBP, 2002, 363 p. (In Polish).
9. Bojar B., Rudnik-Karwatowa Z. A concept of a modern Slavic information system. // Polish Slavic Studies, 1998, s. 9, pp. 41–47. (In Polish).
10. Rudnik-Karwatowa Z., Karpińska H. Dictionary of keywords of Slavic linguistics. – Warszaw, Slavic Publishing Center, 1999, 109 p. (In Polish).

Л И Т Е Р А Т У Р О В Е Д Е Н И Е

УДК 821.811.512

Гакрама Каламкас Муратовна
кандидат филологических наук,
ассоциированный профессор
Казахская головная архитектурно-строительная академия
Казахстан, г. Алматы
e-mail: gakrama@mail.ru

Gakrama Kalamkas Muratovna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Kazakh Leading Academy of Architecture and Construction
Kazakhstan, Almaty
e-mail: gakrama@mail.ru

К.М. Гакрама

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «ОТЦЫ И ДЕТИ» В ПЕРСОНАЖНОЙ СФЕРЕ РАССКАЗА ТОЛЕНА АБДИКОВА «ҚОНАҚТАР» («ГОСТИ»)

Аннотация: В этой статье рассматривается тема взаимоотношений главных персонажей рассказа Т. Абдикова «Қонақтар» (в пер. «Гости»). Анализ приводится на основе осмысления проблемы отцов и детей, связанных с ними понятийных и событийных категорий. В этом рассказе автором поднимаются вопросы семейных ценностей, преемственности, конфликта поколений – отца Ергабыла и сына Сапабека. Немаловажную роль в исследовании играет портретная характеристика каждого из героев. У представителей разных поколений отличающиеся взгляды на жизнь, поэтому столкновение неизбежно, проблема «отцов и детей» возникает на протяжении всей истории существования людей. Целью данной статьи является определение причины столкновений между поколениями на примере рассказа Толена Абдикова, соотношения с традициями и культурой народа. Основной задачей является определение конфликта, позволяющее нам понять, что проблема трансформируется из поколения в поколение и оказывается извечной. Проблема «отцов и детей» в литературе актуальна и с течением времени приобретает свою интерпретацию. Взаимопонимание между «отцами» и «детьми» — это история двух поколений. Оно является главной причиной, предпосылкой для возникновения проблемы.

Ключевые слова: концепт, главный герой, автор, литература, фигура, Т. Абдиков

K.M. Gakrama

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT “FATHER AND CHILDREN“ IN THE CHARACTER SPHERE OF THE STORY OF TOLEN ABDIKOV “KONAKTAR“ (“GUESTS“)

Abstract. This article discusses the topic of the relationship between the main characters of T. Abdikov’s short story Konaktar’ (in the guest). The analysis is based on understanding of the problems of fathers and children, the related conceptual and eventual categories. In this story, the author raises questions of family values, continuity, generational conflict - father Ergabyl and son Sapabek. An important role in the study is played by the portrait characteristics of each of the heroes. Representatives of different generations have different views on life, so a clash is inevitable, the problem of “fathers and children“ arises throughout the entire history of the existence of people. The purpose of this article is to determine the cause of intergenerational clashes by the example of the story of Tolen Abdikov, its relationship with the traditions and culture of the people. The main task is to determine the conflict, allowing us to understand that the problem is transformed from generation to generation and is eternal. The problem of “fathers and children“ in literature is relevant and over time acquires its interpretation. The understanding between “fathers“ and “children“ is a story of two generations. It is the main cause, a prerequisite for the occurrence of a problem.

Keywords: concept, the protagonist, the author, literature, the figure, T. Abdikov

Тема проблемы «отцов и детей» актуальна во все времена, не обошли эту тему и писатели, и в разное время она проявлялась с различной степенью остроты и всегда волновала человека. Проблема возникает вследствие формирования системы принципов и ценностей, и очевидно, что у каждого поколения она своя с определенной основной составляющей, перенимая опыт старшего поколения, младшее вносит свои коррективы и так бесконечно. Некоторые исследователи считают, что не существует проблемы, а существует явление отцов и детей и оно циклично. Еще Сократ отмечал спор молодых с родителями. Этот вопрос волновал представителей разных эпох, не раз поднимался и в мировой литературе. Во второй половине 18 века в европейской литературе появляется особый интерес к жанру воспитательного романа, проблема семьи и их взаимоотношений становится излюбленной темой многих писателей. Наиболее ярким примером в русской литературе является конфликт героев романа «Отцы и дети» Ивана Сергеевича Тургенева. К проблеме "отцов и детей" все авторы подходят по-разному. Данная проблема существует практически во всех произведениях: в одних она представлена более ярко, в других появляется лишь намеками для более полного раскрытия образа героя. Трудно сказать, кто первый поднял проблему отцов и детей. Она настолько жизненна, что, кажется, существовала всегда на страницах литературных произведений. В рамках данной статьи мы попытаемся рассмотреть проблему «отцов и детей» в рассказе Толена Абдикова «Қонақтар».

Герои повестей и рассказов Толена Абдикова – это наши современники. В своих произведениях писатель повествует о жизни людей послевоенного, советского и постсоветского периода, раскрывая их внутренние духовные переживания. В рассказе «Қонақтар» он описывает жизнь казахского аула, ее особенности и различные характеры персонажей.

Главный герой рассказа «Қонақтар» – седовласый семидесятипятилетний старец с бородой, Ергабыл, ожидающий приезда долгожданных гостей. Гостями окажутся сын Сапабек и его семья – сноха Тома и внук Женис. Ергабыла можно условно назвать двойником персонажа другого произведения писателя. Он не может не напомнить нам героя из повести «Әке», отца Сайлау – Сейсена. Эти два образа связаны общей характеристикой автора, у них общие интересы и схожая судьба. Так же как и Сейсена (героя повести «Әке»), старика Ергабыла заботят собственные похороны и точно также он представляет их в сравнении с чужими, боясь, что после его смерти, окружение будет обсуждать недостатки их проведения: «Ертең сүйегіме шапан жетпей қалса, Бектемірден қалған жалғыз Ергабылдың басында түк болмады деген атаққа қалармын. Әлдеқалай шалдың көз алдына өлгеннен кейін мұны жұрттың қалай шығарып салатыны елестеді» [1, с. 291]. (*Если завтра при омовении кому-нибудь не достанется чапана (речь идет о традиции одаривать людей, участвовавших в ритуале), люди будут судачить о бедности единственного сына Бектемира, Ергабыла. Внезапно он мысленно представил как люди провожают его в последний путь*) (перевод автора).

Подобная схожая детализация портретных характеристик героев из разных произведений позволяет нам определить общие принципы изображения автора. Ергабыл и Сейсен - это представители старшего поколения, вызывающие уважение у односельчан. С помощью этих деталей автор показывает, насколько идентичны такие герои. Как в первом, так и во втором случае автор выделяет типаж отца, символично ожидающего сына и мечтающего о его благополучии, тем самым показывая специфику национального характера и менталитета. Через них автор характеризует систему нравственных семейных и культурных ценностей. Ведь известно, что казахский народ видел продолжение рода лишь по мужской линии.

Ирония автора заложена в само заглавие, она имеет глубокий смысл. Она заключается в том, что гостями у казахского народа принято считать дочерей, которых растят и выдают замуж. Однако в данном рассказе гостями автор иронически назвал семью сына, тогда как она является единственным преемником. На их примере автор показывает исторические изменения в культурных ценностях семьи казахов, урбанизацию и взгляды современных молодых людей, не желающих жить с родителями. На первый план выходит противостояние жизненных позиций отца и сына, взаимоотношение старшего и младшего поколения. Нужно отметить, что эта вековечная проблема всегда волновала писателей классической литературы, актуальна она и для современных авторов. Известно, что центральной проблема взаимоотношений разных поколений является в романе И.С.Тургенева «Отцы и дети». В рассказе Толена Абдикова «Қонақтар» она приобретает новую окраску современности. В романе “Отцы и дети“ главными противниками и антагонистами являются Евгений Базаров и Павел Петрович Кирсанов. Они отличаются по своему социальному происхождению, что отразилось на их формировании взглядов. Как и Павел Петрович Кирсанов, не принимавший взгляды нигилиста Базарова и считавший своим долгом блюсти дворянские традиции, Ергабыл, считал, что исторически сложившиеся традиции казахов это основа всех семейных взаимоотношений. Проблема «отцов и детей» рассматривается писателем в контексте таких понятий, как память, род, семья, дом, родина, которые должны быть для каждого человека основополагающими, духовно формирующими.

Ергабыла, уважаемого в селе человека, заботит судьба родного аула и расстраивает новость о том, что семья сына приехала не жить, а лишь навестить. Мысли главного героя полны воспоминаний о прожитой жизни, он с нетерпением ожидал приезда семьи сына, волновался и не мог спать. Он мечтал о том, что внук будет радовать и расти на глазах. Нужно отметить, что культуре восточного человека присуще уважение к старшему поколению, преемственность, а так же проживание единственного или младшего сына с родителями. Однако современная казахская молодежь все чаще уходит от этого и предпочитает создавать быт отдельно от родителей.

Эпизодические лица в произведении проявляются в воспоминаниях главного героя. А их фрагментарное описание помогает выявить цельный и многосторонний образ главного героя. Без сил, страдающий от радикулита, он частенько вспоминал о детстве, юности, первой любви. Особенно отчетливо запомнилась ему сноха Ханшайым, красавица, которой он посвятил песню: «Азды-көпті ғұмырымның ішінде талай бақтан айырылып, талай баққа қолым жетті. Ерекеңнің бала кезі. Ауыл жігіттеріне қосылып жылқы бағады. Қайран қаншайым тірі ме екен бұл күнде! Ол тірі болып, жүздесе қалсақ, өшкеніміз жанып, өлгеніміз тірілгендей болмас па едік» [1, с. 293]. (*В моей судьбе было немало упущений и обретений счастья. Детство Ереке. Вместе с односельчанами он пас лошадей. Дорогая сердцу Ханшайым жива ли она сегодня! Если бы мы с ней сейчас увидились, то погасшее чувство вновь бы вспыхнуло и ожило*) (перевод автора).

Автор рисует добрый и светлый женский образ, связанный с первым чувством главного персонажа, с его переживаниями и тоской: «Қаншайымның басында шашақталған ақ жаулық болады. Ажарлы еді пәтшағар» [1, с. 293]. (*На голове у Ханшайым был бахромчатый белый платок. Какой же красивой она была*) (перевод автора).

Привлекательным он описывает еще один женский образ, портрет своей невестки Томы, не говорящей, как и многие жители города, на казахском языке: «Омырау,

жеңдері ашық, шұбар көйлек киген, шашын қидырған топ-толық, ақсары, ажарлы келіншек. Қала қыздарына тән епсіздіктен кішкентай қиықша көрпенің үстінде қалай отырарын білмей, біресе қолымен жер тіреп, бір жамбастап, жұрттың сөздеріне толық түсіне қоймай, әркімге бір қарап, үнсіз отырды» [1, с. 295, 297]. (*В цветном платье без рукавов и с вырезом на груди, остриженная, полная, светлая, красивая девушка. Как и подобает городским девушкам она неловко себя чувствовала, сидя на полу на маленьком лоскутном одеяльце, то рукой упираясь в пол, то сидя на одном бедре, не до конца понимая всех сказанных вокруг слов и посматривая на каждого, она сидела безмолвно*) (перевод автора). В данном описании прослеживается мысль автора о том, что Тома в доме родителей мужа не чувствовала себя молодой хозяйкой, была неловкой и неуверенной.

В портрете сына автор подчеркивает его профессиональную деталь, Сапабек – геолог, занимается наукой о камнях и полезных ископаемых, в беседе частенько говорит о недрах казахской земли и о большом будущем геологии. Он как и герой И.С.Тургенева, Базаров, является представителем нового молодого поколения. В романе «Отцы и дети» конфликт завязан на различии мировоззрений, а в рассказе «Қонақтар» на столкновении понятий «город и село».

Так, жизнь в городе для Сапабека связана с большими возможностями и перспективой, работой и любимым делом. Жизнь вне аула не представима для отца: Ергабыл знал в лицо каждого односельчанина и прожил в нем большую часть жизни. В развязке Сапабек, уезжая из родительского дома, словно откупаясь, передал небольшие сбережения родителям. Зная намерение и желание отца растить внука, Сапабек находит оправдание своим действиям. Их противоречивое взаимоотношение продемонстрировано в диалоге: «Ал, енді мына балаларың, Женісті көрсетіп, бір түйір қазақша білмейді... Ал енді оқу басталып қалды. Бұл арада орыс мектебі жоқ. Мұны қалай оқытамыз деп отырсыздар? Биыл жетіге келді. (*А вот ваш внук, показывая на Жениса, ни капли не говорит по-казахски… А учебный год уже начался. Здесь нет русской школы. Как вы хотите его обучать? Ему уже семь*) (перевод автора). На что, молчаливый и опустивший голову от безысходности старец, произнес фундаментальную фразу: «Алып кет өзіңмен бірге. Оқыт, өзіңдей қаңғыбас етіп шығар [1, с. 301]. (*Забери с собой. Обучи, сделай из него такого же бездомного как ты*) (перевод автора).

Однако нельзя не заметить теплоту и заботу в их отношениях. Сапабек ценит своих родителей, мечтает перевезти их в город, помогает и старается навещать их, но свое будущее, к большому сожалению родителей, видит не в ауле, а в городе. Фрагментарное описание событий позволяет нам выяснить, что нежелание молодых жить в ауле не ложится на плечи «гостей», Томы и Сапабека, а является следствием исторически-динамического развития общества. Идея автора являет собой предмет художественного познания, поскольку Сапабек и его супруга Тома не являются антигероями, а имеют свою противоречивую характеристику. Так, в одном из интервью Т.Абдиков признается, что будучи родом из аула (*деревни*), он очень волнуется за его судьбу: «В ауле наше духовное богатство – и язык, и традиции, и национальная культура. Сейчас аул изменяется, переживает не лучшее свое время, и это вызывает у меня тревогу, боль» [2].

В современном мире проблема отцов и детей претерпела небольшие изменения и стала более глубокой. Как известно, в современной литературе высокое место занимают произведения о сложных нравственных взаимоотношениях людей, о ценности воспитания, данное произведение автора как нельзя лучше отражает сложные отношения родителей и детей. В современной литературе проблема отцов и детей

волнует авторов не меньше, чем в классической. И сейчас писатели пытаются разобраться в проблематике отношений взрослых и детей, отношений между поколениями. По мнению В.Т. Лисовского решение проблемы лежит в воспитании и нравственности молодого поколения. В настоящее время у нового поколения совершенно иные представления о ценностях жизни... [3, С. 12]. Можно сказать, что литературу продолжает волновать вопрос о взаимоотношениях «отцов» и «детей». «Отцы» - преемники уходящего, «дети» — нового и эта проблема многолика и многогранна.

Детального портрета действующего лица – старика Ергабыла нет, его облик дается постепенно и складывается из разрозненных описательных деталей: «Ерекең ләм-мим демей, алдымен бір атым насыбайды ерніне тастап, шақшасын қалтасына салды. Таяғына сүйеніп аз тұрды да, буындары сытырлап, сүрлеу жиегіндегі төмпешікке келіп отырды. Ерекең шай үстінде көп сөйлемейтін. Сол әдетімен үнсіз тұқиып, қолдарының білеуленген тамырларын ұстап, ақ селеу сақалын сипап, ойланып отыр. Бас жағында сүйеулі тұрған ескі домбыраға шұқшиып қарады, қолына алған жоқ» [1, с. 290, 294]. (*Не проронив ни звука, Ерекен в первую очередь закинул меж губ одну понюшку насыбая, а остальное сложил в карман. Немного постоял, опираясь на трость, затрещали суставы, он присел на небольшой бугорок на краю тропинки. За чаем Ерекен был не разговорчив. Следуя этой привычке, ощупывая бороду и поглаживая выпуклые сосуды рук, задумавшись, он опустил голову. Затем устремил взор на свою старую подручную домбру, расположенную у головы, но не взял ее в руки*) (перевод автора). В данном отрывке мы замечаем, что домбра для старца служила в качестве отдушины, друга, она не раз выручала его в сложные минуты. Описывая убранство жилья главного героя, автор не случайно упоминул о домбре, основном музыкальном инструменте нашего народа, так как сам Т.Абдиков очень любит музыку, обращается к ней когда грустно, и когда весело: «Мне кажется, что домбра составляет основу духовного богатства нации. В годы испытаний наш народ не пал духом во многом благодаря домбре» [2].

Проблема "отцов и детей" - это глубоко нравственная проблема. Все то, что для человека является святым, передается ему родителями. Прогресс общества, его развитие порождает разногласия между старшим и молодым поколением. Проблема отцов и детей - одна из важнейших проблем в литературе. Тургенев в своем произведении «Отцы и дети» не выступает открыто ни на одной из сторон [4, с. 963]. Вместе с тем, он настолько полно раскрывает жизненные позиции основных героев романа, показывает их положительные и отрицательные стороны, что предоставляет читателю возможность самому решить, кто же был прав, а затронутые в нем темы остаются актуальными и сегодня. Похожий подход мы наблюдаем и в рассказе Толена Абдикова, когда автор позволяет читателю по-своему интерпретировать решение проблемы. По мнению исследователя А.А. Фаустова, огромную роль для раскрытия основных противоречий прошлой эпохи играют споры Базарова с Кирсановым [5, с. 163]. В них мы видим множество направлений и вопросов, по которым не сходятся представители молодого и старшего поколения.

В завершении нужно отметить, что понятие концепт – это закреплённое в общественном опыте народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое [6, с. 608]. Концепт «отцы и дети» - художественный концепт, способный создавать определенное эмоциональное и эстетическое литературное напряжение. Концепт «отцы и дети» выделяется нами как один из художественных и универсальных концептов творчества Т.Абдикова, имеющих культурную специфику, многоуровневое соотношение с такими понятиями, как

преемственность и неизбежность. Кроме того, в рамках творчества одного писателя концептуальная составляющая «отцы и дети» имеет свой собственный потенциал, способная дифференцироваться и реализовываться в каждом произведении по-своему, так как эта тема, возникающая перед людьми разных поколений, является одним из основных конфликтов, описываемых в истории, литературе и искусстве. Старец Ергабыл, любящий семью заботливый отец, беспокоится о детях, пытается оградить и уберечь их от проблем, дети же или «гости» пытаются найти свой путь в жизни. Главный герой Ергабыл является воплощением индивидуально-авторского осмысления проблемы отцов и детей, связанных с ними понятийных и событийных категорий. Повествуя о конфликте поколений, Толену Абдикову удалось приковать внимание читателей к этой извечной проблеме. Концепт «отцы и дети» всегда порождал массу споров и противоречий, а также и множество решений. Поскольку писатель заставляет задуматься читателя о том, что драматизм конфликта находит свое решение в равновесии и гармоничном сочетании опыта и развития, консерватизма и прогресса, размеренности и динамизма, а суть заложена в исторических и нравственных принципах, которые наследуют с течением времени дети. Проблема зачастую заложена в том, что отцы консервативны, они не готовы к изменениям, а дети двигатели прогресса, стремящиеся идти своей дорогой, воплотить в жизнь свои идеи. Описание взаимоотношений персонажей двух поколений в данном рассказе позволяет нам выделить и уточнить персонажную модальность, а также отметить репрезентацию событийно-исторических изменений семейных ценностей казахского народа.

Библиографический список

1. Төлен Әбдікұлы. Оң қол. Повестер мен әңгімелер. – Алматы: Атамұра, 2002. – 352 бет.
2. www.kazpravda.kz // Г. Доронин «Жизнь состоит из переживаний, и она прекрасна» // Казахстанская правда. – 2002.– № 13.
3. Лисовский В. Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях (размышление социолога о преемственности поколений). // Социологические исследования. — 2002. — № 7.
4. Тарасенко Д.Н., Лекаца А.Н. Проблема «отцов» и «детей» в современном обществе // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 11-6. – С. 962 –963.
5. Фаустов А.А. К проблеме "отцов и детей". // "Филологические записки", Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж, 2005. – № 23.
6. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. (РАН: Институт русского языка им. В. В. Виноградова). – С. 606–622.

References in Roman script

1. Tolen Abdikov. On kol. Povester men angimeler. – Almaty, Atamura, 2002. - 352 Beth.
2. www.kazpravda.kz // G. Doronin "Zhizn sostoit iz perezhivaniy, i ona prekrasna" // Kazakhstanskaya pravda. No. 13, 2002.
3. Lisovsky V. T. “Otzy“ i “dety“: za dialog v otnosheniyah (razmyshleniya sociologa o preemstvennosti pokoleniy). // Sociologicheskie issledovaniya. - 2002. - No.7.
4. Tarasenko D.N., Lekatsa A.N. Problema “otzov“ i “detey“ v sovremennom obchestve // Mezhdunarodnyi journal experimentalnogo obrazovaniya. - 2015. - No. 11-6. - S. 962-963.
5. Faustov A.A. K probleme " otzov i detey." // "Philologicheskie zapiski", Vestnik literaturovedeniya i yazykoznaniya, vypusk 23, Voronezh, 2005.
6. Termin “concept“ kak element terminologicheskoy cultury // Yazyk kak materya smysla: Sbornik statey v shesty academica N. Yu. Shvedovoy / Otv. red. M.V. Lyapon. - M.: Izdatelskiy centr "Azbukovnik", 2007. (RAN: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova). S. 606-622.

References

1. Tolen Abdikov. Novels and stories. - Almaty, Atamura, 2002. - 352 bet. (In Kazakh).
2. www.kazpravda.kz // G. Doronin "Life consists of experiencing, and she is wonderful" // the Kazakhstan true. No. 13, 2002. (In Russian).
3. Lisovsky V. T. “Fathers“ and “children“: for dialogue in relations (the sociologist’s reflection on the continuity of generations). // Sociological studies. - 2002. - No. 7. (In Russian).
4. Tarasenko D.N., Lekatsa A.N. The problem of “fathers“ and “children“ in modern society // International Journal of Experimental Education. - 2015. - No. 11-6. - S. 962-963. (In Russian).
5. Faustov A.A. To the problem of "fathers and children." // "Philological notes", Bulletin of literary criticism and linguistics, issue 23, Voronezh, 2005. (In Russian).
6. The term “concept“ as an element of terminological culture // Language as a matter of meaning: Collection of articles in honor of academician N. Yu. Shvedova / Otv. ed. M.V. Lyapon. - M.: Publishing Center "Alphabet Book", 2007. (RAS: Institute of the Russian Language named after V.V. Vinogradov). S. 606-622. (In Russian).

УДК 821.161.1.94

Ничипоров Илья Борисович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: il-boris@yandex.ru

Nichiporov Ilya Borisovich
Professor, Dr.Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: il-boris@yandex.ru

И.Б. Ничипоров

ПОЭТОЛОГИЯ ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ

Аннотация. Статья обращена к филологической эссеистике О.Седаковой 1980 – 2010-х гг., не получившей до сих пор целостного научного осмысления, чем обусловлена актуальность предпринятого исследования. Представлены ее теоретические суждения о поэзии, а также историко-литературные взгляды, связанные с пониманием художественной традиции, изучением поэтического опыта Серебряного века, творческой практики поэтов-современников. Особенно выделяются работы о Мандельштаме, Ахматовой Пастернаке, Бродском, Е.Шварц и иных авторах. Делаются выводы о месте эссеистики Седаковой в кругу смежных и родственных явлений эстетической и литературно-критической мысли XX в., о ее соотнесенности с принципами модернистской эссеистики, аксиологической парадигмой религиозно-философской критики Серебряного века и эмиграции, а также с идеями И.Бродского о языке как бытийной категории.

Ключевые слова: Седакова, поэтология, Серебряный век, современность, теория и история литературы, эссеистика

I.B. Nichiporov

POETOLOGY OF OLGA SEDAKOVA

Abstract. The article is addressed to O. Sedakova's philological essay of the 1980s-2010s, which has not yet received a complete scientific understanding, which determines the relevance of the research undertaken. Her theoretical judgments about poetry, as well as historical and literary views related to the understanding of the artistic tradition, the study of the poetic experience of the Silver age, and the creative practice of contemporary poets are presented. The works about Mandelstam, Akhmatova, Pasternak, Brodsky, E. Schwartz and other authors are particularly distinguished. Conclusions are drawn about the place of Sedakova's essayism in the circle of related phenomena of aesthetic and literary-critical thought of the twentieth century, its correlation with the principles of modernist essayism, the axiological paradigm of religious-philosophical criticism of the Silver age and emigration, as well as with Brodsky's ideas about language as a category of being.

Keywords: Sedakova, poetology, Silver age, modernity, theory and history of literature, essays

Ольга Александровна Седакова (род. в 1949) (Рис.1.) с 1960-70-х гг. выступает как поэт, переводчик произведений Р.-М. Рильке, П. Клоделя, П. Целана, Т. Элиота и других авторов, а также в качестве литературоведа и эссеиста. Если религиозно-философская лирика Седаковой, возникшая в русле «неофициальной» поэзии второй половины века, не раз привлекала к себе исследовательское внимание [2, 3, 4], то обширный корпус ее статей 1980 – 2010-х гг. о литературе пока не стал предметом подробного осмысления.

Литературоведческие интересы Седаковой формировались в период обучения на филологическом факультете МГУ (1973), а затем в аспирантуре Института славяноведения и балканистики АН СССР (1980). По ее признанию, существенное влияние на склад ее филологического мышления оказало участие в домашнем семинаре по поэтике, который регулярно собирался в московской квартире А.К. Жолковского в

конце 70-х – начале 80-х гг. Центральное место в ее эссеистике занимает поэзия: теоретические, стиховедческие штудии, осмысление классической поэзии, Серебряного века, явлений андеграунда, исканий поэтов-сверстников, а также европейской поэзии, и особенно Данте, ряда церковно-богослужебных поэтических текстов. Жанрово-тематическое разнообразие этих работ – монографических, обзорных исследований, локальных комментариев, мемуарных очерков, лекций, литературных портретов [1] – сочетается с общей для них установкой на «поэтическую герменевтику», *взаимопроникновением аналитического и художественно-интуитивного прочтения литературного текста*, о котором она размышляла, в частности, в статье «Пушкин Ахматовой и Цветаевой» (1997)[1].

Рис.1. Ольга Седакова.

В статьях «Поэзия и ее критик (Слово о Л.С. Выготском)» (1985), «Немного о поэзии. О ее конце, начале и продолжении» (1998), «Поэзия и антропология» (1999), «Кому мы больше верим: поэту или прозаику?» (2008) обсуждаются *универсальные свойства поэтического слова*, акцентируется «антропологическая тема поэзии: осуществление человека у предела его “меры“». Коммуникативный смысл поэзии видится Седаковой в ее собеседничестве с внутренними законами языка, в прислушивании к «голосу самого языка», поскольку «высказывание поэта состоит не из слов – а из фантастической законности их соединения»; в творческом «преобразовании пространства», а также в *обращенности к иному «я»* как в лирическом субъекте, так и в адресате. «Появление глаз» в поэзии означает поиск «другого, неведомого себя», «дальнего и родного себя», «абсолютно понимающего адресата, понимающего больше, чем сам автор», «нахождению в себе зрителя и собеседника вещи». Трансцендентные горизонты поэзии соотносятся Седаковой с религиозным миропониманием («„В целомудренной бездне стиха“. О смысле поэтическом и смысле доктринальном», 2003). В развитие идей Л. Шестова, выраженных, в частности, в статье «Творчество из ничего

[1] Тексты статей О. Седаковой приводятся по ее персональному сайту: URL: http://www.olgasedakova.com/Poetica (дата обращения: 14.02.2020).

(А.П.Чехов)» (1905), она полагает, что поэзия как «творение из смыслового “ничто“, из личностного “ничто“» как будто противоположна «творчеству религиозно и догматически окрашенному», однако в антропологическом предназначении поэзии как «дела отношения с чистотой, глубиной и тайной» обнаруживается родство с религиозным идеалом, ибо на высотах творческого духа «человек делается тем, чем он изначально был: любимой драгоценностью Творца».

Ряд эссе Седаковой, имевшей опыт чтения лекционных курсов по общей поэтике, в том числе в МГУ, посвящен *исследованию стихотворных форм* («Стихотворный язык: семантическая вертикаль слова», 1989, «Вокализм стиха», 1989 – 2010, «Звук», 1999 и др.). Идя по пути семантизации «звукового строя стиха», в мелодике слова, строки она усматривает «будущий смысл вещи», которая «выходит из некоего звука и как итог оставляет о себе в памяти читателя тоже нечто вроде звука». Музыка стиха не постигается в самодостаточном экспериментаторстве с «произвольной комбинацией звуков», так как она основана на игре с «двумя противоборствующими стихиями, смыслом и звуком». Являя «предел скорости смысла», поэтическая речь начинается с «молчания», которое «имеет форму звука: это не пустое молчание, а некий допороговый звук».

Творческий опыт Серебряного века воспринимается Седаковой как поворотная веха в эволюции русского и европейского поэтического сознания.

В раздумьях о личности художника, ее явных и тайных трансформациях Седакова обращается к «Итальянским стихам» А.Блока («В поисках взора: Италия на пути Блока», 1996). Биографический контекст, географические подробности путешествия поэта в Италию весной 1909 г. искусно накладываются в эссе на царящую в цикле атмосферу «ожидания некоего видения или любовной встречи», переплетенную с ритмами современной цивилизации. Диалог Блока с «традицией европейского эроса» в восприятии «лирики любви как особого рода посвящения, как служения и гностического откровения», запечатленное в образном мире цикла итальянское изобилие «светской живописи на библейские темы» пророчили радикальные изменения в его картине мира, новые повороты на пути поэта: «вероломная Мария» «Итальянских стихов» «предшествовала» Христу из «Двенадцати», «лирик становится эпиком, протагонист трагедии присоединяется к хору. Без этой смены позиции, происшедшей в Италии, нельзя представить Блока позднейших сочинений – поэзии “третьего тома“ и, прежде всего, самого “свидетельского“ и летописного из его созданий, “Возмездия“. Это тот новый взор, который Блок обрел в Италии».

Предмет особого внимания в эссеистике Седаковой – *постсимволистская поэтическая практика*. В ранних статьях о В.Хлебникове («Контуры Хлебникова», 1985 – 1988; «„В твоей руке горит барвинок“. Этнографический комментарий к одной строфе Хлебникова», 1979), опережая будущие научные исследования культуры авангарда, автор намечает новые подходы к интерпретации «неклассической» поэзии. Письмо Хлебникова – «словесника», «поэта языка» – проистекает из тождественности языка миру природному и историческому и нацелено на познание «текста, создающего самого себя». Эта поэзия прямому постижению мира, «передаче информации» предпочла вглядывание в «метаморфозы смысла», проступающие в «колеблющейся семантике слова и словесных единств», пошла по пути «трансформации сознания своего адресата», избрала своей «главной темой» само «событие творчества» и «процесс рождения вещи».

Вопросы онтологии творческого процесса, самоидентификации поэта в пространстве смыслов и стихотворных форм ставятся Седаковой в работах о Б.Пастернаке.

Эссе «„Вакансия поэта“: к поэтологии Пастернака» (1990) утверждает характерную для филологической мысли Седаковой *антропологическую доминанту разговора о поэзии, воспринятой «в категориях духовного опыта»*. По ее убеждению, у Пастернака *поэтология и есть антропология*, «поэт – просто самый известный ему род человека вообще… опыт Пастернака о поэте – это опыт о человеке». В коллизиях отношений лирического «я» Пастернака с бытием, в его «определениях творчества» просматривается уход от неоромантической абсолютизации образа творца, откристаллизовываются понимание поэтического дара как переживания «благодарной побежденности миром», приближение к «опыту слушания искусства как речи о собственном рождении», «доверие к случайности», внушенное «интуицией бесконечного богатства и доброкачественности мироздания». Картина мира Пастернака представлена Седаковой в перспективе обретения «эдемского первовидения», «рая чистой совести», а потому в мелодике его стиха «не встретим дуэльных интонаций вызова, гнева, обличения, обращенных к собратьям по роду человеческому». Признавая неизбежную отвлеченность подобных обобщений от растянувшейся на десятилетия эволюции Пастернака, автор эссе вносит существенное уточнение: «Многие важнейшие установки Пастернака пережили огромное изменение: суть, неслучайность, трагизм вошли в его мир как темы и ценности. Абсолютная пассивность, потерянность, подверженность внешним воздействиям героя ранней лирики и прозы превратились в другую пластику: в жест благодарности и поклонения».

К художественному опыту О.Мандельштама, его отдельным текстам, строкам и образам, в особенности из позднего творчества 30-х гг., Седакова не раз возвращалась как в обзорных, так и специально посвященных ему работах.

Трагедийная доминанта раздумий о поэзии Мандельштама находит обоснование при обращении к «Воронежским стихам», «Стихам о неизвестном солдате» в эссе «Прощальные стихи Мандельштама. “Классика в неклассическое время“» (2014), «Поэт и война. Образы Первой Мировой войны в “Стихах о неизвестном солдате“» (2015).

В статье «Поэт и война…» фактический комментарий к «Стихам о неизвестном солдате», написанным в марте 1937 г. «невоеннообязанным поэтом, в предчувствии близкой войны и в памяти о прошлой», прирастает онтологическим содержанием, поскольку мандельштамовский образ войны «грандиозного дантовского письма», а историческая реальность, сотканная в стихотворении из отголосков наполеоновских войн, Первой Мировой, погружается «в столетия, в прошлое и будущее всего человечества… и в бесчеловечный космос». Лирический голос как будто приглушается здесь «перекличкой заключенных, лагерников… новобранцев», которая таит интуиции о «последней апокалиптической битве». Как полагает Седакова, в образе «будущей вселенской войны, похожей на конец света» ноты трагической обреченности сочетаются со «своего рода гимном наступающей катастрофе». По ее меткому наблюдению, у Мандельштама отступает традиционная для военного дискурса «тема врага», ибо «убитые задешево» уничтожены «некой внешней безымянной силой», бытийно «враждебной предназначению человека». В свете современных «гибридных», необъявленных войн и «спецопераций», которые «разрушают границу мирного и военного положения», стихотворение Мандельштама прочитывается автором эссе как пророческое и напоминающее об исконных религиозных импульсах искусства: «Большую поэзию одушевляют два противоположных императива: преданность тому великому, Божественному миру, который завещает Евангелие… и евангельская же весть о неизбежной войне».

Тесное соприкосновение «эстетики и филологии Седаковой… с вопросами этики» [1] обнаруживается и в работах о поэзии А.Ахматовой. Вглядываясь в творческий путь

поэта, размышляя о месте Ахматовой в литературном движении Серебряного века, Седакова неоднократно останавливается на парадоксах ее эволюции от «русской Сафо» к осознанию своего «призвания к истории» и «летописной широте» поэтического мира («„И почем у нас совесть и страх“. К юбилею Анны Ахматовой», 2007).

Одним из образцов виртуозного *мотивного анализа поэтического текста* может служить раннее эссе Седаковой «Шкатулка с зеркалом. Об одном глубинном мотиве Анны Ахматовой» (1986).

Целостное восприятие поэтического мира, не разделяемого на произведения и периоды, а постигаемого в качестве «круга лирических констант, лежащего глубже всех конкретных текстов», позволяет интепретатору оказаться «ближе к сердцевине того, что можно назвать сообщением поэта». Одним из таких сокровенных поэтических «сообщений» выступает у Ахматовой сквозной мотив *«одно в другом»*: «Внутриположность и ее возможные последствия – лирическая тема Ахматовой». Развитие и инварианты этого мотива искусно выявлены в статье на уровнях стихотворного языка, предметной изобразительности («разного рода вместилища, переполняющие мир Ахматовой»), «сюжетных» ситуаций, пространственно-временных решений («что-то прячется, прячет, таится, сквозит, зреет в другом»), коллизий судьбы героини, с ее «памятью и предвиденьем», «трагическим обнаружением и узнаванием», «перемещением неизменной сущности в новую оболочку», «страстью внутри бесстрастия (или наоборот)», прозрением «„иного мира“, который врывается в здешний»… Каждый предмет, любое мимолетное душевное переживание здесь «может оказаться своего рода шкатулкой» с непознанными глубинами. Блуждание и варьирование указанного мотива в произведениях разных лет обнаруживают, по Седаковой, одну из универсалий поэтического мира Ахматовой, разделяющую ее, в частности, с символизмом: «Ахматовская поэтика не располагает средствами изображать “иной мир“. Он всегда “одет“, он внутри традиционных, литературных или церковных образов».

Значительный корпус работ Седаковой обращен к явлениям поэзии в диапазоне от середины XX в. до современности. Обзорные статьи и циклы лекций «Другая поэзия», «Музыка глухого времени (русская лирика 70-х годов)», «Очерки другой поэзии» ценны как аналитическими наблюдениями, так и в качестве пристрастного свидетельства «действующего лица этой истории» – «неофициального» поэтического движения 60-70-х гг. Среди литературных портретов выделяются эссе о И.Бродском, Н.Заболоцком, Е.Шварц, В.Кривулине, Арс. Тарковском, Г.Айги и др.

Поэзию Бродского («Иосиф Бродский: воля к форме», 1996 – 2000, «Бегство в пустыню», 1996, «Русская поэзия после Бродского», 2007) Седакова рассматривает как «человеческое высказывание», произносимое «частным лицом», «голосом решительного отказа от подневольной общности». Эстетическое утверждение «частности» личного существования в «реальности его говорения» становится у Бродского «уроком стоицизма, а не цинизма», прививает русскому стиху «холод и дистанцию», противоположные чрезмерным исповедальности и экзальтации, воспринимается как решительное противодействие языка ангажированности искусства и «космической энтропии». «Рациональный консерватизм» стилевой манеры поэта отдалял его от авангардного эксперимента, и в то же время «независимостью интонации и музыки», согласием «признать себя послушным только голосу языка» он избегал влияния инертных сил поэтической традиции – в «соединении ума и слова… дистанцированном, охлажденном отношении к собственной речи». В середине столетия Бродский, по Седаковой, «возобновил мысль о поэзии… предложил думать о стихах, об

авторах, об истории – как этого давным-давно не делали в советской словесности, но как это делали поэты Серебряного века».

Сюжет отношений поэта с историческим временем – сквозной в эссеистике Седаковой – оригинально развит в статье «О Николае Заболоцком» (1994). Тонкое историко-литературное замечание о том, что «шум двух времен перекрывает голос Заболоцкого и в его начале, и в его конце», выводит к размышлению о мелодии и содержании «начатой» им «какой-то новой речи». «Музыка тихо и целомудренно переживаемой беды», «осторожно приоткрытая потаенность» соответствовали его «особому дару эмпатии к нечеловеческому в мире». Полная испытаний судьба поэта преломилась в его участии к страждущему мирозданию, «Заболоцкому не дано забыть о человеческой беспомощности… и в этом освещении видит весь космос, полный неуслышанных, безымянных существ».

Очерк «L'antica flamma. Елена Шварц» (2010) – один из выразительных и концептуально емких литературных портретов Седаковой. Мотивный анализ лирики Шварц высветляет ключевую для поэтической мысли этого автора антиномию «переживания глухой, безнадежной замкнутости мира», воздвигнутой им «здешней стены» – и тяги художника принадлежать поэзии «над веками и традициями», интуиции о том, что «поэт в действительности пишет на всех языках сразу… с горстью русских стихов в кармане хочет она найти себя в иных пространствах». В этом, по Седаковой, отчасти утопическом «проекте» поэтический голос звучит так, как «дети заговаривают со всем, что встречают на дороге»; образы рождаются «из глубины сновидений», являют «свободу от обыденного намозоленного облика вещи»; надмирная «религиозность» лирического чувства обнаруживается в том, что «не только веры человеческие, но и веры животных и стихий она пыталась изложить и соединить… или познакомить друг с другом, поселить в одном помещении».

Продолжение жизни художника, его слова, текста, приема в пространстве традиции, в сфере личных диалогов и полилогов, типологических пересечений и универсалий – такова одна из магистральных тем эссеистики Седаковой («„И даль пространств как стих псалма". Священное Писание в европейской поэзии XX века», «Дантовское вдохновение в русской поэзии», «Пушкин Ахматовой и Цветаевой» и др).

Во вступительных заметках к циклу статей о церковной гимнографии («К поэтике литургической поэзии», 2017) автор с религиозно-эстетической точки зрения подчеркнула инаковость в отношении к обыденной речи образного строя богослужения, наполняющих его «других слов и других ритмов». В антропологическом смысле сакральная поэзия особенно близка первоистокам творчества, так как она остается «единственным пространством в жизни современного человека, где он самым прямым образом сообщается с древностью».

В статье «Дантовское вдохновение в русской поэзии» (2006 – 2011) в многогранном художественном мифе о Данте в русской поэзии Седакова выделяет страсть «к искусству, которое есть чистая энергия, восходящая по лестнице образов, смыслов и звуков», вглядывается в динамику «дантовских событий» и «эпизодов» от Пушкина до Мандельштама. Парадоксальна гипотеза о спонтанном дантовском «следе» в ранних поэмах В.Маяковского, с их «космическим размахом сюжета» и библейским ассоциативным рядом, причем «после долгого перерыва дантовское звуковое пламя вновь – на прощание – загудело в последних стихах Маяковского… Вот так – «во весь голос» – и нужно было бы переводить Ад». У Блока «дантовское вдохновение» выразилось в «культе художника-демиурга и опьянении мировой культурой», в сквозной мифологии пути, «предчувствии приближения Нового века и сознании собственной избранности для какого-то особого служения». А «Разговор о Данте»

Мандельштама может быть истолкован как «разговор о последних стихах Мандельштама», о «Стихах о неизвестном солдате», прорастающий из его представлений о поэзии, которая пребывает «в области чуда и катастрофы». Образ Данте у Мандельштама, по мысли Седаковой, выводится из пространства традиции и «существует в будущем, там, где место всех поэтов. Здесь, у нас их еще нет. Мы можем только “радостно предчувствовать“ их».

Панорамный и во многом оригинальный характер имеет статья «Наследство Некрасова в русской поэзии» (1993).

Очерчивая круг достижений Некрасова в обновлении стиха и поэтического стиля, сопряженных со «сменой аристократической традиции демократической», с возможностями «самораскрытия речи русской», с освоением русским стихом синтаксиса, близкого к обыденному, открытием «ценности интонации» в поэзии, «словесной техники, передающей драматичность общения», Седакова соотносит «сдвиг к прозе» и «сдвиг к песне» в его поэтической системе и отмечает, что «некрасовское слово потеряло в собственно лирической многозначности… зато оно обогатилось иной, прозаической и драматической многослойностью». Из множественных разнонаправленных параллелей, проведенных в работе между Некрасовым и позднейшей поэтической практикой, особенно знаменательны выходы к опыту Серебряного века. Так, характерные для Некрасова оперирование «чужим» словом, форма «ты-рассказа», «принцип обращенной речи», актуализация самой ситуации речепорождения получили продолжение у Блока, Есенина, в «тонкой драматургии лирического слова» Ахматовой. Социально окрашенная религиозность Некрасова, «лишенная всякой трансцендентности, страдальческая и мстящая», порой использующая «ветхозаветные темы святой мести», аскетические мотивы, библейский сюжет «пути из рабства», а также постулируемая им «экспансия творчества в практическую политику» – находят созвучие в футуризме, в авангардном «сдвиге» религиозного языка у раннего Маяковского, в его «человекобожестве». С другой стороны, некрасовский «пафос жертвенности и социального сострадания», его «позиция социальной совести, социальной вины», воспринятые сквозь призму мистических влияний, оказываются весомыми в поэтическом сознании Белого, Блока, а в «Старых эстонках» Анненского «внутренняя жизнь рассказывается как бы некрасовским языком». При масштабности выявленных Седаковой «символистских и постсимволистских рецепций Некрасова», которым еще предстоит литературоведческое осмысление, все же художественно преувеличенными выглядят ее суждения о «донекрасовской» и «посленекрасовской» эпохах русской поэзии, об «эстетической апологии Некрасова у символистов», о том, что «в Музе Ахматовой некрасовская Муза пережила второе рождение»…

Итак, поэтологические эссе О. Седаковой стали неординарным художественно-философским высказыванием и в то же время примечательны филологическими идеями об эволюции эстетических систем и отдельных поэтических миров, о внутренней жизни стихотворного текста, его образных, стилевых, метро-ритмических особенностях, о его существовании в сфере традиции и литературных связей – от древней и средневековой религиозной поэзии до творчества поэтов-современников. По внутреннему строю и принципам работы с литературным материалом поэтология Седаковой созвучна модернистской эссеистике, в аксиологическом плане – религиозно-философской критике начала XX в. и эмиграции, а в восприятии художественного языка как бытийной категории перекликается со статьями И. Бродского.

Библиографический список

1. Копелиович М. Путешествие в глубину, или Пламенная филология Ольги Седаковой // Континент. 2002. № 114 (Электронный ресурс: https://magazines.gorky.media/continent/2002/114/puteshestvie-v-glubinu-ili-plamennaya-filologiya-olgi-sedakovoj.html) (дата обращения: 14.02.2020).
2. Медведева Н. Г. «Тайные стихи» Ольги Седаковой. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2013. – 268 с.
3. Седакова О.А. : стихи, смыслы, прочтения // Сб. науч. статей. Ред.-сост. С.Сандлер, М. Криммель, О.Новиков, М.Хотимская. – М.: НЛО, 2017. – 552 с.
4. Подрезова Н.Н. Концепция человека в поэзии О.Седаковой (антропологический аспект). Автореф. дис… канд. филол. н. – Иркутск: ИГУ, 2003.

References in Roman script

1. Kopeliovich M. Puteshestvie v glubinu, ili Plamennaya filologiya Ol'gi Sedakovoj // Kontinent. 2002. № 114 (Elektronnyj resurs: https://magazines.gorky.media/continent/2002/114/puteshestvie-v-glubinu-ili-plamennaya-filologiya-olgi-sedakovoj.html).
2. Medvedeva N. G. «Taynyye stikhi» Ol'gi Sedakovoy. – Izhevsk: Izd-vo Udmurtskogo un-ta, 2013. – 268 s.
3. Sedakova O.A. Stikhi, smysly, prochteniya // Sb. nauch. statey. Red.-sost. S.Sandler, M. Krimmel', O.Novikov, M.Khotimskaya. – M.: NLO, 2017. – 552 s.
4. Podrezova N.N. Kontseptsiya cheloveka v poezii O.Sedakovoy (antropologicheskiy aspekt). Avtoref. dis… kand. filol. n. – Irkutsk: IGU, 2003.

References

1. Kopeliovich M. Journey into the deep, or the Fiery Philology of Olga Sedakova / / Continent. 2002. № 114 (Electronic resource: https://magazines.gorky.media/continent/2002/114/puteshestvie-v-glubinu-ili-plamennaya-filologiya-olgi-sedakovoj.html).(In Russian).
2. Medvedeva N. G. "Secret poems" by Olga Sedakova. Izhevsk, Udmurt University, 2013. – 268 p. (In Russian).
3. Olga Sedakova: poems, meanings, readings. Ed. - comp. S. Sandler, M. Kimmel, O. Novikov, M. Hotimsky. Moscow, NLO, 2017. – 268 p. (In Russian).
4. Podrezova N. N. The concept of man in the poetry of O. Sedakova (anthropological aspect). Abstract. dis ... Cand. Philol. Irkutsk, Irkutsk University 2003. (In Russian).

УДК 81

Иванян Елена Павловна
доктор филологических наук, профессор
Самарский государственный социально-педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail: ivanyan@pgsga.ru

Ivanyan Elena Pavlovna
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Samara State University of Social Sciences and Education
Russia, Samara
e-mail: ivanyan@pgsga.ru

E.P. Ivanyan

THE STORY OF M. BULGAKOV "THE HEART OF A DOG" IN THE PARADIGM OF METHODS OF RUSSIAN FICTION: LINGUOPOETIC ASPECT

Abstract. The techniques of the novel "The Heart of a Dog" were developed in «The Master and Margarita» and subsequent Russian literature, therefore it is important to study the paradigms of techniques in the linguistic and poetic aspect. The structural-functional method and the theoretical-analytical review are characterized by the succession dynamics of the methods of N. Gogol, M. Saltykov-Shchedrin, A. Chekhov. The techniques of the language game on uncertainty, on kinomorphisms, irony with the help of indefinite words are described; the contrast of the supply of significant information by language units with the semantics of inferiority and insignificant information by intensifiers. The tradition of Gogol and Saltykov-Shchedrin to create connotative onyms was continued by Bulgakov. The succession paradigm includes the sequels of M. Bulgakov and A. Zhitinsky. Modern pragmatonyms and chrematonyms from the story "The Heart of a Dog" are named. The continuity of the work of Z. Prilepin in the tradition of the Bulgakov metalinguistic discourse is shown.

Keywords: linguistic poetics, means of uncertainty, contrast, connotative onyms, literary onyms, paradigm, allegory, sequel, pragmatonym, chrematonym, zoomorphism

Е.П. Иванян

ПОВЕСТЬ М. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» В ПАРАДИГМЕ ПРИЕМОВ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Приемы повести «Собачье сердце» развиты в «Мастере и Маргарите» и последующей русской литературе, поэтому актуально изучить парадигмы приемов в лингвопоэтическом аспекте. Структурно-функциональным методом и теоретико-аналитическим обзором характеризуется динамика преемственности приемов Н. Гоголя, М. Салтыкова-Щедрина, А. Чехова. Описаны приемы языковой игры на неопределенности, на киноморфизмах, иронии при помощи неопределенных слов; контраста подачи значимой информации языковыми единицами с семантикой инфериорности и малозначительной информации интенсификаторами. Традиция Гоголя и Салтыкова-Щедрина создавать коннотативные онимы продолжена Булгаковым. Парадигма преемственности включает сиквелы М. Булгакова и А. Житинского. Названы современные прагматонимы и хрематонимы из повести «Собачье сердце». Показана преемственность творчества З. Прилепина в традиции булгаковского металингвистического дискурса.

Ключевые слова: лингвопоэтика, средства неопределенности, контраст, коннотативные онимы, литературные онимы, парадигма, иносказание,сиквел,прагматоним, хрематоним, зооморфизм

The novel "The Heart of a Dog" is one of M. Bulgakov's early works. This political satire was written in 1925 about Professor Preobrazhensky who transplanted the pituitary gland and the testes of the deceased worker Chugunkin to the homeless dog Sharik. The dog

quickly acquired the features of a man, but inherited from the lumpen of Chugunkin everything evil; imbued with communist ideology and began to mischief and oppress its creator - Preobrazhensky, who had to return Sharikov to the dog. During the life of the writer, the story was forbidden; first published abroad in 1968, which immediately attracted the attention of foreign readers and scientists. This story served as an experimental and launching pad for the novel "Master and Margarita" - the pinnacle of M. Bulgakov's work, which determines the relevance of its study.

Literary scholars pointed to traditions in the artistic work of M. Bulgakov, dating back to N. Gogol, M. Saltykov-Shchedrin, F. Dostoevsky; from foreign writers - G. Wells and others [6; 19; 23; 25; 26].

The **object** of the study is the techniques of Russian fiction presented in M. Bulgakov's novel "The Heart of a Dog", in a linguistic and poetic aspect. The **subject** of the article is the identification and description of the paradigm of the techniques of Russian literature in the story "The Heart of a Dog" in the dynamics of tradition and innovation. The purpose of the work is to identify and describe the "entry and exit points" in the paradigm of Russian fiction techniques implemented in the novel "The Heart of a Dog"; to consider which techniques the master of the word adopted from his predecessors, which are creatively developed, and which were the embryo of the techniques developed by the followers of the writer.

Research methodology. The concept of "paradigm" is defined in the narrow sense as a model for solving specific problems, which later serves as a model for the interpretation of other problems of this scientific discipline [24, p. 97]. In our case, this is the paradigm of the techniques of Russian fiction in the linguistic-poetic aspect. We are in solidarity with G.S. Syritsa who understands the linguistic-poetic analysis of a literary text as a tool for identifying universal actualizers of author's meanings (occasionalisms, tropes and other means of imagery), see: [17]. In the work, we use the structural-functional **method,** as well as theoretical analysis and generalization of the results of the philological literature devoted to the novel "The Heart of a Dog".

The linguistic-poetic analysis of the novels "The Heart of a Dog" made it possible to correlate them with the paradigm of artistic texts by N. Gogol, M. Saltykov-Shchedrin, A. Chekhov.

I. M. Bulgakov - the successor of the Gogol tradition in Russian literature, see: [15; 16].
a) As you know, N. Gogol's favorite paths were hyperbole and irony. The examples of ironyin M. Bulgakov are brilliant:

[Описание внешнего вида Шарикова] *На шее у человека был повязан* ***ядовито-небесного*** *цвета галстук с фальшивой рубиновой булавкой* [2, pp. 167-168]. [The description of Sharikov's appearance] *Knotted round the man's neck was an* ***electric blue*** *tie speared into place by an artificial* ***ruby pin***[22, p. 342]. The irony arises from the clash of inconsistent concepts: the epithet *heavenly* (*heavens* differ formally from *sky* in the category of numbers, in fact, in terms of usage, gravitate towards sublime, Christian semantics) and the ironically-estimated adjective is *poisonous* in terms of coloring. Modern philologists attach great importance to the study of Christian semantics [4]. Note that in the translation of A. Pyman the implicit information contained in the ***poisonous-heavenly****tie* nomination remains unrevealed, because translated by a combination of ***electric blue*** *tie* (only the color intensity is emphasized).

b) Thanks to the method of updating the semantics of zoomorphism, the author gives his character (dog - the proletarian Sharikov) the features of a dog. V. Sakharov notes that in the novel "The Heart of a Dog" "the writer follows his teacher N.V. Gogol, his "Notes of a Madman", where in one of the chapters a man is shown from a dog's point of view and it says: "Dogs are a smart people" [14, p. 10].

A special merit of M. Bulgakov is the consistent drawing in the story of dog features in appearance, physique, perception, behavior of the main character:

Филипп Филиппович, бледнея, слушал рассуждения человека. Тот прервал речь и демонстративно направился к пепельнице (...) Затушив папиросу, он на ходу вдруг ***лязгнулзубами*** *и сунул нос под мышку* [2, p. 170].

Blanching, Philip Philipovich listened to the man's reasoning. The latter paused in his tirade and demonstratively headed for the ashtray with a chewed cigarette-end in his hand.(...) Having put out the cigarette, on his way back to the door he suddenly ***snapped his teeth*** *and buried his nose in his armpit*[22, p. 346];

- Пальцами блох ловить! Пальцами! – яростно крикнул Филипп Филиппович. – И я не понимаю – откуда вы их берете?

- Да что уж, развожу я их, что ли? – обиделся человек. – Видно, блохи меня любят, - тут он пальцами пошарил в подкладке под рукавом и выпустил в воздух клок рыжей легкой ваты[2, p. 170];

"Use your ***fingers to catch fleas****! Your fingers!" yelled Philip Philipovich furiously. "I cannot conceive where you get them from."*

"Well, you don't think I breed them specially, do you?" the man said in injured tones. "Fleas like me, that's all there is to it," whereupon he searched the lining of his sleeve with his finger and released a puff of light orangey-red cotton wool into the air [22, p. 346];

- Вы, Шариков, третьего дня ***укусили*** *даму на лестнице, - подлетел Борменталь* [2, p. 184];

"And, Sharikov, two days ago you ***bit*** *a lady on the stairs," added Bormental*(15:370) [22, p. 370];

[Профессор спрашивает Шарикова о ночных гостях] - *Кто они такие? – наступал Филипп Филиппович, сжимая кулаки, на Шарика./ Тот, шатаясь и прилипая к шубам, бормотал насчет того, что личности ему неизвестны, что они не сукины сыны какие-нибудь, а – хорошие* [2, p. 190].

[Professor asks Sharikov about night guests] *"Who are they?" Philip Philipovich advanced on* Sharikov with clenched fists. / *Swaying and shrinking back amongst the fur coats, Sharikov declared that the persons were unknown to him, that they were not just any* ***old sons of bitches****, but good people*. The direct meaning of the "***sons of bitches"*** is *"dog's children"* [22, p. 379];

The direct meaning of *bitches* is "dog children." The last chapter of the story " The Heart of a Dog" about Sharikov says:

Он сам бросился в объятия неизбежного и ***гавкнул*** *злобно и отрывисто* [2, p. 204].

He cast himself into the embrace of the inevitable and snapped angrily and abruptly [22, p. 403].

The semantics of zoomorphism (in relation to the story, we can speak of kinomorphism) in Sharikov are updated with special words that are correlated with the behavior of the dog. These are the verbs *to bark, bite*, descriptive construction*to clang teeth,* etc.

c)Bulgakov's technique of expressiveness is the destruction of phraseological units of different types, playing on the internal form of phraseological units:

- Ни ***пса*** *не видно, - в ужасе пролаял он* [Шариков] *в окно* [2, p. 177].

Sharikov disappeared and a moment later reappeared at the window.

"I can't see ***my paw*** *before my face!" he* ***yapped*** [Sharikov][22, p. 358].

The direct meaning of phraseologisms such as *низгиневидно/ нипсаневидно* means «nothing is visible». But in the example, phraseologism uses a character that most recently was a dog! So the main meaning of phraseology 'nothing is visible' is complemented by a

literal meaning ‘not a single dog or a dog is visible’. The character of the Balls enlivens the internal form of phraseologism, while his speech acquires a characterological function. Note: in the original text M. Bulgakov uses the transformed phraseologism*can't see a* ***dog,*** characteristic of Russian linguistic culture, A. Paymen replaces it with the well-known for the English reader version of *can't see* ***my paw*** *before my face.*

In «The Master and Margarita», the Evil spirit often uses idioms with the word *devil*. So does the Evil spirit in N. Gogol's “Evenings on a Farm near Dikanka“. Consequently, the method of playing the game on the internal form of phraseological units M. Bulgakov drew from the paradigm of Russian fiction, laid down by the work of N. Gogol.

d) Linguistic and poetic analysis showed that in the novel “ The Heart of a Dog“ the amazing Bulgakov’s method of playing on uncertainties is actualized: the transposed, portable use of means of expressing the category of uncertainty for organizing subtext, for example:

[О Шарикове] *С ним явились две неизвестные личности, шумевших на парадной лестнице и изъявивших желание ночевать в гостях у Шарикова. Удалились означенные личности лишь после того, как Федор (...) позвонил по телефону в сорок пятое отделение милиции. Личности мгновенно отбыли (...).* ***Неизвестно куда*** *после ухода личностей задевалась малахитовая пепельница с подзеркальника в передней, бобровая шапка Филиппа Филипповича и его же трость (...)*[2, p. 189].

With him had appeared ***two persons unknown*** *who had made an unseemly din on the front stairs and declared their intention of spending the night as Sharikov'sguests.The aforesaid* ***persons*** *had only taken their departure after Fyodor(...)had rung up the forty-fifth department of the militia. The* ***two persons*** *took their departure instantly* (…). After they had gone it was discovered that the malachite ash-tray from the shelf beneath the mirror in the hall had vanished, no one knew where, and likewise Philip Philipovich's beaver hat and his cane, on which was inscribed in flowing gold letters[22, p. 379].

A descriptive turn with the semantics of uncertainty is *unknown where* it was used in place of a known reason: it is obvious that the malachite ashtray, beaver hat and cane are stolen. The transposed use of the uncertainty means organizes subtext information and irony.

If N. Gogol in such cases used descriptive phrases (*for an unknown reason*; *it is not known why,* etc.), then M. Bulgakov more often uses an indefinite pronoun *for some reason,* for example:

[To the professor of medicine FilippFilipovich the Zhilkomov commission shamelessly bursts in, makes a fuss]

- Во-первых, перебил и его Филипп Филиппович, - вы мужчина или женщина?

Четверо вновь смолкли и открыли рты. (...)

- Я – женщина, - признался персиковый юноша в кожаной куртке и сильно покраснел. Вслед за ним покраснел ***почему-то*** *густейшим образом один извошедших – блондин в папахе* [2, p. 135].

"In the first place," Philip Philipovich interrupted him, "are you a man or a woman?"

The four of them again fell silent and their mouths fell open.

"I am a woman," admitted the youth with the peachlike complexion and blushed brightly. After him one of the other newcomers, a blonde in a high fur hat, ***for some reason*** *best known to himself, blushed a deep red* [22, p. 288].

The reader, relying on background knowledge, thinks: obviously, the “peach youth“ (woman) and the blond in the hat are in some kind of relationship. The abusive use of an uncertain cause (in place of a specific cause, a specific situation) gives rise to an ironic effect and conveys subtext information, for more details see: [16].

II. The linguistic-poetic analysis of the novel “The Heart of a Dog“ reveals in the paradigm of the techniques of Russian literature techniques coming from the work of M. Saltykov-Shchedrin.

a) E. Proffer believes that the “The Heart of a Dog“ is the best satirical novel of the Soviet era [26, p. 123]. The satirical side of the story led literary scholars to the idea of the presence of allegories. S. Ioffe defines the novel “The Heart of a Dog“ as a memoirs satirical cycle [11], offering his own system of deciphering the literary names of the work in relation to the names of figures of Russia of the 20s.of XX century Zinoviev, Stalin, Lenin and others.

A literary critic from the United States defines his research as a statement of the question. This direction is relevant for the study of allegory techniques, a tradition developed by M. Saltykov-Shchedrin. The allegories, of course, are presented in the analyzed story, as continued in the novel "The Master and Margarita." B. Briker, in particular, notes that Woland punishes Muscovites in the form of exposure, and the words *exposure, explanation* in the language of the 20s. XX century mean “arrest, interrogate, judge, execute“ [3, p. 5]. Therefore, these are examples of allegory.

b) “Dictionary of connotative proper names“ by E.S. Otin [13] contains connotative onyms that came to the Russian discourse from the works of M. Saltykov-Shchedrin, such are the figurative uses of the words *Иудушка, ташкентство, Пошехонье*. This master of words continued the tradition of N. Gogol in creating connotative onyms. M. Bulgakov, in turn, continued the Saltykov-Shchedrin tradition. The power of Bulgakov’s texts is so great that in modern Russian discourse, the proper name *Sharikov*is used as an appeal in the sense of ‘dim-witted, complacent proletarian’, cf .: [13, p. 415].

II. M. Bulgakov also continued the artistic tradition of M. Chekhov. In the linguistic-poetic aspect, two methods are especially worth noting. **a)** The method of creating special literary onyms: playing on their internal form, literalizing onyms, speaking surnames, playing onyms, cf. [12; 20].

b) The style-building device of M. Bulgakov’s expressiveness is the reception of the contrast between important and insignificant information and the ways of their presentation. In this technique, significant events, a vivid feeling are transmitted not with the help of hyperbole or expressive phraseological units, but, on the contrary, by means that formally reduce the significance of the message. For example, in response to Sharikov’s rudeness, the professor does not spew lightning and curses, but “whispers sincerely“:

- *Убирайтесь из квартиры,* - ***задушевно шепнул*** *Филипп Филиппович* [2, p. 204].

"Get out of this flat," whispered Philip Philipovich on a ***note of intimate warning*** [22, p. 403].

This technique is style-forming in the writer's work, for example, in the novel “The Master and Margarita“, at the most solemn moment of the ball,Woland appears before the guests and drinks blood from the cup. Inthiscase, theprinceofdarknesssays:

- *Я пью ваше здоровье, господа,* - ***негромко*** *сказал Воланд и, подняв чашу, прикоснулся к ней губами* [1, p. 289].

“I drink your health, ladies and gentlemen,“ Woland said in a ***low voice****, raised die goblet, and touched it to his lips* [21, p. 289].

It would seem that at the climax, the devil should speak in a thundering voice. But M. Bulgakov uses a contrast technique. Woland's quiet speech adds credibility to the situation described. Using insignificant means of expressiveness when describing important events M. Bulgakov continues the Chekhov tradition of Russian literature, cf. V. Ermilov’s observation of A. Chekhov’s work: “Very often the most significant ideas in terms of breadth and novelty of social and philosophical thinking were expressed in his works in passing, as if the main thing was not at all in them ...“ [8, p. 338].

The fact that M. Bulgakov used “soft“ means of expressiveness to create contrast in describing important events does not mean that the writer avoided expressive means. See, an example from the story “The Heart of a Dog“ when transmitting the point of view of Zina’s assistant:

Правда, и Зина, когда уже кончилось, болтала, что в кабинете у камина, после того как Борменталь и профессор вышли из смотровой, её ***до смерти напугал*** *Иван Арнольдович. (...) Лицо будто бы у доктора было совершенно зеленое и всё, ну, все…* ***вдребезги*** *исцарапанное* [2, p. 205].

It is true also that Zina, when it was all over, did say that by the fireplace in the study after Bormental and the Professor had left the consulting room, Ivan Arnoldovich had ***scared her almost to death****. (...)The doctor's face appeared completely green and covered all over in scratches* [22, pp. 404-405].

See an example of using contrast in describing a minor episode from «The Master and Margarita». In the scene of the game of Woland with a cat in chess, Woland screams in a “scary voice“, although both characters are resting and joking:

- *Ты сдаешься или нет?* - ***прокричал страшным голосом*** *Воланд* [1, p. 527].

- Do you give up or not? shoutedWoland in a terrible voice [21, p. 269].

IV. The paradigm of the techniques of Russian fiction in the story of M. Bulgakov reflects him both as a follower and as a predecessor.

a) At the beginning of his career, M. Bulgakov created the story “The Adventures of Chichikov“ as reflections on the fate of a literary hero in the new historical conditions of the early twentieth century. At the end of the twentieth century.the development of the image of Dr. Bormental is found in the story by A. Zhitinsky, “The Grandson of Dr. Bormental,“ see: [18].

b) Researchers of the novel “Heart of a Dog“ note M. Bulgakov’s attention to accuracy in nominations; the intention to observe the semantic accuracy of qualifying words is an indicative feature of the idiostyle of the story, where disputes about words, metalinguistic discourse are presented [5]. As a result, nominative chains of characters are compiled in the story [5; 7; 9]. In modern Russian fiction, the tradition of “semantic accuracy of qualifying words“ was continued by Z. Prilepin. So, in the novel "The Abode", in addition to the subject, figurative, symbolic layers of the novel, one can speak of the philological layer [10].

Concluding the linguosemiotic analysis, we note that the novel “The Heart of a Dog“ was included in the Russian discourse with a list of precedent onyms. So, in medicine, a balm called *"Dr. Bormental"* is known. In the Russian city of Samara, the medical center *"Doctor Bormental"* is represented (the work of M. Bulgakov is imprinted in an ergonym). According to M.O. Chudakova, the writer’s task “was not to become a“ new „classic to replace the“ old „, but a new one, that is, another - to continue the race, preventing the <...> space <...> from forming“ [19, p. 25].

To summarize. The linguistic-poetic analysis of the novel “A Dog's Heart“ in the paradigm of Russian fiction techniques yielded non-trivial results, finding that M. Bulgakov's adherence to N. Gogol's techniques (a hyperbolic and ironic metaphor, a language game on the means of uncertainty to create subtext and irony, focus on zoomorphism (kinomorphism) destruction of phraseological units, mainly - literalization of the latter); M. Saltykova-Shchedrin (satirical explication; allegory orientation, creation of connotative onyms), A. Chekhov (creation of connotative literary onyms: playing on their internal form, literalizing onyms, orientation to speaking surnames; language contrast in the ways of presenting important and insignificant information that has become a style-forming feature of M. Bulgakov's work). An appeal to the paradigm of the techniques of Russian literature made it possible to outline the work of M. Bulgakov in the dynamics of continuity (the writer created

a sequel to Gogol's poem, and Zhitinsky wrote the sequel to the novel “Heart of a Dog „). The style-forming feature of M. Bulgakov - orientation to the metalinguistic discourse - is continued in modern Russian literature, in particular, in the novel by Z. Prilepin “The Abode“. The paradigm of techniques includes the creation by the classics (Gogol, Saltykov-Shchedrin, Chekhov and Bulgakov) of a significant number of connotative onyms. The precedent onyms of the analyzed story exist in modern Russian discourse, in particular, as pragmatonyms and ergonyms.

The author is grateful to M.Yu. Mikhailova, PhD (Doctor of Philology) and E.N. Polyakova, a postgraduate student, for help in the technical readiness of the article in English.

Bibliography

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // М. Булгаков. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы. – Минск, 1988. – С. 272-669.
2. Булгаков М.А. Собачье сердце // Собрание сочинений в пяти томах. - Т.2. – Москва: Художественная литература, 1989. - С. 119- 208.
3. Брикер Б. Наказание в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Типология мотива // Rus. lit. – Amsterdam, 1994. – Vol. 35. – N 1. – P. 1-38.
4. Венгранович М.А., Гурова И.В. Символы и образы античности и христианства в культуре российского общества (по итогам межвузовской научно-практической конференции) // Научный диалог. 2017. - № 7. - С. 225-228.
5. Виноградова Е.М. Спор о словах: номинативное своеобразие нарратива повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» // Русский язык в школе. 2010. - № 2. – С. 41-47.
6. Галинская И.В. Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях. Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. культурологии; Отв. ред. Скворцов Л.В. – Москва, 2003. –132 с.
7. Ди Чжан Формы обращения как средство выражения социального конфликта в повести М. Булгакова «Собачье сердце» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. - Vol. 9. - № 1. 2018. – С. 223-237.
8. Ермилов В. А.П. Чехов, Москва: Советский писатель, 1959. – 496 с.
9. Иванян Е.П. Изобразительно-выразительный потенциал булгаковских номинаций лица // Наука и культура России. Материалы конференции. - Самара: Самарский государственный университет путей сообщения. 2019. – Т. 1. – С. 102 -107.
10. Иванян Е.П., Михайлова М.Ю. «Обитель» З. Прилепина в лингвосемиотическом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. - Том 1. – Вып. 1. – С. 138-143.
11. Иоффе С. Тайнопись в «Собачьем сердце» Булгакова // Слово, 1991. - №1. – С. 18-23.
12. Конышева Н.Ю. Ономастика в повестях М. Булгакова «Собачье сердце» и «Роковые яйца» // Уральский филологический вестник. 2015. - № 5. – С. 174-181.
13. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен.- Москва: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.
14. Сахаров В. Сатира молодого Булгакова // Булгаков М.А. Ханский огонь: повести и рассказы.- Москва: Художественная литература, 1988. - С. 3-9.
15. Сеничкина Е.П. Специфика категории неопределенности в русском языке: учеб. пособие к спецкурсу; Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский государственный университет печати. - Москва : Издательство Московского государственного университета печати, 2004. - 76 с.
16. Сеничкина Е.П. Смешная неопределенность (об одном приеме создания комического) // Русская словесность. - № 5. - Москва, 2006. - С. 72-75.
17. Сырица Г.С. Актуализация авторских смыслов в художественном тексте. Лингвопоэтический аспект. – М.: Флинта, 2014. – 160 с.
18. Харитонова З.Г. Булгаковский подтекст в повести А. Житинского «Внук доктора Борменталя» // Вестник ТГУ. – Вып. 4 (72), 2009. – С. 173-177.

19. Чудакова М.О. Архив М.А. Булгакова: материалы для творческой биографии писателя // Записки Отдела рукописей / Гос. библиотека СССР м. В.И. Ленина. – Москва, 1976. – Вып. 37. – С. 25-151.
20. Шебалов Р.Ю. Ономастическая игра в художественном тексте (на материале ранних рассказов А.П. Чехова): автореф. дис. … канд. филол. н. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.
21. Bulgakov M. Master and Margarita / Translat. byR.Pevear, L.Volokhonsky. - London: Penguin books, 1997. - 418 p.
22. Bulgakov M.The heart of a dog / Translat.by A. Pyman// The heart of a dog and other stories. – Moscow: Raduga, 1990. - pp.260 – 410.
23. Edwards T.R.N. Three Russian writers and the irrational: Zamyatin, Piln'yak, and Bulgakov // Cambridge etc, 1982. – 220 p.
24. Kisiel T. Pardigms // Contemporary philosophy: A New Survey: Vol. 2. Philosophy of science / ed. By GuttormFloistad. Hague: MartinusNijhoff Publishers. 1982. –pp. 87-111.
25. Natov N. Mikhail Bulgakov. – Boston, 1985. – VII, 144 p.
26. Proffer E. Bulgakov: Live and work. – Ann Arbor, 1984. - XVI. – 670 p.

References in Roman script

1. Bulgakov M.A. Master i Margarita // M. Bulgakov. Belaya gvardiya; Master i Margarita: Romany. – Minsk, 1988. – S. 272-669.
2. Bulgakov M.A. Sobach'ye serdtse // Sobraniye sochineniy v pyati tomakh. - T.2. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1989. - S. 119- 208.
3. Briker B. Nakazaniye v romane M. Bulgakova «Master i Margarita». Tipologiya motiva // Rus. lit. – Amsterdam, 1994. – Vol. 35. – N 1. – P. 1-38.
4. Vengranovich M.A., Gurova I.V. Simvoly i obrazy antichnosti i khristianstva v kul'ture rossiyskogo obshchestva (po itogam mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii) // Nauchnyy dialog. 2017. - № 7. - S. 225-228.
5. Vinogradova YE.M. Spor o slovakh: nominativnoye svoyeobraziye narrativa povesti M.A. Bulgakova «Sobach'ye serdtse» // Russkiy yazyk v shkole. 2010. - № 2. – S. 41-47.
6. Galinskaya I.V. Naslediye Mikhaila Bulgakova v sovremennykh tolkovaniyakh. Sb. nauch. tr. / RAN INION. Tsentr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. kul'turologii; Otv. red. Skvortsov L.V. – Moskva, 2003. –132 s.
7. Di Chzhan Formy obrashcheniya kak sredstvo vyrazheniya sotsial'nogo konflikta v povesti M. Bulgakova «Sobach'ye serdtse» // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. - Vol. 9. - № 1. 2018. – S. 223-237.
8. YErmilov V. A.P. Chekhov, Moskva: Sovetskiy pisatel', 1959. – 496 s.
9. Ivanyan YE.P. Izobrazitel'no-vyrazitel'nyy potentsial bulgakovskikh nominatsiy litsa // Nauka i kul'tura Rossii. Materialy konferentsii. - Samara: Samarskiy gosudarstvennyy universitet putey soobshcheniya. 2019. – T. 1. – S. 102 -107.
10. Ivanyan YE.P., Mikhaylova M.Yu. «Obitel'» Z. Prilepina v lingvosemioticheskom aspekte // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2020. - Tom 1. – Vyp. 1. – S. 138-143.
11. Ioffe S. Taynopis' v «Sobach'yem serdtse» Bulgakova // Slovo, 1991. - №1. – S. 18-23.
12. Konysheva N.Yu. Onomastika v povestyakh M. Bulgakova «Sobach'ye serdtse» i «Rokovyye yaytsa» // Ural'skiy filologicheskiy vestnik. 2015. - № 5. – S. 174-181.
13. Otin YE.S. Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imen. - Moskva: OOO «A Temp», 2006. – 440 s.
14. Sakharov V. Satira molodogo Bulgakova // Bulgakov M.A. Khanskiy ogon': povesti i rasskazy. - Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1988. - S. 3-9.
15. Senichkina YE.P. Spetsifika kategorii neopredelennosti v russkom yazyke: ucheb. posobiye k spetskursu; Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii, Moskovskiy gosudarstvennyy universitet pechati. - Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pechati, 2004. - 76 s.
16. Senichkina YE.P. Smeshnaya neopredelennost' (ob odnom priyeme sozdaniya komicheskogo) // Russkaya slovesnost'. - № 5. - Moskva, 2006. - S. 72-75.

17. Syritsa G.S. Aktualizatsiya avtorskikh smyslov v khudozhestvennom tekste. Lingvopoeticheskiy aspekt. – M.: Flinta, 2014. – 160 s.
18. Kharitonova Z.G. Bulgakovskiy podtekst v povesti A. Zhitinskogo «Vnuk doktora Bormentalya» // Vestnik TGU. – Vyp. 4 (72), 2009. – S. 173-177.
19. Chudakova M.O. Arkhiv M.A. Bulgakova: materialy dlya tvorcheskoy biografii pisatelya // Zapiski Otdela rukopisey / Gos. biblioteka SSSR m. V.I. Lenina. – Moskva, 1976. – Vyp. 37. – S. 25-151.
20. Shebalov R.Yu. Onomasticheskaya igra v khudozhestvennom tekste (na materiale rannikh rasskazov A.P. Chekhova): avtoref. dis. … kand. filol. n. – YEkaterinburg, 2004. – 24 s.

References

1. M. A. Bulgakov the Master and Margarita // Mikhail Bulgakov. The white guard; the Master and Margarita: Novels. - Minsk, 1988. - pp. 272-669. (In Russian).
2. Bulgakov M. A. Dog's heart / / Collected works in five volumes. - Vol. 2. – Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1989. - pp. 119 – 208. (In Russian).
3. Bricker B. Punishment in M. Bulgakov's novel "the Master and Margarita". Typology of the motif / / Rus. lit. - Amsterdam, 1994. - Vol. 35. – N 1. -pp. 1-38. (In Russian).
4. Vengranovich M. A., Gurova I. V. Symbols and images of antiquity and Christianity in the culture of Russian society (based on the results of the interuniversity scientific and practical conference) / / Scientific dialogue. 2017. - No. 7. - pp. 225-228. (In Russian).
5. Vinogradova E. M. The dispute about words: nominative originality of the narrative of the story by M. A. Bulgakov "the Dog's heart" / / Russian language in school. 2010. - No. 2. - pp. 41-47. (In Russian).
6. Galinskaya I. V. Mikhail Bulgakov's Legacy in modern interpretations. Sat. nauch. tr. / RAN INION. Humanit center. science.-inform. research. Ed. cultural studies; Rev. ed. Skvortsov L. V.- Moscow, 2003. -132 p. (In Russian).
7. Di Zhang forms of treatment as a means of expressing social conflict in M. Bulgakov's story "the heart of a Dog" / / Bulletin Of the Russian University of peoples ' friendship. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. - Vol. 9. - No. 1. 2018. - pp. 223-237. (In Russian).
8. Ermilov V. A. p. Chekhov, Moscow: Soviet writer, 1959. – 496 p. (In Russian).
9. Ivanyan E. P. the Visual and expressive potential of Bulgakov's face nominations / / Science and culture of Russia. Conference proceedings. - Samara: Samara state University of Railways. 2019. - Vol. 1. -pp. 102 -107. (In Russian).
10. Ivanyan E. P., Mikhailov Yu. M. "Abode" Z. Prilepin in linguistic and semiotic aspect // Philological Sciences. Questions of theory and practice. - Tambov: Diploma, 2020. - Volume 1. - Vol. 1. - pp. 138-143. (In Russian).
11. Ioffe S. secret Writing in Bulgakov's "Dog heart" / / Slovo, 1991. - No. 1. - pp. 18-23. (In Russian).
12. Konysheva N. Yu. Onomastics in the stories of M. Bulgakov "Dog's heart" and "Fatal eggs" / / Ural philological Bulletin. 2015. - No. 5. - pp. 174-181. (In Russian).
13. Otin E. S. Dictionary of connotative proper names. - Moscow: A Temp LLC, 2006. – 440 p. (In Russian).
14. Sakharov V. Satire of young Bulgakov / / Bulgakov M. A. Khan's fire: stories and stories. - Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1988. - pp. 3-9. (In Russian).
15. Senichkina E. p. Specificity of the category of uncertainty in the Russian language: studies. special course manual; Ministry of education and science of the Russian Federation, Moscow state University of printing. - Moscow: Moscow state University press, 2004. - 76 p.(In Russian).
16. Senichkina E. p. Funny uncertainty (about one technique of creating a comic) / / Russian literature. - No. 5. - Moscow, 2006. - pp. 72-75. (In Russian).
17. The Syrytsa G. S. Actualization of the author's meaning in a literary text. Linguopoetic aspect. - Moscow: Flint, 2014. - 160 p.(In Russian).
18. Kharitonova Z. G. Bulgakov's subtext in A. Zhitinsky's story "the Grandson of Dr. Bormental" / / Vestnik TSU. - Vol. 4 (72), 2009. - pp. 173-177. (In Russian).

19. Chudakova M. O. Archive of M. A. Bulgakov: materials for the creative biography of the writer / / Notes of the Department of manuscripts / State library of the USSR M. V. I. Lenin. - Moscow, 1976. - Vol. 37. -pp. 25-151. (In Russian).
20. Shebalov R. Yu. Onomastic game in a literary text (based on the material of early stories by A. p. Chekhov): autoref. dis. ... kand. Philol. n. - Yekaterinburg, 2004. – 24 p. (In Russian).
21. Bulgakov M. Master and Margarita / Translat. By R. Pevear, L.Volokhonsky. - London: Penguin books, 1997. - 418 p.
22. Bulgakov M.The heart of a dog / Translat.by A. Pyman// The heart of a dog and other stories. – Moscow: Raduga, 1990. - pp.260 – 410.
23. Edwards T.R.N. Three Russian writers and the irrational: Zamyatin, Piln'yak, and Bulgakov // Cambridge etc, 1982. – 220 p.
24. Kisiel T. Paradigms // Contemporary philosophy: A New Survey: Vol. 2. Philosophy of science / ed. By GuttormFloistad. Hague: MartinusNijhoff Publishers. 1982. – pp. 87-111.
25. Natov N. Mikhail Bulgakov. – Boston, 1985. – VII, 144 p.
26. Proffer E. Bulgakov: Live and work. – Ann Arbor, 1984. - XVI. – 670 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 372. 811.161.1

Трегубова Лидия Семеновна
кандидат педагогических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Россия, г. Москва
e-mail: tregubova.l@mail.ru

Tregubova Lidiya Semyonovna
Aassociate professor, Ph.D. in Pedagogy
Moscow city pedagogical university
Russia, Moscow
e-mail: tregubova.l@mail.ru

Л.С.Трегубова

ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ ПУНКТУАЦИОННЫМ НОРМАМ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме обучения пунктуационным нормам русского языка на начальной ступени обучения в условиях многоязычия. Автором определяются задачи, направленные на повышение эффективности образования в условиях поликультурной среды, цели обучения русскому языку как неродному. Цель работы – определить условия повышения пунктуационной грамотности обучающихся в условиях многоязычия. В статье отмечается важность работы над знаками препинания в начальных классах, рассматриваются возможности технологии учебного сотрудничества для формирования пунктуационных умений младших школьников в условиях многоязычия. Результатом исследования является разработка методических рекомедаций по организации коллективной учебно-познавательной деятельности обучающихся, направленной на повышение эффективности овладения учащимися-инофонами пунктуационных норм русского языка. В заключение раскрывается значение наблюдений над разнообразием семантики предожений, их интонационными и грамматическими признаками в процессе обучения пунктуации в условиях многоязычия.

Ключевые слова: поликультурная среда, языковое образование, пунктуационные нормы, предложение, учебное сотрудничество

L.S.Tregubova

THE PROBLEM OF TEACHING PUNCTUATION STANDARDS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN MULTILINGUALISM

Abstract: The article is devoted to the problem of teaching punctuation norms of the Russian language at the initial stage of education in multilingualism. The author defines the tasks aimed at improving the efficiency of education in a multicultural environment, the goals of teaching Russian as a non-native language. The purpose of the work is to determine the conditions for improving punctuation literacy of students in multilingualism. The article notes the importance of work on punctuation marks in primary classes, discusses the possibilities of educational cooperation technology to form punctuation skills of younger schoolchildren in multilingualism. The result of the study is the development of methodological recommendations on the organization of collective educational and cognitive activities of students aimed at improving the efficiency of foreign students' mastery of punctuation norms of the Russian language. In conclusion, the significance of observations over the variety of sentence semantics in terms of their intonation and grammatical features in the process of training punctuation in multilingualism is revealed.

Keywords: multicultural environment, language education, punctuation norms, sentence, educational cooperation

Важнейшей закономерностью в развитии современного сообщеста является усиление взаимодействия между странами и народами. Характерная черта населения

мегаполисов и крупных регионов России – неоднородность национально-этнического состава. В связи с этим в Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации особое внимание уделяется проблеме возникновения поликультурного образовательного пространства, в котором происходит взаимодействие представителей различных языков и культур. Эффективность образования в условиях поликультурной среды обусловлена решением следующих задач:

- воспитание культуры межнационального общения, формирование толерантного отношения обучающихся к представителям разных народов;
- формирование готовности учащихся к позитивному взаимодействию в многонациональной среде;
- формирование представлений учащихся о культуре народов России, об особенностях культуры представленных в данном сообществе этнических групп;
- развитие личности обучающихся на основе диалога культур, направленного на взаимообогащение культур в современном мире.

По мнению Л.А. Вербицкой, в условиях многоязычия важно сохранить национальную культуру, нормативный русский язык, который является важным средством познания культуры русского народа, социализации личности обучающихся в условиях многоязычия, а также средством межкультурного общения [1]. В едином многонациональном образовательном пространстве особую значимость приобретает языковое образование учащихся, которое предполагает определенный уровень владения языком, сформированность умения решать в различного рода учебных ситуациях практические задачи (грамматические, орфографические, пунктуационные, коммуникативные и другие), готовность применять полученные знания по русскому языку в условиях речевого общения [3, с. 4].

Языковое образование в условиях в многоязычия предполагает реализацию следующих целей обучения русскому языку как неродному:

- формирование у учащихся положительной мотивации и познавательного интереса к изучению русского языка как средства общения;
- создание педагогических условий, которые позволяют осуществлять «мягкое» погружение учеников в процесс обучения русскому языку;
- использование разнообразных форм и приемов работы, способствующих формированию у учащихся-инофонов представлений о фонетических, лексических и грамматических особенностях русского языка;
- комплексное развитие и совершенствование всех видов речевой деятельности (аудирования, говорения, чтения, письма);
- обеспечение базового уровня владения русским языком, который необходим обучающимся в процессе учебно-познавательной деятельности и в определенных коммуникативных ситуациях;
- воспитание толерантности и взаимоуважения в условиях межнационального общения [5, с. 1310].

Одним из важных направлений в системе начального языкового образования является развитие письменной речевой деятельности учащихся-инофонов, которая предполагает овладение пунктуационными нормами русского языка, обеспечивающими точность выражения мысли и взаимопонимание в письменном общении. Следует отметить важность обучения пунктуации в начальной школе. На наш взгляд, целенаправленное внимание младших школьников к знакам препинания создает основу для последующего формирования у обучающихся пунктуационных знаний и

умений, а также способствует осознанию роли знаков препинания в процессе письменного общения

В системе начального обучения русскому языку в условиях многоязычия важное место занимает работа над предложением. Данная единица языка является основой для формирования пунктуационных умений обучающихся. Важно помочь учащимся, которые плохо владеют русским языком, осознать коммуникативную роль данной синтаксической единицы, обратить их внимание на смысловой и интонационный признаки предложения. В связи с этим на начальных этапах обучения освоение пунктуационных норм происходит на интонационно-смысловой основе. Перед записью текста или предложения, когда ученик слушает учителя, интонация педагога помогает ему понять смысл высказывания, его эмоциональную окраску и правильно выбрать знак препинания. При употреблении знаков препинания в собственных письменных высказываниях ученик идет путем «от смысла к интонации» [2, с. 121].

С целью повышения познавательной мотивации учащихся к изучению правил пунктуации целесообразно использовать современные образовательные технологии, которые помогают сделать любой учебный материал увлекательным и в значительной степени облегчают процесс усвоения знаний [6, с. 82]. Для того чтобы научить учащихся-инофонов употреблять в собственных высказываниях разные виды предложений (по цели высказывания и эмоциональной окраске), а также повысить эффективность усвоения школьниками пунктуационных норм русского языка, в частности, норм употребления знаков завершения, целесообразно использовать **технологию учебного сотрудничества,** которая, по мнению ученых, обладает мощным ресурсом обучения. Г.А.Цукерман высказывает мысль о том, что в процессе освоения младшими школьниками форм учебного сотрудничества происходит формирования их умения учиться [6]. Следует отметить, что данная технология является эффективным средством повышения мотивации письменного высказывания, создает возможность учащимся осознать практическую значимость пунктуационно грамотной письменной речи [4].

Приведем пример использования данной технологии в рамках урока на тему: «Какие предложения мы употребляем в речи?».

Для организации коллективной учебно-познавательной деятельности класс делится на группы. ***На этапе подготовки к выполнению задания в составе группы*** проводится следующая работа. Педагог организует беседу, направленную на актуализацию знаний учащихся о предложении. С этой целью используется иллюстрация, на которой изображены учитель и ученики.

– Кто изображен на этой иллюстрации? Что делают ученики и учитель? (Они разговаривают друг с другом. Они общаются.)

– Что используют ученики и учитель, чтобы общаться друг с другом? (Они используют речь.)

– Вспомните, из чего состоит наша речь. (Наша речь состоит из предложений.)

Далее в ходе беседы формулируется познавательная задача:

– Сегодня на уроке мы вспомним, какие предложения мы употребляем в речи, будем учиться употреблять в речи разные виды предложений и правильно употреблять в письменной речи знаки препинания в конце предложений.

Данная познавательная задача сопровождается показом моделей предложений. После этого учитель проводит инструкцию о последовательности работы учеников в составе группы:

1. У каждой группы учеников есть следующий дидактический материал: иллюстрации с изображением осенних пейзажей и набор карточек с опорными словами к этим иллюстрациям; конверт с текстом о приметах осени; схемы предложений.

3. Рассмотрите иллюстрации. По этим иллюстрациям нужно составить 4 предложения об осени. В случае затруднения используйте карточки с опорными словами.

5. Запишите одно из предложений. Объясните, какой знак препинания нужно поставить в конце предложения. Для этого определите смысл предложения и произнесите его с правильной интонацией.

6. Затем прочитайте текст о приметах осени. Составьте к данному тексту 4 предложения-вопроса.

7. Запишите одно из предложений. Опираясь на смысл и интонацию, объясните, какой знак препинания нужно употребить в конце предложения.

На этапе организации совместной деятельности обучающихся в составе группы предлагается следующий способ действий: ученики по цепочке составляют предложения и сообщают друг другу о приметах осени; если у кого-то из учеников возникают трудности при составлении предложения, он может использовать карточку с одним из опорных слов (*дождь, небо, деревья, ветер* и др.); после этого каждый ученик сообщает, о какой примете осени он услышал от другого ученика.

Для того чтобы помочь учащимся, плохо владеющим русским языком, составить предложения на основе иллюстративного материала, используется прием создания речевой ситуации:

– Представьте себе, что вы гуляете по осеннему парку и наблюдаете за изменениями в природе, которые происходят в это время года. Погрузиться в удивительный мир красок осенней природы вам помогут иллюстрации с осенними пейзажами.

После этого дается задание:

– Сообщите другу другу о том, какие изменения происходят в природе осенью. При этом внимательно слушайте друг друга.

Далее учитель делает обобщение следующего содержания:

– Что вы использовали в речи, когда сообщали друг другу о том, какие изменения в природе происходят осенью? (Предложения.) Как вы думаете, как можно назвать предложения, которые вы употребляли в речи, чтобы сообщить об изменениях в осенней природе? (Предложения-сообщения, предложения, которые о чем-то сообщают). Итак, в речи мы очень часто используем предложения, которые о ком-то или о чем-то сообщают. В конце таких предложений ставится точка.

После этого каждый ученик в группе записывает одно из предложений. Учащиеся по цепочке или по выбору выразительно читают предложение и объясняют выбор знака препинания.

При составлении вопросительных предложений в качестве дидактического материала используется текст. Учащиеся выполняют задание следующего характера:

Прочитайте текст.

Осень – золотое и сказочное время года. Все деревья одеты в разноцветный наряд. Сильный ветер обрывает листья. Они кружатся в воздухе и пестрым ковром ложатся на землю. Воздух наполнен ароматом увядающей травы. В это время небо часто хмурится, и по нему ползут темные тучи. Наступает сезон дождей. Дни становятся короче, а ночи – длиннее.

Задайте вопросы к этому тексту, используя следующие вопросительные слова:

Какое? В какой? Что? Где? Как? Чем?

Педагог предлагает ученикам выбрать один из способов совместных действий в составе группы:

1. По цепочке задайте вопросы к тексту. В вопросах используйте данные вопросительные слова. Например: первый ученик задает вопрос, используя вопросительное слово *Какое?* Следующий – используя вопросительное слово *В какой?* и так далее. В случае затруднения помогайте друг другу.

2. Каждый из учеников в группе может выбрать, с каким вопросительным словом он будет задавать вопрос к тексту. После этого по порядку задайте вопросы к тексту. Если возникнут трудности, помогайте друг другу.

После выполнения данного задания учащиеся приходят к выводу о том, что в речи мы используем предложения, которые содержат вопрос. В конце таких предложений ставится вопросительный знак. Каждый ученик в группе записывает одно из предложений-вопросов. Учащиеся по цепочке или по выбору выразительно читают предложения, объясняют выбор знака препинания и подчеркивают слово, которое помогает задавать вопрос. Учитель предлагает выбрать схему предложения, в котором содержится вопрос.

На заключительном этапе учебного сотрудничества каждая группа учеников представляет результаты выполненного задания: учащиеся выразительно читают составленные предложения, объясняют постановку знаков препинания в конце предложений с опорой на смысл предложения и интонацию. В ходе коллективного обсуждения проводится анализ познавательной задачи. После этого учитель делает общий вывод о проделанной в группах работе и о достижении поставленной цели.

Использование в процессе обучения пунктуации технологии учебного сотрудничества повышает степень осознания учащимися-инофонами смыслового и интонационного признаков предложения, способствует созданию мотивации использования разнообразных синтаксических конструкции в письменной речи и оказывает положительное влияние на усвоение пунктуационных норм русского языка.

У младших школьников в условиях многоязычия возникают определенные трудности при употреблении в собственных письменных высказываниях восклицательных предложений, для которых характерны особая эмоциональность и выразительность. Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что учащиеся-инофоны затрудняются в определении смысла восклицательных предложений, что приводит к ошибкам при выборе знака препинания и его употреблении в таких предложениях.

На начальных этапах обучения важно помочь учащимся, которые плохо владеют русским языком, осознанно воспринимать смысл эмоционально окрашенных предложений и правильно их интонировать при чтении. С этой целью проводится специальное наблюдение над образцовым чтением предложения. Интонация педагога помогает детям определить, какое чувство выражает это предложение. Затем учащимся предлагается рассказать, в какой ситуации это предложение можно употребить в речи. После этого ученики читают предложение с правильной интонацией.

Для того чтобы повысить уровень пунктуационной грамотности учащихся в условиях поликультурной среды, используются следующие задания, направленные на формирование умения определять смысл восклицательных предложений:

Задание 1. Прочитай предложения. Какой знак препинания стоит в конце предложений?

1. Ура, сегодня хороша погодка для снежков! (А. Барто)

2. Как увидел старик – испугался! (А. Пушкин)

3. Нина – чудная певица –

Замечательно поет! (А. Барто)

Сравни эти предложения. Как ты думаешь, в чем сходство между этими предложениями? Определи, чем каждое предложение отличается от других. Какое чувство выражает каждое из этих предложений?

Задание 2. Прочитай предложения. Какой знак препинания стоит в конце предложений? Почему?

1. Светит солнце, радость всюду, –
Здравствуй, милая весна! (С. Городецкий)

2. Ну и ёлка! Прости диво!
Как нарядна и красива! (Е. Благинина)

3. Ты, зерно моё желанное,
Золотое, долгожданное,
Накорми моих птенцов! (Н. Юсупов)

Можно ли сказать, что все эти предложения выражают одно и то же чувство? Обоснуйте свой ответ, опираясь на смысл каждого предложения и интонацию.

Таким образом, использование технологии учебного сотрудничества и специальные наблюдения над разнообразием семантики предложений, их интонационными и грамматическими признаками будут оказывать положительное влияние на освоение учащимися пунктуационных норм русского языка в условиях многоязычия.

Библиографический список

1. Вербицкая Л.А. Язык и общество. Роль языка в жизни общества // Педагогика. – 2015. – № 2. С. 5-18.
2. Методика обучения русскому языку в начальной школе: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. Т.И.Зиновьевой. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 225 с.
3. Развивающее языковое образование в современной начальной школе: пособие для факультетов нач. образования и учителей нач. классов / Т.Г. Рамзаева, Л.В.Савельева, Е.А Гогун и др.; Под науч. ред. Т.Г.Рамзаевой. – СПб.: Специальная Литература, 2009. – 222 с.
4. Трегубова Л.С. Использование технологии учебного сотрудничества и игровой технологии в процессе обучения младших школьников пунктуации // Нижегородское образование. – 2018. – № 2. – С. 157-162.
5. Трегубова Л.С. Современные подходы к обучению русскому языку в условиях многоязычия // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля – 3 мая 2019 года) [Электронный ресурс] / Ред. кол.: Н.А. Боженкова, С.В. Вяткина, Н.И. Клушина и др. – СПб.: МАПРЯЛ, 2019. – С. 1310 – 1314.
6. Трегубова Л.С. Современные подходы к разработке методики обучения пунктуации в начальных классах // Русистика без граници. – 2019. – Т.3. – № 1. – С. 80-87.
7. Цукерман Г. А. Как младшие школьники учатся учиться? Москва–Рига: ПЦ «Эксперимент», 2000. – 224 с.

References in Roman script

1. Verbickaya L.A. Yazyk i obshchestvo. Rol' yazyka v zhizni obshchestva // Pedagogika. – 2015. – № 2. S. 5-18.
2. Metodika obucheniya russkomu yazyku v nachal'noj shkole: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata /pod red T.I.Zinov'evoj. – M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2017. – 255 s.
3. Razvivayushchee yazykovoe obrazovanie v sovremennoj nachal'noj shkole: posobie dlya fakul'tetov nach. obrazovaniya i uchitelej nach. klassov / T.G. Ramzaeva, L.V.Savel'eva, E.A Gogun i dr.; Pod nauch. red. T.G.Ramzaevoj. – SPb.: Special'naya Literatura, 2009. – 222 s.

4. Tregubova L.S. Ispol'zovanie tekhnologii uchebnogo sotrudnichestva i igrovoj tekhnologii v processe obucheniya mladshih shkol'nikov punktuacii // Nizhegorodskoe obrazovanie. – 2018. – № 2. – S. 157-162.
5. Tregubova L.S. Sovremennye podhody k obucheniyu russkomu yazyku v usloviyah mnogoyazychiya // Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire: Materialy XIV Kongressa MAPRYAL (g. Nur-Sultan, Kazahstan, 29 aprelya – 3 maya 2019 goda) [Elektronnyj resurs] / Red. kol.: N.A. Bozhenkova, S.V. Vyatkina, N.I. Klushina i dr. – SPb.: MAPRYAL, 2019. – S. 1310 – 1314.
6. Tregubova L.S. Sovremennye podhody k razrabotke metodiki obucheniya punktuacii v nachal'nyh klassah // Rusistika bez granici. – 2019. – T.3. – № 1. – S. 80-87.
7. Cukerman G. A. Kak mladshie shkol'niki uchatsya uchit'sya? Moskva–Riga: PC «Eksperiment», 2000. – 224 s.

References

1. Verbitskaya L.A. Language and Society. The role of language in the life of society // Pedagogy, 2015, no 2, pp. 5-18. (In Russian).
2. Technique of training in Russian at elementary school: the textbook and a practical work for the academic bachelor degree / Under edition T.I.Zinov'evoj. Moscow, Yurayt publishing house, 2017, 255 p. (In Russian).
3. Developing language education in modern primary school: a manual for faculties. Education and teachers beginning Classes / T.G. Ramzayeva, L.V. Saveleva, E.A Gogun, etc.; Under the scientific edition T.G.Ramzaevoj. - SPb., Special Literature, 2009, 222 p. (In Russian).
4. Tregubova L.S Use of technology of educational cooperation and game technology in the course of training of younger school students of a punctuation // Nizhny Novgorod education, 2018 no 2, pp. 157-162. (In Russian).
5. Tregubova L.S. Modern Approaches to Teaching Russian in Multilingualism // Russian Word in a Multilingual World: Materials of the 14th Congress of IAPRAL (Nur Sultan, Kazakhstan, April 29 - May 3, 2019) [Electronic resource] / Red. Col.: N.A. Bozhenkova, S.V. Viatkin, N.I. Klushina, etc., SPb., MAPRYAL, 2019, pp. 1310 - 1314. (In Russian).
6. Tregubova L.S. Modern approaches to the development of punctuation training methodology in primary classes // Russian studies without borders, 2019, T.3, no 1, pp. 80-87. (In Russian).
7. Zukerman G. A. How do younger schoolchildren learn to study? Moscow-Riga, "Experiment" TC, 2000, 224 p. (In Russian).

УДК. 372.881.161.1

Петрова Светлана Максимовна
доктор педагогических наук, профессор
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
Россия, Республика Саха, г. Якутск
e-mail: metlit@mail.ru

Petrova Svetlana Maksimovna
Professor, Dr. Sc. (Pedagogy)
Ammosov North-Eastern Federal University
Russia, Sakha Republic, Yakutsk
e-mail: metlit@mail.ru

С.М. Петрова

ГРАФИКО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. Проблема обучения русскому языку иностранцев – одна из наиболее актуальных в современной русистике. В статье представлена авторская методика обучения русскому языку как иностранному, в основе которой лежит графико-символический анализ художественного произведения. В создании графического анализа использованы практико-ориентированные традиции семиотики, мнемотехники, эргономики. Создание нашей методики обусловлено пониманием важной роли литературы в постижении русского языка иностранцами. На материале анализа романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» показаны приемы применения методики на практике обучения русскому языку иностранцев. Благодаря этой методике иностранцы быстрее и лучше усваивают особенности русского языка, его грамматические конструкции, совершенствуют навыки устной связной речи.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, художественная литература, графико-символический анализ, адаптированный текст, система обучения, инновационная технология

S.M. Petrova

GRAPHIC SYMBOLIC ANALYSIS OF WORK OF FICTION IN THE SYSTEM OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN

Abstract. The problem of teaching Russian language to foreigners is one of the most important problems of modern Russian studies. The article presents the author's methodology of teaching Russian as a foreign language, which is based on a graphic-symbolic analysis of a work of fiction. The practice-oriented traditions of semiotics, mnemonics and ergonomics are used in the creation of graphical analysis. The creation of this technique is due to the understanding of the important role of literature in the comprehension of the Russian language by foreigners. The creation of our methodology is due to the understanding of the important role of literature in the comprehension of the Russian language by foreigners.Thanks to this technique, foreigners more quickly and better learn the features of the Russian language, improve their oral communication skills.

Keywords: Russian as a foreign language, fiction, graphic-symbolic analysis, adapted text, training system, innovative technology

В Северо-Восточном федеральном университете имени М.К. Аммосова (СВФУ), как и во многих российских вузах, обучаются молодые люди из разных стран мира. Это около 400 студентов, магистрантов, аспирантов и обучающихся по программе академической мобильности из стран Европы, Латинской Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки, Ближнего Востока. Приезжающие в наш северный регион иностранцы испытывают много трудностей. Это не только проблемы климатической, социальной адаптации, но прежде всего языковой. Проблема обучения иностранцев русскому языку, как правило «с нуля», является весьма актуальной для кафедры РКИ филологического факультета СВФУ. На кафедре разработана

эффективная система обучения русскому языку как иностранному, начиная с фонетики и заканчивая синтаксисом, культурой речи. Однако основу этой системы составляет наша авторская методика обучения русскому языку как иностранному. В её центре находится графико-символический анализ художественного текста. Обращение к произведениям русской классической литературы обусловлено нашим глубоким убеждением, что именно художественный текст в системе обучения русскому языку иностранцев в наибольшей степени способствует развитию устной связной речи, осмысленному пониманию особенностей грамматического строя русского языка, усилению интереса не только к русскому языку, но ик истории, культуре, философии России, и, наконец, совершенствованию их аналитического мышления,

История знака, символа берет свое начало в античности. Древние ученые придавали большое значение символике. Ещё Платон определял *слова* как *суть знаков вещей* и *идей*. Аристотель отмечал, что *«Слова – это знаки мыслей»*. Термин «семиотика» (наука о знаках) принадлежит английскому философу-материалисту XVII в. Д. Локку, основоположнику ассоциативной психологии. Эпоха Просвещения дала миру великие имена в области семиологии(Т. Гоббс, И.-Г.Фихте, И. Кант, И.-В. Гёте, Ф. Шиллер и др.).Философское осмысление семиотики принадлежит Г. Гегелю. Ученый видел способность языка одновременно выражать противоположное, схватывать противоречие, движение, взаимное превращение. Г.-В. Лейбниц («Новые опыты о человеческом разуме», 1704 г.) писал: «Знаковость – это необходимое условие любого человеческого рассуждения. Никто не должен бояться, что размышление о знаках нас уведет от вещей, наоборот, оно приводит к сути вещей».

Создателем семиотики как науки о знаках был Ч.-С. Пирс, внесший неоценимый вклад в развитие символической логики, математики и теории знаков. Он считал, что «вся вселенная наполнена символами, более того: она целиком состоит из них». Ч.-С. Пирс сближает понятия «знак» и «символ»: «Каждое слово есть символ. Символ есть знак, который потерял бы качество, делающее его знаком, при условии отсутствия интерпретанта». Реформатор психоанализа Фромм Э. отмечал, что:«Язык символов – это язык, в котором внешний мир есть символ внутреннего мира, символ души и разума» и указывал, что каждое конкретное значение символа можно определить, только исходя из общего контекста, в котором он возник, и с учетом доминирующих переживаний человека, использующего этот символ». Американский ученый Дж. Миллер отмечал, что «психологи давно уже поняли, что ум человека питается лингвистическими символами», потому что язык – это своего рода «репрезентация мира».

В XX веке традиции *отечественной семиотики* восходят к работам Б. де Куртенэ, А.А. Потебни, А.А. Фортунатова. Крупнейший исследователь знака и символа в отечественной науке А.Ф. Лосевсчитал, что «символ есть развернутый знак» («Философия имени»,1923 г.). Эту мысль поддерживал Д.С. Лихачев, отмечавший, что «весь мир полон символов, и каждое явление имеет двойной смысл».Идею о том, что «знак выражает, а символ раскрывает данное значение» высказали исследователи семиотики(Э.В. Ильенков, М.И. Макаров), однако отдельные ученые дифференцировали эти понятия. «Содержание символа всегда глубже, т.к. оно включает в себя невидимые духовные реалии: ценности и смыслы. Знаки всегда освобождены от личностных смыслов. Символы же всегда личностны, эмоционально окрашены и ценностны» (М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский).

Современный исследователь семиотики Э.А. Тайсина считает, что символ – лишь вид знака. Символика – это инструмент познания и общения, трансформации и передачи трансформации. Символы помогают добиться необходимой полноты

конкретности знания, они имеют научную, эстетическую и этическую ценность, при этом «открываются все новые «ярусы» семиотических идей; в силу сквозного характера они пересекаются со все большим количеством дисциплин [11].Вызывают интерес мысли Э.А. Тайсинойо сопоставительном анализе исторического развития семиотических образований и особенностях деятельности разных полушарий мозга. Ученые тартуской школы семиотики (Лотман Ю.М.) после многолетнего исследования сделали вывод о том, что работа правого полушария соответствует анализу изобразительных знаков-иероглифов, символов и др.; для левого же полушария значимыми объектами являются не изобразительные системы знаков [5].

Место семиотики в системе современного образования

Семиотику как «методику обращения со знаками, когда любой объект представлен как знак чего-то существующего, а любая связь этих знаков предстает как логическая система описания» определил М.К. Мамардашвили, тем самым дав новое направление «науки о знаках» в современных условиях развития образовательной системы [6]. Прав Г.Г. Почепцов, указывая, что семиотика – наука междисциплинарная. Она изучает явления человеческого разума, которые имеют общие структурные принципы, она изучает мир с помощью элементарной единицы, который называется «знак» [10]. О многофункциональности семиотики пишет Мечковская Н.Б. [7]. Салмина Н.Г. исследует проблему, какую роль играют знак и символ в обучении [12].

Особые преимущества для исследования национального восприятия и преображения мира дает литература. По мнению Глотовой Г.А. «у человека существует ещё один образ мира – собственно-знаковый, в котором мир представлен… в текстах литературного произведения [3]. Именно в литературе наиболее ярко выражаются психология, мышление, прошлое и настоящее этноса. Литература приобщает людей разных стран к богатствам отечественной и мировой классики, формирует художественный вкус и представления о ней, как о социокультурном феномене, занимающем особое место в жизни нации и человечества. В то же время литература имеет свою *специфическую логику*. Она становится все более *интерактивной*. Подобная интерактивность созвучна самой природе литературы, которая построена по принципу некоего *глобального интертекста*, где существует огромное количество вариантов переживания и прочтения всей предыдущей литературной традиции. В настоящее время меняется сам принцип восприятия информации вообще и литературы, в частности. Благодаря Интернету меняется модальность бытования текста, его природа.

Исследователь Б.А. Плотников справедливо отмечает: «На сегодня в поле зрения науки о тексте находятся лишь вербальные (словесные) знаки, но ***настоящую действительность*** текста ***составляют также и многочисленные невербальные знаки (числа, символы, рисунки, таблицы, диаграммы*** и др**.)** – выделено нами – С.П.) [9]. Главным в знаке служит его способность нести в себе какую-либо информацию. Язык – это уникальная система знаков. Чем глубже проникает человеческая мысль в познаваемую вещь, тем выше абстрактность понятий о ней, внешнее выражение которых может представляться письменными (графическими) знаками.

Исходя из вышеизложенного, мы делаем вывод, что важными для практической работы по обучению русскому языку иностранцев являются мнения ученых о том, что «обучение должно соответствовать принципам работы мозга» [4]. В последнее время в русистике все большее внимание уделяется вопросам этнометодики, что совершенно

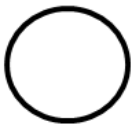
закономерно [2]. Работая в интернациональной аудитории, невозможно не учитывать особенности восприятия учебного материала обучающимися. Здесь нужна особая методика обучения русскому языку иностранцев. В связи с этим наша авторская методика использования графико-символического анализа художественного произведения в системе обучения РКИ в наибольшей степени подходит к работе с представителями Азиатско-Тихоокеанского региона, которые составляют нашу основную учебную аудиторию. Однако, как показала практика, европейская аудитория также неплохо воспринимала нашу методику.

Методика графико-символического анализа художественного произведения в системе обучения русскому языку как иностранному

Обучающимся предоставляется адаптированный текст анализируемого произведения. Однако сокращение первоначального текста основано на хорошем знании изучаемой эпохи, глубоком знакомстве с биографией писателя, а также на вдумчивом прочтении самого произведения. Работе по созданию адаптированного текста способствует словарно-фразеологическая работа с опорными, ключевыми и «знаковыми» (наша авторская методика) словами. Главное при такой работе – не потерять смысл той или части произведения. Получив такой текст, иностранцы не просто читают его, учат, но и запоминают грамматический строй русского языка, совершенствуют навыки пересказа, умение задавать вопросы и отвечать на них. Приводимый ниже материал дает представление о том, как на практике иностранцы постигают искусство художественного слова русской литературы. Что касается графического оформления глав, то основой для этого служит сам текст, художественно-изобразительные средства, которые использует писатель, те или иные детали. Графика хорошо запоминается. Глядя на графические изображения, иностранец вспоминает текст и учится пересказывать его, тем самым совершенствуя устную связную речь, расширяя лексический запас. Покажем нашу работу на примере анализа романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» [11]. Этому предшествует большая подготовительная работа, которую проводит преподаватель: историко-литературный комментарий, различные средства наглядной выразительности, аналитические беседы об изучаемой эпохе, личности писателя, его современниках(писатели, художники, композиторы), работа с текстом и т.д. Во время подготовительной работы иностранные студенты знакомятся с иллюстрациями известных русских художников к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» [13]. В процессе работы над адаптированным текстом мы главный упор делаем на графику.

ГЛАВА 1. ОБЩЕСТВО

Молодой человек Евгений Онегин вырос в светском обществе. Его учителями были полуграмотные французы и безграмотные слуги.



Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.

Граф.1. Комментарий к граф.1. Круг означает общество, в котором живет Онегин.

Рис. 1. Илл. Д.А. Белюкина.
Онегин на балу.

Онегин ходил в театры, на балы, веселился, но вскоре все это ему надоело. Ему было скучно. У него не было друзей. Он был одинок. Однажды он получил письмо из деревни. Из письма Евгений узнал, что умер его отец, а потом дядя. Дядя оставил Евгению небольшое наследство. Евгений решил жить в деревне.

Задание: 1. Прочитайте текст. 2. Найдите в словаре следующие слова: **вырасти, светский, общество, безграмотный, слуга, бал, веселиться, скучно (скучный), одинокий, письмо, деревня, умереть, дядя, небольшой, наследство.** 3.Составьте рассказ, используя следующие слова: Евгений Онегин, вырос, светское общество. Он, учителя, французы, слуги. Ходить, театры, танцевать, веселиться, надоело. Письмо, **Онегин на балу** деревня, отец, дядя, умер.

ГЛАВА 2. ДЕРЕВНЯ

В деревне Онегин много читал, хотел помогать крестьянам. Но скоро понял, что у него ничего не получается. Соседи-помещики не любили Онегина, потому что он с ними не общался, не разговаривал. Он жил один.

Вскоре в деревню приехал новый сосед Владимир Ленский. Он жил в Германии. Ему было 18 лет. У него были длинные черные волосы, черный плащ. Онегин и Ленский подружились. Они много разговаривали, спорили. Однажды они решили поехать в другую деревню к Лариным.

Граф. 2. Комментарий к Граф.2. Длинная линия главного обозначает героя – Онегина. Короткая линия – Ленского.

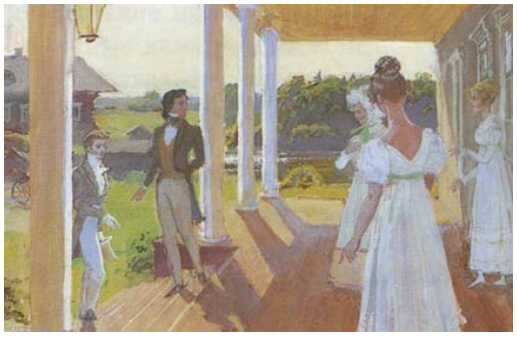
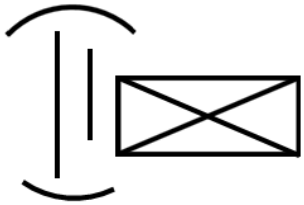


Рис 2. Илл. Д.А. Белюкина. В гостях у Лариных.

Задание: 1.Прочитайте текст. 2.Найдите в словаре следующие слова: **деревня, помогать, крестьяне, получаться, сосед, помещик, общаться, новый, плащ, спорить, решить, другой.**

3.Составьте рассказ, используя следующие слова: Деревня, читать, помогать, крестьяне. Скоро, понять, ничего не получается.Соседи-помещики, не любить, Онегин, не общаться, не разговаривать. Жить, один. Вскоре, приехать, новый сосед, Владимир Ленский. Он, жить, Германия. Он, 18 лет. Он, быть, длинные, черные волосы, плащ. Они, много, разговаривать, спорить, подружиться. Однажды, решить, поехать, другая, деревня, Ларины.

ГЛАВА 3. ЛАРИНЫ



Дмитрий Ларин был помещиком. У него были две дочери. Старшая дочь Татьяна. Младшая дочь Ольга. Ленскому понравилась Ольга. Они сразу подружились. Онегин обратил внимание на Татьяну. Ей было 13 лет. Она любила читать французские романы и танцевать. Ещё она любила слушать сказки, русские песни. Она знала русские обычаи, традиции.

Татьяна сразу полюбила Онегина. Она написала ему письмо и сказала, что она любит его.

Граф.3. Комментарий к Граф.3. Длинная линия – Онегин, короткая линия –Ленский. Верхняя кривая обозначает Татьяну как героиню, которая играет важную роль в романе.Нижняя кривая обозначает Ольгу как второстепенную героиню. Конверт обозначает письмо Татьяны к Онегину.

Задание: 1.Прочитайте текст. 2.Найдите в словаре следующие слова: **понравиться, подружиться, обратить, внимание, обычай, традиции**

3.Составьте рассказ, используя следующие слова:

Дмитрий Ларин, помещик.

Старшая дочь, младшая дочь. Ленский.

Понравиться, Ольга, Они, подружиться.

Онегин, обратить внимание, Татьяна.

Она, 13 лет. Она, любить, читать, романы, танцевать, сказки.

Знать обычаи, традиции. Татьяна, полюбить, Онегин. Она написать, письмо, любить, он.

Рис. 3. Илл Л. Тимошенко. Татьяна идет на встречу с Онегиным.

ГЛАВА 4. ЛЮБОВЬ

Онегин получил письмо Татьяны. Это письмо ему не понравилось. Он не любил Татьяну. Он приехал к Татьяне. Они встретились в лесу. Онегин сказал, что он не готов к семейной жизни. Он привык к свободной жизни. Татьяне было 13 лет, а ему было 26 лет. Онегин сказал, что Татьяне рано думать о любви. Она ещё молода. А в это время Ленский и Ольга были счастливы. Они любили друг друга

Граф.4. Комментарий к Граф.4. Линия вниз обозначает кризис в отношениях Татьяны и Онегина. Линия вверх символизирует отношения Ольги и Ленского, которые влюблены друг в друга.

Рис. 4. Илл. Л. Тимошенко.
Встреча Онегина и Татьяны в саду.

Задание: 1. Прочитайте текст. 2. Найдите в словаре следующие слова: **получить, встретиться, семейный, жизнь, привыкать, счастливый.** 3.Составьте рассказ, используя следующие слова:

Онегин, получить, письмо, Татьяна. Письмо, он, не понравилось.

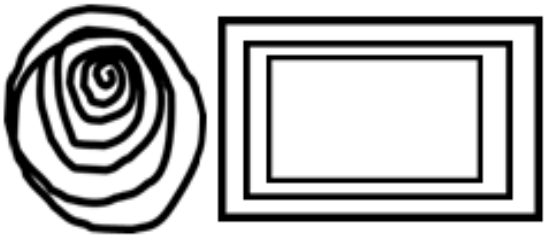
Они, встретились, лес. Онегин, сказал, не готов, семейная жизнь.

Он, привыкать, свободная, жизнь. Татьяна, 13лет. Онегин, 26 лет.

Онегин, сказать, рано, думать, любовь. Ленский, Ольга, счастливы.

Они, любить, друг, друг.

ГЛАВА 5. ИМЕНИНЫ



Татьяна очень переживала после разговора с Онегиным. Она заболела и видит во сне Онегина. В это время у неё были именины. Приехало много гостей. Начались танцы. Онегин несколько раз приглашал на танец Ольгу. Они весело о чем-то говорили. Ленский видел это и стал ревновать Ольгу. Ленский вызвал Онегина на дуэль. Онегин не хотел принимать этот вызов. Но он боялся, что люди будут его осуждать за отказ от дуэли.

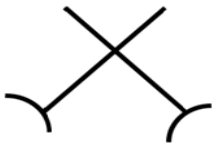
Граф. 5. Комментарий к Граф.5. Концентрический круг обозначает фантасмагорический сон Татьяны, в котором она видит странных зверей, дуэль Онегина и Ленского. Концентрические прямоугольники отражают гостей Лариных, помещиков с «говорящими» фамилиями – Скотинины, Гвоздины и др.

Задание:1. Прочитайте текст. 2. Найдите в словаре следующие слова: **переживать, заболеть, сон, именины, гости, приглашать, ревновать, вызвать, дуэль, вызов, бояться, осуждать, отказ.** 3.Составьте рассказ, используя следующие слова: Татьяна, переживать, после, разговор,

Онегин. Она, заболеть, видеть, сон, Онегин. Именины, приехать, много,гости. Начаться, танцы. Онегин, приглашать, Ольга. Они, весело, говорить. Ленский, видеть, ревновать, Ольга. Ленский, вызвать, Онегин, дуэль. Онегин, не хотеть, принимать, вызов,Он, бояться, люди, осуждать, он, отказ, дуэль.

Рис. 5. Илл. Л. Тимошенко.
Именины Татьяны.Комментарий к Граф.5.

ГЛАВА 6. ДУЭЛЬ



Онегин принял вызов Ленского. Рано утром Онегин и Ленский стрелялись. Онегин убил Ленского. После этого он уехал из деревни.Его не было видно 2 года. В это время онпутешествовал по разным городам России.

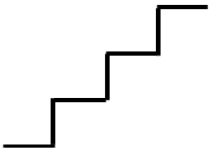
Граф.6. Комментарий к Граф. 6. Скрещенные шпаги символизируют поединок.

Задание:1. Прочитайте текст. 2. Найдите в словаре следующие слова: **принять, вызов, рано, стреляться, убить, путешествовать, разный.** 3.Составьте рассказ, используя следующие слова:

Онегин, принять, вызов, Ленский. Рано, утро, Онегин, Ленский стреляться. Онегин, убить, Ленский. Онегин, уехать, деревня. Он, не видно, 2 года.Он, путешествовать, разные города.

Рис. 6. Илл. И.Е Репина. Дуэль Онегина и Ленского.

ГЛАВА 7. В ДОМЕ ОНЕГИНА



Татьяна осенью гуляла по лесу. Она подошла к дому Онегина. Татьяна вошла в дом и стала смотреть, как жил Онегин. В доме Онегина было много книг, а также много разных вещей, которые вызывают у Татьяны удивление.

Граф.7. Комментарий к Граф. 7. Графика 7 изображает ступеньки крыльца, по которым поднимается Татьяна и входит в дом, где жил Онегин.

Задание:1. Прочитайте текст. 2. Найдите в словаре следующие слова: **переживать, заболеть, сон, именины, гости, приглашать, ревновать, вызвать, дуэль, вызов, бояться, осуждать, отказ.** 3. Составьте рассказ, используя следующие слова: Татьяна, осень, гулять, лес. Она, подойти, дом, Онегин. Татьяна, войти, дом, смотреть, жить, Онегин. Дом, Онегин, много, книги, разные, вещи.

Рис. 7. Илл. Д.А. Белюкина. В деревне Онегин много читает и размышляет о жизни.

ГЛАВА 8. НОВАЯ ВСТРЕЧА

Прошло два года. Татьяна вышла замуж за генерала Грёмина. Татьяна и Онегин встретились на балу. Вначале Онегин не узнал Татьяну. Это была не прежняя девочка, которая когда-то писала ему письмо. Теперь Татьяна стала светской дамой. Онегин спросил у Грёмина: «Кто та в малиновом берете?». Грёмин сказал, что это его жена и её зовут Татьяна. Тогда Онегин узнал Татьяну. Он понял, что влюбился в неё. Онегин написал письмо Татьяне о любви. Татьяна сказала, что она по-прежнему любит Онегин. Но теперь она замужем и будет верна мужу. Онегин понял, как он ошибся, когда отверг любовь Татьяны два года назад.

Граф.8. Комментарий к Граф.8. Фигура графически изображает письмо, которое Онегин пишет Татьяне. В центре две одинаковые линии обозначают Онегина и Татьяну.

Задание:1. Прочитайте текст. 2. Найдите в словаре следующие слова: **выйти замуж, встретиться, бал, малиновый, берет, светский, дама, влюбиться, по-**прежнему**, замужем, верный, ошибаться, отвергать.** 3. Составьте рассказ, используя следующие слова: 2года. Татьяна, выйти замуж, генерал Грёмин. Татьяна, Онегин, встретиться, бал. Вначале, Онегин, не узнать, Татьяна. Девочка, писать, письмо. Онегин, Грёмин, малиновый берет. Грёмин, жена, Татьяна. Онегин, написать, письмо, Татьяна, любовь. Татьяна, сказать, Онегин, любить, по-прежнему. Но, она, замужем, верна. Онегин, понять, ошибаться, отвергать, любовь, Татьяна.

Рис. 8. Илл. Л. Тимошенко.
Новая встреча Онегина и Татьяны

Работа с текстом художественного произведения, его графико-символический анализ в контексте обучения РКИ, использование новейших информационно-коммуникационных технологий [1] будут в наибольшей степени способствовать интересу иностранцев не только к русскому языку, но и более глубокому, осмысленному пониманию России. Наша методика получила широкое распространение не только среди гуманитариев, но и среди естественников [8]. Нами были проведены мастер-классы во многих регионах Российской Федерации, а также за рубежом (Монголия, Япония, Тунис, Китай, республика Корея и др.). Обучаясь по этой методике, иностранцы через три месяца хорошо говорят по-русски.

Библиографический список

1. Азимов Э.Г. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании русского языка как иностранного: Методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного.- М.: Русский язык. Курсы, 2012.– 352 с.
2. Балыхина, Т.М., Чжао Юйцзян. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления: Монография.– Изд.2.–М.: РУДН, 2012. – 344 с.
3. Глотова Г.А. Человек и знак. Семиотико-психологические аспекты онтогенеза человека.- Свердловск: Изд-во УГУ, 1990.– 256 с.
4. Косилова М.Ф. Фундаментальные науки и практика: некоторые особенности работымозга и преподавание иностранных языков// Вестник Москов. Ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.– 2006.– № 2.– С.7–12.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера.- СПб.: Искусство-СПб, 2000.– 704 с.
6. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. Под общей редакцией Ю.П. Сенокосова.- М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.– С. 108.
7. Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура.– Уч.пос.– М.2004.– 432 с.
8. Петрова С.М., Петрова М.Н. Междисциплинарные связи как основа повышения профессиональной компетентности студентов-медиков Северо-Восточного Федерального университета. Педагогический имидж.– 2017.– №3(36).– С. 103–110.
9. Плотников Б.А. Семиотика текста: Параграфемика: учебное пособие.– Минск: Вышэйшая школа, 1992. – С.5 –39.
10. Почепцов Г.Г. Семиотика.– М.: Рефлбук, К.: Ваклер. –2002.– 432 с.
11. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Роман в стихах.– М.: Просвещение, 1997.– 320 с.
12. Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении.– М.: Изд-во МГУ, 1988.– 288 с.
13. Иллюстрации к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин» https://evgenij-onegin.ru/illyustratsii/www.liveinternet.ru.

References in Roman script

1. Azimov E.G.Informatsionno-kommunikatsionnyye tekhnologii v prepodavanii russkogoyazyka kak inostrannogo: Metodicheskoye posobiye dlya prepodavateley russkogo yazyka kak inostrannogo.- M.: Russkiy yazyk. Kursy, 2012.- 352 s.
2. Balykhina, T.M., Chzhao Yuytszyan. Ot metodiki k etnometodike. Obucheniye kitaytsev russkomu yazyku: problemy i puti ikh preodoleniya: Monografiya.- Izd.2.-M.: RUDN, 2012. 344 s.
3. Glotova G.A. Chelovek i znak. Semiotiko-psikhologicheskiye aspekty ontogeneza cheloveka.- Sverdlovsk: Izd-vo UGU, 1990.- 256 s.
4. Kosilova M.F. Fundamental'nyye nauki i praktika: nekotoryye osobennosti rabotymozga i prepodavaniye inostrannykh yazykov// Vestnik Moskov. Un-ta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya.- 2006.- № 2.- S.7-12.
5. Lotman Yu.M.Semiosfera.- SPb.: Iskusstvo-SPb, 2000.- 704 s.
6. Mamardashvili M.K., Pyatigorskiy A.M. Simvol i soznaniye. Metafizicheskiye rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke. Pod obshchey redaktsiyey Yu.P. Senokosova.- M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997.- S. 108.

7. Mechkovskaya N.B. Semiotika. Yazyk. Priroda. Kul'tura.- Uch.pos.- M.2004.- 432 s.
8. Petrova S.M., Petrova M.N. Mezhdistsiplinarnyye svyazi kak osnova povysheniya professional'noy kompetentnosti studentov-medikov Severo-Vostochnogo Federal'nogo universiteta. Pedagogicheskiy imidzh.- 2017.- №3(36).- S. 103-110.
9. Plotnikov B.A. Semiotika teksta: Paragrafemika: uchebnoye posobiye.- Minsk:Vysheyshaya shkola, 1992.- S. 5 - 39.
10. Pocheptsv G.G. Semiotika.- M.: Reflbuk, K.: Vakler.-2002.- 432 s.
11. Pushkin A.S. YEvgeniy Onegin. Roman v stikhakh.- M.: Prosveshcheniye, 1997.- 320 s.
12. Salmina N.G. Znak i simvol v obuchenii.- M.: Izd-vo MGU, 1988.- 288 s.
13. Illyustratsii k romanu A.S.Pushkina «Evgeniy Onegin» https://evgenij-onegin.ru/illyustratsii/www.liveinternet.ru.

References

1. Azimov E.G. Information and communication technologies in teaching Russian as a foreign language: A toolkit for teachers of Russian as a foreign language. M.: Russian language. Courses, 2012. 352 p. (In Russian).
2. Balykhina, T.M., Zhao Yujiang. From methodology to ethnomethodology. Teaching Chinese the Russian language: problems and ways to overcome them: Monograph. Ed.2.-M .: RUDN, 2012. 344 p . (In Russian).
3. Glotova G.A. Man and sign. Semiotic and psychological aspects of human ontogenesis. Sverdlovsk: Publishing House of the Ural State University, 1990. 256 p. (In Russian).
4. Kosilova M.F. Basic sciences and practice: some features of the brain and the teaching of foreign languages // Moscow Bulletin. University. Series 19. Linguistics and intercultural communication. - 2006.- No. 2, pp.7-12. (In Russian).
5. LotmanYu.M. Semiosphere. St. Petersburg: Art-St. Petersburg, 2000. 704 p. (In Russian).
6. Mamardashvili M.K., Pyatigorskiy A.M. Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language.Under the general editorship of Yu.P. Senokosova.- M .: School "Languages of Russian Culture", 1997. p. 108. (In Russian).
7. Mechkovskaya N.B. Semiotics. Tongue.Nature. Culture. Uch. pos.- M. 2004. 432 p. (In Russian).
8. Petrova S.M., Petrova M.N. Interdisciplinary communication as the basis for increasing the professional competence of medical students of the North-Eastern Federal University. Pedagogical image, 2017. No. 3 (36) , pp. 103-110 (In Russian).
9. Plotnikov B.A. Semiotics of the text: Paragraphics: textbook.- Minsk: Higher School, 1992, pp.5–39 (In Russian).
10. Pocheptsov G.G. Semiotika. M .: Reflbuk, K .: Wackler, 2002 . 432 p. (In Russian).
11. Pushkin A.S. Eugene Onegin. A novel in poetry. M .: Education, 1997. 320 p. (In Russian).
12. Salmina N.G. A sign and a symbol in training. M.: Publishing House of Moscow State University, 1988. 288 p. (In Russian).
13. Illustrations to the novel by A.S. Pushkin "Eugene Onegin"; https: //evgeny-onegin.ru/illustrations/; www.liveinternet.ru. (In Russian).

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

УДК 81’253

Кан Синьюнь
аспирант
Пермский Национальный Исследовательский Политехнический Университет
Россия, г. Пермь
e-mail: kangxinyun1994@163.com

Kang Xinyun
Postgraduate student
Perm National Research Polytechnic University
Russia, Perm
e-mail: kangxinyun1994@163.com

С. Кан

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. В статье освещается проблема ономастической метафоры при переводесмысловых (говорящих) имен собственных с русского языка на китайский. Теоретическим основанием исследования выступают следующие концепции и теории: теория имени собственного в российской лингвистике, когнитивная теория метафоры в отечественной и зарубежной метафорологии, концепция переводческого пространства как одна из современных культурно ориентированных парадигм исследования перевода. Цель исследования состоит в выявлении метафорических смыслов имен собственных-антропонимов в текстах оригинала и перевода. В результате проведенного исследования установлено, что при переводе имен собственных-антропонимов, относящихся к когнитивной метафоре и образующих ономастическое пространство рассказа А.П.Чехова «Лошадиная фамилия», лишь 16, 5 % переведено гармонично, что ослабляет юмористический эффект текста перевода.

Ключевые слова: имя собственное, переводческое пространство, ономастическое пространство, когнитивная метафора, гармоничный перевод

X. Kang

COGNITIVE METAPHOR IN THE ONOMASTIC SPACE OF THE LITERARY TEXT IN TRANSLATION

Abstract. The article highlights the problem of onomastic metaphor in translating semantic (speaking) proper names from Russian to Chinese. The theoretical basis of the research are the following concepts and theories: the theory of proper names in Russian linguistics, the cognitive theory of metaphor in domestic and foreign metaphorology, the concept of translation space as one of the modern culturally oriented paradigms of translation research. The purpose of the research is to identify the metaphorical meanings of proper names-anthroponyms in the original and translated texts. As a result of the research, it was found that when translating proper names-anthroponyms related to the cognitive metaphor and forming the onomastic space of A.P. Chekhov's story “Horse surname“, only 16.5% were translated harmoniously, which weakens the humorous effect of the translation text.

Keywords: proper name, translation space, onomastic space, cognitive metaphor, harmonious translation

Введение. Данная статья посвящена имени собственному (ИС) как неотъемлемому компоненту ономастического пространства художественного текста, как результату речемыслительной деятельности человека, регулируемому механизмом когнитивной метафоры.

Во все времена процесс наименования человека выступал ценностно значимым фактором, отражающим менталитет народа, его национально-культурное сознание. Имя собственное, являясь вершиной номинации человека, представляет собой речемыслительную деятельность, в основе которой лежат концептуально-логические или образные механизмы, включая метафору. Согласно современным воззрениям на природу метафоры, данный феномен имеет когнитивную природу, в связи с чем в центре нашего исследования лежит когнитивная ономастическая метафора.

Мы предполагаем, что ономастическая метафора, которая является языковым воплощением представлений языковой личности об окружающем мире, находит отражение в ценностной языковой картине мира, обладает уникальным для данной культуры аксиологическим потенциалом, который должен быть гармонично транспонирован переводчиком в другую лингвокультуру.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Несмотря на возрастающий интерес к исследованию когнитивной метафоры, являющейся универсальным механизмом языка, ономастическая метафора не получила достаточного освещения в современной лингвистике. Когнитивная метафора нашла отражение как в трудах зарубежных исследователей (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Дж. Фоконье, М.Тернер, М. Блэк, М. Минский, Э. Кассирер и др.), так и в работах российских ученых (В.Н.Телия, Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова, А.П.Чудинов, А.В. Суперанская, В.В. Катермина, Р.И. Воронцов и др.). Вместе с тем, на наш взгляд, недостаточно изучена трансляция метафорических смыслов в переводном дискурсе, не описана аксиологическая доминанта перевода ономастической метафоры, недостаточно исследованы русско-китайские и китайско-русские имена собственные – антропонимы, обладающие метафорическим потенциалом.

Ономастическое пространство художественного текста

В российской лингвистике существует богатая традиция изучения ИС, которая восходит к трудам Василия Даниловича Бондалетова, Александры Васильевны Суперанской и др. Среди современных ученых данной проблемой занимаются Дмитрий Иванович Ермолович, Вероника Викторовна Катермина и др.

Рассмотрим, как эти ученые описывают ономастическое пространство.

А.В. Суперанская пишет: «Все многообразие вещей реальных, мнимых и гипотетических составляет то первичное, данное извне или созданное человеком, для обозначения чего необходимы названия: нарицательные как обобщающие и собственные как выделяющие индивидуальные предметы, заслуживающие особо пристального внимания человека» [9, с.140]. Ученый отмечает, что первая классификация ИС принадлежит Аристотелю. Понятие «ономастическое пространство» впервые употребил В.Н. Топоров в середине XX века.

Согласно воззрениям А.В. Суперанской, можно представить ономастическое пространство как некий континуум, который по-разному заполняется разными народами в различные исторические эпохи и который складывается из совокупности полей с подвижными размытыми границами ввиду наличия плавных переходов имен из одной категории в другую.

Проблема ономастического пространства подвергается анализу в работах В.В. Катерминой, которая изучает личные имена собственные (ЛИС) в структуре социума. ЛИС является и национальным, и социальным знаком, что позволяет отнести его к определенной ономастической сфере, включающей в себя экстралингвистический компонент, т.е. условия существования имени в обществе, культурно-исторические ассоциации, степень известности объекта и его имени. Ученый вводит понятие

«национальное поле имени», которое можно соотнести с ономастическим пространством.

Исследование ИС неразрывно связано с исследованием культуры, в которой оно функционирует. Изучая взаимоотношения языка и культуры, В.В. Катермина утверждает, что «...язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает ее, формирует культуру, как бы произрастая в нее, но и сам развивается в культуре» [3, с.28].

Вместе с тем речь идет не только о глобальной связи языка и культуры, но и о формировании языковых единиц разного уровня, коррелирующих с культурой. В.В. Катермина пишет, что «культурно-человеческий фактор воздействует на формирование и функционирование единиц номинации, вследствие чего они обретают функцию эталонов и стереотипов национальной культуры…» [3, с. 47-48]. Ученый рассуждает о том, что в единицах номинации закреплена система образов, которые кумулируют в себе мировидение народа, отражая его систему ценностей, культурно-национальный опыт, традиции, менталитет, национальный характер. Ввиду неразрывной связи языка и культуры в процессе формирования вербальных образов имеет место образная номинация. Способы образной номинации разнообразны. В рамках нашего исследования выявлены наиболее значимые способы формирования семантических неологизмов, к которым относится модель метафорического переноса наименований. В.В.Катермина формулирует важный в рассматриваемом отношении вывод о том, что «…личное имя собственное – опорный знак, квинтэссенция, вывод и обобщение в виде метафоры, метонимии или синекдохи, за счет которых создается образ» [3, с.138]. Здесь описан механизм метафоризации, который заключается в дезинтеграции единичного понятия, соответствующего конкретному денотату. В.В.Катермина уделяет особое внимание человеческому фактору в языке, справедливо полагая, что «образ человека – ядро каждой национальной культуры, системы ее ценностей» [3, с.31].

Обобщая, автор утверждает, что ЛИС является номинантом внешних и внутренних параметров человека, а также номинантом взаимоотношений человека и общества, например, семьи, профессии и пр. Приведем примеры автора: Иван да Марья (характерные имена для мужа и жены), Макар (опытный рыболов, в аграрной России не существовало профессионально-дифференцированного сообщества). Ученый рассуждает также о говорящих фамилиях, что имеет особое значение для нашего исследования.

В русской художественной литературе говорящими фамилиями обычно наделялись отрицательные персонажи. Это означает, что в основе говорящей фамилии лежит нарицательное имя с ярко выраженным отрицательным значением, что создает сатирический эффект. Эмоционально-экспрессивный фактор в русскоязычных говорящих фамилиях выражается при помощи таких элементов, как части тела (Голопузя, Пяткин), пища (Борщов), названия болезней (Бородавка, Золотуха), предметы (Пуговицин), неэстетичность и неблагозвучность (Помойкин, Замухрышкин) и др.

В целом ЛИС и фамилия способствуют раскрытию особенностей языковой личности русского человека.

Современные взгляды на когнитивную метафору

Метафора является одним из наиболее древних и в то же время актуальных лингвистических феноменов, которые привлекают внимание ученых разных стран и научных школ.

Историография метафоры восходит к античности и связана с именами Аристотеля, Квинтилиана, Цицерона и др., трактовавших ее как вид тропа, как сжатое сравнение.

Современная когнитивная лингвистика открыла новый ракурс ее исследования: от метафоры как способа эстетического украшения речи ученые пришли к пониманию метафоры как вербализованного приема мышления о мире, как одного из механизмов познания мира.

Метафора рассматривается современными учеными как языковое явление, отображающее когнитивные процессы. Это объясняется тем, что основную роль в жизни играют не формализованные процедуры индукции и дедукции, а процесс аналогии. Но, как известно, в основе аналогии лежит перенос знаний из одной содержательной области в другую, что лежит и в основе метафоры, являющейся отражением аналоговых процессов.

В рамках проводимого нами исследования мы ставим цель проследить формирование, развитие и определить сущность ономастической метафорологии.

Доминирующей парадигмой в исследовании метафоры на когнитивном этапе является теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, разработанная американскими исследователями в конце XX века. Являясь методологической основой современной теории метафоры, данная концепция заслуживает подробного освещения. Ставший программным труд ученых «Метафоры, которыми мы живем», опубликованный на русском языке в 1990г., нашел отклик в многочисленных исследованиях.

Дж. Лакофф и М. Джонсон начинают рассуждение с того, что обычно метафора соотносится с миром слов, тогда как в действительности она соотносится с миром мышления и действия. Они исходят из идеи о том, что наша обычная понятийная система метафорична по своей сути: понятия, управляющие нашим мышлением, не ограничиваются сферой интеллекта, но простираются и на повседневную деятельность. Благодаря языку мы получаем доступ к метафоре, при этом и мышление, и опыт, и повседневная деятельность обусловлены метафорой. В целом метафорические понятия упорядочивают наши действия. Например, метафора *time is money* – «*время – деньги*» содержит в себе смысл ценности времени в нашей жизни, что отражено в таких высказываниях, как *thank you for your time* («*спасибо вам за потраченное время*»). Важно, что в разных культурах ценность времени различна, поэтому выражения, свойственные одним языкам, не характерны для других языков, что обусловливает порождение я языке других метафор. Иными словами, метафоры как языковые выражения существуют лишь потому, что представлены в понятийной системе человека, культурные ценности согласованы с метафорической структурой понятий каждой конкретной культуры Авторы заключают, что сущность метафоры состоит в переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода [5].

Теория метафоры нашла развитие в работах пермских ученых Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой. Так, Л.М. Алексеева исследует метафорическую природу терминопорождения, противопоставляя ее традиционному терминоведению, в рамках которого терминология рассматривалась как «…привилегированная, т.е. закрытая, хорошо организованная, управляемая особым законом система знаков, а не как ценная своей естественностью, открытостью и деривационностью языковая система, обеспечивающая «сдвиги» знания» [1, с.116]. Теория терминологической метафоризации выстраивается на основе таких категорий, как «способ мышления», «выводное знание», «концептуализация», «динамизм термина» и др., что позволяет исследователю выяснить сущность и механизм метафоризации.

Современная когнитивная лингвистика оперирует понятием концептуальной метафоры: «Метафора рассматривается как понятийная конструкция, которая занимает ведущее место в мыслительном процессе человека. Метафора – это когнитивный механизм, который осуществляет пересечение рада понятийных областей в концептуальной сфере» [2, с.19].

О соотношении теории метафоры и теории перевода

Многовековая история переводческой деятельности, предназначенной для установления взаимодействия отдельных индивидов и целых народов, содержит богатый объем переводной литературы, требующей научного осмысления

Если современными учеными метафора трактуется не столько как номинативное средство, сколько как один из способов мышления человека об окружающем мире, следовательно, сознание человека, как об этом пишет Д.Е. Эртнер, определяется глубинными структурными отношениями между группами понятий, которые позволяют выражать одни понятия через другие; при этом, будучи когнитивным процессом, метафора выражает и формирует новые понятия, без которых невозможно получение нового знания [11]. Для теории перевода это означает, что адекватный перевод метафоры практически невозможен, так как ни один словарь не успевает зафиксировать вновь приобретенные значения.

Соотношение проблем метафоризации и перевода рассматривается П.М.Шитиковым, который анализирует концептуальную метафору в Библии и ее отражение в русскоязычных переводах. Автор отмечает вариативность способов передачи концептуальных метафор при переводе, что обусловлено тесной связью метафорического мышления и культурным опытом носителей языка: носители разных культур имеют разный культурный опыт. В связи с тем, что базовые концептуальные метафоры глубоко проникли в сознание носителей определенной культуры, автор приходит к важному выводу: «В этом контексте перевод касается не столько эквивалентности отдельных выражений, сколько соотношения концептуальных систем двух языков» [10, с.58]. Этот вывод имеет принципиальное значение для нашего исследования.

Методологическим основанием проводимого нами исследования является разработанная проф. Л.В. Кушниной концепции переводческого пространства. С позиций данной концепции, гармоничным может быть признан такой перевод метафоры, при котором концептуальные системы двух контактируемых языков являются соразмерными. Иными словами, задача переводчика состоит в установлении соразмерности, согласованности двух концептуальных систем, что может быть обусловлено приращением культуросообразных смыслов посредством их синергии в переводческом пространстве. Ниже данный процесс будет проанализирован на материале перевода смысловых имен собственных с русского языка на китайский и с китайского языка на русский.

В работе П.М. Шитикова речь идет о переходе от текста с репрезентирующими концепт метафорическими лексическими единицами к концептуальной структуре, т.е. к концепту. Этот анализ включает в себя следующие этапы: выявление лексических единиц, составление пропозиций, построение неполного сравнения, его трансформацию в аналогию, определение метафорического концепта. Представленный алгоритм представляется целесообразным для проводимого нами исследования.

Проблема соотношения метафоры и перевода содержится в работах Е.А. Нахимовой, Е.С. Петровой, Д.Б. Гудкова и др.

Как поясняет Е.А. Нахимова, в связи с тем, что онимы выражают нестандартное речевое поведение личности, эти единицы языка имеют в своей основе процесс метафоризации. Речь идет о связи теории номинации, с одной стороны, с традиционной теорией метафоры, с другой – с когнитивной теорией метафоры. Кроме того, теория номинации имеет непосредственное отношение к проблеме многозначности, а именно к метафорическому и метонимическому переносу значений. Так возникает термин «ономастическая метафора», что имеет самое непосредственное отношение к нашей работе [6].

Данной проблеме посвящено также исследование Т.Б. Симашко и М.Н. Литвиновой. Несмотря на то, что монография авторов «Как образуется метафора» была опубликована в 1993 г., многие ее положения, касающиеся перевода метафоры, остаются актуальными [7]. Авторы рассматривают перевод метафоры как разновидность межъязыковой семантической деривации. Если исходить из того, что метафора выступает единицей, формирующей смысл (а сам процесс перевода также связан с формированием смыслов), становится ясно, что при переводе метафоры имеет место не просто двойное означивание, но и двойное смыслопорождение. В этом заключается, на наш взгляд, основная трудность при переводе метафоры.

Проблема перевода ИС в художественном дискурсе исследуется А.Д. Сайфуллиной, которая акцентирует внимание на литературной ономастике, подчеркивая, что «в художественном дискурсе имена способны не только выполнять функции реальных онимов, такие как номинативная (назывная) или идентифицирующая, но также аккумулировать в себе дополнительные сведения, вызывая определенный отклик у реципиента – читателя» [8, с. 93]. Автор выявляет возможность передачи семантики и определения метафорической сущности имен, что имеет самое непосредственное отношение к нашей проблеме. Автор приводит примеры метафорической номинации в процессе перевода антропонимикона с английского языка на русский. Имя главной героини анализируемого художественного текста – *«Katniss»*, что вызывает в оригинале ассоциации со словом *«cat»* (*кошка)* и со стрельбой из лука, отражая тем самым выносливый характер героини и освоенные ею навыки лучницы. При переводе удается сохранить ассоциацию с кошкой, а вторая ассоциация теряется. Автор приходит к выводу, что в данном случае метафорическая номинация оригинала не сохранена в переводе, т.е. метафорический смысл, заложенный автором в имя, исчезает. Исследователь предполагает, что в подобных случаях переводчик должен искать компромиссные варианты, передающие и оригинальное звучание, и образный смысл.

При рассмотрении переводческого аспекта метафоризации ономастикона в художественном тексте мы опираемся на концепцию переводческого пространства Л.В. Кушниной, отражающей синергетическое видение процесса перевода [4]. Согласно данной концепции, качественным, или гармоничным, признается такой перевод, в котором имеет место приращение культурно значимых смыслов, приемлемых для другой культуры. В данном случае речь идет о приращении метафорических смыслов, что способствует естественному вхождению ИС в принимающую культуру.

Анализ перевода смысловых (говорящих) имен собственных

Признавая, что говорящие имена собственные обладают метафорическим смыслом, который должен быть транспонирован переводчиком, мы обратились к тексту рассказа А.П.Чехова «Лошадиная фамилия» в оригинале [Чехов] и переводе на китайский язык [李慧泉 (Ли Хуэйцюань)]. Мы выписали все ИС оригинала и перевода, чтобы установить, удалось ли переводчику передать метафорический смысл ИС

оригинала. Иными словами, если произошла реметафоризация ИС, перевод признается гармоничным; если имеет место деметафоризация ИС, перевод признается дисгармоничным. Возможны также эквивалентный и адекватный переводы.

Подчеркнем, что, согласно концепции переводческого пространства, гармоничный перевод предполагает синергетическое приращение культурно значимых смыслов.

Результаты анализа представлены в таблице. В первой колонке представлено ИС оригинала, в третьей – перевод ИС на китайский язык, вторая колонка иллюстрирует способ перевода ИС с русского языка на китайский.

Таблица 1

ИС оригинала	Способ перевода ИС с русского языка на китайский	ИС перевода
Кобылин	Конь + транскрипция окончания русского имени	□□琳
Жеребцов	конь+ транскрипция окончания русского имени	公□波槽福
Жеребятников	конь транскрипция окончания русского имени	公□柔尼科夫
Кобылицин	Кобыла + транскрипция окончания русского имени	母□□利岑
Кобылятников	Кобыла + транскрипция окончания русского имени	母□柔尼科夫
Кобелев	собака+ транскрипция окончания русского имени	狗倍烈夫
Жеребчиков	жеребец+ транскрипция окончания русского имени	小□布奇科夫
Лошадинин	лошадь+ транскрипция окончания русского имени	□沙基宁
Лошаков	лошадь+ транскрипция окончания русского имени	□沙克夫
Жеребкин	жеребец+ транскрипция окончания русского имени	小□步金
Лошадкин	лошадь+ транскрипция окончания русского имени	□沙得金
Кобылкин	лошадь+ транскрипция окончания русского имени	母□□□金
Коренной	лошадь+ транскрипция окончания русского имени	母□□伊
Коренников	Тяговая лошадь+ транскрипция окончания русского имени	拉□□尼克福
Жеребчиков	жеребец+ транскрипция окончания русского имени	小□布奇科夫
Жеребковский	жеребец+ транскрипция окончания русского имени	小□布克夫斯基
Жеребенко	жеребец+ транскрипция окончания русского имени	小□□可
Лошадинский	Лошадь + транскрипция окончания русского имени	□沙金斯基
Лошадевич	Лошадь + транскрипция окон	□沙杰□其

Жеребкович	жеребец+ транскрипция окончания русского имени	小□科□其
Кобылянский	Кобыла + транскрипция окончания русского имени	母□李昂斯基
Табунов	табун + транскрипция окончания русского имени	群□□夫
Копытин	Копыто+ транскрипция окончания русского имени	□蹄倍京
Жеребовский	жеребец+ транскрипция окончания русского имени	小□博夫斯基
Коненко	Быстроногий конь+ транскрипция окончания русского имени	□□宁克
Конченко	Конь+ транскрипция окончания русского имени	□岑可
Жеребеев	жеребёнок + транскрипция окончания русского имени	小□□耶夫
Кобылеев	Кобыла + транскрипция окончания русского имени	母□列耶夫
Меринов	Кастрированная лошадь+ транскрипция окончания русского имени	□□美利耶夫
Буланов	Рыжий конь в яблоках + транскрипция окончания русского имени	黄□□布□拉夫
Чересседельников	Подпруга + транскрипция окончания русского имени	□肚□尼克福
Засупонин	Упряжка + транскрипция окончания русского имени	□套伯宁
Лошадский	Лошадь+ транскрипция окончания русского имени	□沙□慈
Овсов	Лист овса+ транскрипция окончания русского имени	燕麦奥夫索夫
Конявский	Быстроногий конь+ транскрипция окончания русского имени	□□夫斯基
Лошадников	Хорошая лошадь+ транскрипция окончания русского имени	好□得尼克福
Тройкин	Три коня + транскрипция окончания русского имени	三套□衣金
Уздечкин	Поводья+ транскрипция окончания русского имени	□□□届其金

Нами обнаружен один случай дисгармоничного перевода, т.е. переводческой ошибки: *«Кобелев переведено как собака + транскрипция русского окончания* - 狗倍烈夫».

Гармоничными мы признаем переводы, в которых создается переводческий метатекст, обусловливающий воссоздание метафорического смысла ИС оригинала. Мы отметили шесть случаев гармоничного перевода. Приведем пример*: «Лошадников - Хорошая лошадь+ транскрипция окончания русского имен* - 好□得尼克福». В данной номинации содержится аксиологический компонент, что расширяет возможности восприятия и понимания ИС реципиентом.

Остальные случаи мы относим к проявлениям адекватности и эквивалентности.

Заключение

Как показало исследование, ономастическое пространство художественного текста обладает метафорическим смыслом, так как смысловые (говорящие) имена собственные по своей природе относятся к когнитивной метафоре, создавая уникальные образы, формирующие языковую картину мира автора произведения. Задача переводчика состоит в гармоничном воссоздании того ментального образа, который возник в сознании автора, чтобы иноязычный и инокультурный реципиент представил тот же образ. Естественно, его языковая картина мира не будет при этом ни идентичной, ни тождественной картине мира автора или переводчика. Она будет иной, но соразмерной по своему смысловому наполнению исходной картине мира. Только в этом случае мы можем говорить о переводческой гармонии при передаче ИС из одной лингвокультуры в другую. Как показали результаты проведенного исследования, только около 16, 5 % имен собственных в качестве антропонимов, создающих ономастическое пространство проанализированного нами текста, переведено гармонично, что ослабляет юмористический эффект переводного художественного текста.

Библиографический список

1. Алексеева Л.М. Термин и метафора. – Премь: Изд-во ПГУ, 1998. –250с.
2. Алексеева Л.М, Ивинских Н.П., Мишланова С.Л., Полякова С.В., Полякова С.В. Метафора в дискурсе. – Пермь, Перм. гос. нац. исслед. ун-т. –Пермь, 2013. –240с.
3. КатерминаВ.В. Номинации человека. Национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков): монография. – М., Флинта: наука, 2016. –224с.
4. Кушнина Л.В. Принципы гармоничного перевода: метапереводческий аспект //Стереотипность и творчество в тексте. Межвуз. сб. научн. тр. Пермь, 2014. –С. 65–76.
5. Лакофф Дж. , Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем //Теория метафорыпод ред Н.Д.Арутюновой и М.А.Журинской. М., Прогресс, 1990. –С. 387–415.
6. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург, 2007. –207с.
7. Симашко Т.В., Литвинова М.Н. Как образуется метафора (деривационный аспект). Пермь, Изд-во ПГУ, 1993. –218с.
8. СайфуллинаА.Д. Проблемы перевода имен собственных в художественном тексте // Актуальные проблемы лингвистики сб. научных статей. ЧелГУ, 2018, вып. 3. –С. 99–103.
9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., «Либроком», 2012. – 368с.
10. ШитиковП.М. Процедуры перевода метафоры (на материале библейских текстов)//Перевод и сопоставительная лингвистика. Периодический научный журнал/Отв. ред. М.С.Пестова.- Екатеринбург: УрГИ, 2012. – вып.8. –С.84–87.
11. Эртнер Д.Е. История становления метафорологии как науки: методологические контуры интерпретации//Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. № 4 (4), 2015. Том 1. –С. 167–174.

Источники

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. Т. 4. [Рассказы, юморески], 1885–1986. – М.: Наука, 1976. – С. 58–61.
2. 李慧泉. 莫泊桑, 契诃夫, 欧·亨利短篇小说集. 南昌, 江西人民出版社, 2018. – pp.157–159.

References in Roman script

1. Alekseyeva L.M. Termin i metafora. – Prem': Izd-vo PGU, 1998. –250s.

2. Alekseyeva L.M, Ivinskikh N.P., Mishlanova S.L., Polyakova S.V., Polyakova S.V. Metafora v diskurse. – Perm', Perm. gos. nats. issled. un-t. –Perm', 2013. –240s.
3. KaterminaV.V. Nominatsii cheloveka. Natsional'no-kul'turnyy aspekt (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov): monografiya. – M., Flinta: nauka, 2016. –224s.
4. Kushnina L.V. Printsipy garmonichnogo perevoda: metaperevodcheskiy aspekt //Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste. Mezhvuz. sb. nauchn. tr. Perm', 2014. –S. 65–76.
5. Lakoff Dzh. , Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem //Teoriya metaforypod red N.D.Arutyunovoy i M.A.Zhurinskoy. M., Progress, 1990. –S. 387–415.
6. Nakhimova YE.A. Pretsedentnyye imena v massovoy kommunikatsii: monografiya. YEkaterinburg, 2007. –207s.
7. Simashko T.V., Litvinova M.N. Kak obrazuyetsya metafora (derivatsionnyy aspekt). Perm', Izd-vo PGU, 1993. –218s.
8. SayfullinaA.D. Problemy perevoda imen sobstvennykh v khudozhestvennom tekste // Aktual'nyye problemy lingvistiki sb. nauchnykh statey. ChelGU, 2018, vyp. 3. –S. 99–103.
9. Superanskaya A.V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. M., «Librokom», 2012. – 368s.
10. ShitikovP.M. Protsedury perevoda metafory (na materiale bibleyskikh tekstov)//Perevod i sopostavitel'naya lingvistika. Periodicheskiy nauchnyy zhurnal/Otv. red. M.S.Pestova.- YEkaterinburg: UrGI, 2012. – vyp.8. –S.84–87.
11. Ertner D.YE. Istoriya stanovleniya metaforologii kak nauki: metodologicheskiye kontury interpretatsii//Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. № 4 (4), 2015. Tom 1. –S. 167–174.

Istochniki

1. Chekhov A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. – M.: Nauka, 1974–1982. T. 4. [Rasskazy, yumoreski], 1885–1986. – M.: Nauka, 1976. – S. 58–61.
2. 李慧泉. 莫泊桑, 契诃夫, 欧·亨利短篇小说集. 南昌, 江西人民出版社, 2018. – pp.157–159.

References

1. Alekseeva L.M. Term and metaphor. - Prem: Publishing house of PSU, 1998. – 250 p. (In Russian).
2. Alekseeva L.M., Ivinsky N.P., Mishlanova S.L., Polyakova S.V., Polyakova S.V. A metaphor in discourse. - Perm, Perm. state nat. researched un-t –Perm, 2013. – 240 p. (In Russian).
3. Katermina V.V. Nominations of the person. National-cultural aspect (based on Russian and English languages): monograph. - M., Flint: science, 2016 .- 224 p. (In Russian).
4. Kushnina L.V. The principles of harmonious translation: meta-translation aspect // Stereotype and creativity in the text. Interuniversity. Sat scientific tr Perm, 2014. pp. 65–76. (In Russian).
5. Lakoff J., Johnson M. Metaphors with which we live // Theory of metaphor under the editorship of N.D. Arutyunova and M.A. Zhurinskaya. M., Progress, 1990. – pp. 387-415. (In Russian).
6. Nakhimova E.A. Precedent names in mass communication: a monograph. Yekaterinburg, 2007.– 207 p. (In Russian).
7. Simashko T.V., Litvinova M.N. How a metaphor is formed (derivational aspect). Perm, Publishing house of PSU, 1993 .- 218 p. (In Russian).
8. Sayfullina A.D. Problems of translation of proper names in literary text // Actual problems of linguistics sb. scientific articles. ChelSU, 2018, No. 3.– pp. 99–103. (In Russian).
9. Superanskaya A.V. The general theory of the proper name.M., Librocom, 2012.– 368 p. (In Russian).
10. Shitikov P.M. Metaphor translation procedures (based on biblical texts) // Translation and comparative linguistics. Periodical scientific journal / Otv.ed. M.S. Pestova.- Yekaterinburg: Ural State Research Institute, 2012.– issue 8.–pp. 84–87. (In Russian).
11. Ertner D.E. The history of the formation of metaphorology as a science: methodological contours of interpretation // Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian research. No. 4 (4), 2015. Volume 1. –pp. 167–174. (In Russian).

Sources

1. Chekhov A.P. Complete Works and Letters: In 30 vols. Works: In 18 vol. Institute of World Lite. them. A. M. Gorky. – M .: Science, 1974–1982. T. 4. [Stories, Humoresques], 1885–1986. – M .: Science, 1976. – pp. 58–61. (In Russian).
2. Li Huiquan. Maupassant, Chekhov, O Henry Short Stories collection. Nanchang, Jiangxi people's publishing house, 2018. - pp.157-159. (In Chinese).

Р Е Ц Е Н З И И

УДК 81`374

Танчева Татьяна Русева
доктор филологии, управляющий партнер
ООО «Фидес Интерконсулт»
Болгария, г. София
e-mail: t_tancheva@abv.bg

Tancheva Tatyana Ruseva
Managing Partner, Ph.D. in Philology
Fides Interconsult Ltd
Bulgaria, Sofia
e-mail: t_tancheva@abv.bg

Т.Р. Танчева

ДЕЛЕВА Н.П. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДЛОГИ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ (ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ). СОФИЯ:ИЗДАТЕЛСТВО «ПАРАДИГМА», 2020, – 182 с. ISBN 978-954-326-415-5

Аннотация. В рецензии представлена книга Надежды Делевой, в которой объектом сопоставительного анализа являются пространственные предлоги в русском и болгарском языках. Автор книги работает долгие годы в области теории и практики двуязычной лексикографии, и в частности, русско-болгарской. Новизна представленной работы заключается в характере сопоставительного анализа русских и болгарских лексических единиц, в основе которого лежит методика попарного сопоставления лексики. Данное исследование может послужить хорошей основой как для лексикографов, так и для преподавателей при обучении русскому языку болгар, и болгарскому языку русских. Целью работы является сопоставление пространственных предлогов и их представление в лексикографической форме. Объектом анализа являются двадцать первообразных пространственных предлогов, выделенных на базе исследований известного болгарского лексикографа Кирилла Бабова. В работе указаны также применяемые методы для достижения намеченной цели и вытекающих из нее задач. Преимущество и практическая значимость указанной книги – это представленные проекты словарных статей, являющихся частью будущего русско-болгарского толкового словаря активного типа.

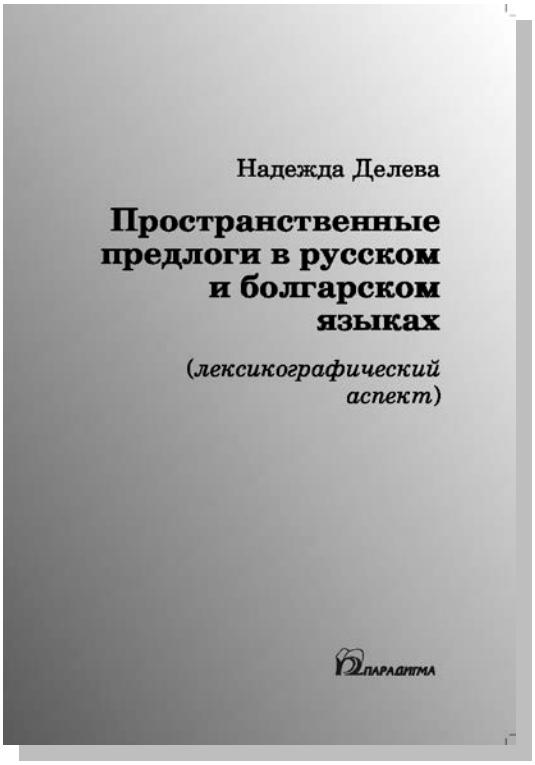
Ключевые слова: пространственные предлоги, словарная статья, попарное сопоставление лексики, интегральное описание языка

T.R. Tancheva

DELEVA N. P. SPATIAL PREPOSITIONS IN RUSSIAN AND BULGARIAN (LEXICOGRAPHIC ASPECT). SOFIA: PARADIGM PUBLISHING HOUSE , 2020 – 182 p. ISBN 978-954-326-415-5

Abstract. The review paper presents the book of Nadezhda Deleva, in which the spatial propositions in Russian and Bulgarian languages are subjected to comparative analysis. For many years, the author of the book has been working in the field of theory and practice of bilingual lexicography, and in particular, Russian-Bulgarian lexicography. The relevance of the presented work consists in the specific nature of the comparative analysis of the Russian and Bulgarian lexical units based on the methodology of pairwise comparison of vocabulary. The study provides a good basis for both lexicographers and teachers in the process of Russian language training for Bulgarians and Bulgarian language training for Russians. The purpose of the research is to compare the spatial propositions and their presentation in lexicographic form. The analysis is focused on twenty prototypes of spatial propositions based on the research of the famous Bulgarian lexicographer Kirill Babov. The paper also outlines the methods used to achieve the purpose and the resulting tasks. The main contribution and practical importance of the presented book are the drafts of vocabulary entries which are part of a forthcoming Russian-Bulgarian active type interpretative dictionary.

Keywords: spatial prepositions, dictionary entry, pairwise comparison of vocabulary, integrated language description



Объектом рецензируемой работы является сопоставительное описание пространственных предлогов в русском и болгарском языках – задача нелегкая и трудоемкая, но зато очень полезная для лексикографов.

Автор данного исследования – д-р Надежда Делева, главный ассистент кафедры русского языка Факультета славянских филологий Софийского университета им. Святого Климента Охридского.

Пространственные предлоги в русском и болгарском языках мало изучены, особенно в сопоставительном плане, и это обусловливает их научную и практическую значимость, и новизну работы.

Автор задался целью не только сопоставить указанную категорию лексических единиц в обоих близкородственных языках, но и представить результаты этого сопоставления в виде словарных статей двуязычного русско-болгарского словаря.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Во введении изложены основные цели, задачи и методы, применяемые для их достижения, а также очерчен объем материала, подвергнутого анализу. Объектом анализа являются двадцать первообразных пространственных предлогов русского языка, выделенных на базе исследований профессора Кирилла Бабова [3], [4] (*в, до, за, из, из-за, из-под, к, между, на, над, о, от, перед, по, под, при, с, сквозь, у, через*) и их болгарские эквиваленты.

В первой главе «Интегральное описание языка и „лексикографическое портретирование“» изложены основные положения теории «Смысл<=>Текст», ставшей основой, теоретической канвой рецензируемого исследования. Автор детально рассматривает концепцию интегрального описания языка, ее возникновение и вклад русских лингвистов в ее развитие и обогащение теорией лингвистических моделей, разработанной И.А. Мельчуком [5].

В первой главе сделан также исчерпывающий обзор основных трудов (среди них отметим исследования Ю.Д. Апресяна [1], [2], Ю.Н. Караулова, А.К. Жолковского и др.), в которых показана взаимосвязь лексики и грамматики, что имеет непосредственное отношение не только к лексикографии, но и к проблеме владения языком. Здесь место отведено вопросу о «лексикографическом портретировании» предлогов в русском и болгарском языке. Детально описаны особенности нового типа словарной статьи – «лексикографического портрета», составленной согласно требованиям интегрального описания языка.

Хочется обратить особое внимание на детальное рассмотрение всех аспектов интегрального подхода в лексикографии и на очень четко намеченные решения двух основных вопросов, первый из которых связан с объемом включаемой в словарную статью информации, а второй – со способом ее записи и организации.

Вторая глава исследования – «Сопоставительный анализ пространственных предлогов в русском и болгарском языках» посвящена сопоставительному анализу

первообразных пространственных предлогов, описаны принципы и метод сопоставления, в результате чего выявляются особенности сопоставления служебных слов в этих двух близкородственных языках.

Автор последовательно прослеживает основополагающие труды в области сопоставительного изучения языков, методику сопоставительного анализа лексики русского и болгарского языков, разработанную известным болгарским филологом, специалистом в области сопоставительно-типологической дифференциации славянских языков и двуязычной лексикографии, профессором ириной червенковой [6], в частности, специфику сопоставления пространственных предлогов в русском и болгарском языках. Сделан обзор основных работ в болгарской русистике, посвященных сопоставительному исследованию лексики близкородственных языков, в частности лексическому сходству и различию русского и болгарского языков (комментируются исследования С. Чукалова, Н. Дылевского, Н. Ковачевой, И. Червенковой и др.).

В рецензируемой работе принята оригинальная методика сопоставления русской и болгарской лексики И. Червенковой. Особенность этой методики связана с двунаправленностью и попарным сопоставлением лексических единиц каждой лексической пары.

Далее особое внимание уделяется специфике сопоставления пространственных предлогов в русском и болгарском языках, начиная с выяснения самого понятия пространства. Изложены основные положения исследований, посвященных описанию и восприятию пространства, анализу значений пространственных предлогов и специфике сопоставления служебных слов (указаны работы К. Бабова, Р. Павловой, А. Николовой, Л. Карпенко и др.).

Особо хочется выделить третью главу – «Лексикографический портрет русских и болгарских пространственных предлогов как результат сопоставительного анализа», в которой излагаются особенности лексикографического отображения предлогов в разных типах словарей, идет обоснование содержания и структуры словарной статьи (т.н. лексикографического портрета), описаны результаты сопоставления и выведены параметры-смыслы, на основе которых противопоставляются исследуемые предлоги в этих двух языках. Подчеркивается богатая традиция двуязычной русско-болгарской и болгарско-русской лексикографии (К. Бабов 1972, С. Влахов 1995, А. Липовска 2009).

В результате проведенных наблюдений над презентацией служебных слов в двуязычных словарях автор очерчивает две тенденции, касающиеся создания словарей последних лет, а именно: 1) разработка макроструктуры словаря и 2) разработка микроструктуры словаря.

Выбор автором второго направления, на мой взгляд, является особенно плодотворным и заслуживающим самой высокой оценки, поскольку благодаря такому подходу описание лексических единиц полностью отражает всю необходимую информацию о них. В результате научно-теоретических поисков и проведенных лексикологических исследований Надежда Делева предлагает двуязычный словарь, который полностью отвечает требованиям, предъявляемым к современной лексикографии. В предлагаемом Н. Делевой двуязычном словаре традиционная двухчастная структура словарной статьи заменена по вертикали трехчастной, состоящей из «русской» части, толкование и «болгарской» части. По горизонтали слева направо расположены иллюстрации на русском языке, сочетаемость, модель управления, иллюстрации на болгарском языке; комментарии расположены под толкованием в средней части; внизу в горизонтальной полосе, занимающей все поле статьи, расположена библиографическая информация.

В конце работы представлены проекты словарных статей 20 исходных пространственных предлогов русского языка и их болгарских эквивалентов, а в результате лексикографической обработки указанных предлогов проанализированы 55 русско-болгарских лексических пар.

С уверенностью можно утверждать, что это первая попытка зафиксировать в лексикографической форме результаты сопоставительного анализа служебных слов, в частности, пространственных предлогов в русском и болгарском языках. Особо хочется подчеркнуть самые важные преимущества данного пособия, а именно:

1. Это словарь активного типа;
2. Объем словника значительно сокращен за счет увеличения объема включаемой информации для отдельной лексической единицы;
3. Одновременно с этим его можно использовать и в учебных целях;
4. Словарь является двунаправленным – вход в него возможен как со стороны русского, так и со стороны болгарского языка;
5. На мой взгляд, самое большое преимущество предлагаемого словаря – это наличие толкования, которое объединяет правую и левую часть словарной статьи, и связывает представленные слова, т.е. показывает их семантическую эквивалентность.
6. Из этой особенности предлагаемого словаря вытекает и другая его характеристика – его можно определить как толковый словарь.

В рецензируемой работе автор успешно выполняет заданные цели, заполняя таким образом пробел в болгарской двуязычной лексикографии, поскольку в ней отсутствуют русско-болгарские и болгарско-русские словари служебных слов. Представленный в предлагаемом словаре материал может войти в корпус общего русско-болгарского словаря.

В заключение хочу подчеркнуть еще раз значимость и новизну представленной работы и выразить уверенность, что Надежда Делева продолжит свою работу над расширением сопоставляемого материала, включая и другие классы незнаменательных слов, а также в будущем займется составлением русско-болгарского словаря служебных слов.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка.– М., 1974.
2. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации//НОСС, 2004, VIII-XXII.
3. Бабов К. Руските предлози. – С., 1963.
4. Бабов К. Семантична система на руските предлози, ГСУ, ФСФ, т. 62. – С., 1968.
5. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл < = > Текст». – М., 1974
6. Червенкова И. Сопоставительное исследование современной болгарской и русской лексики. – С., 2011.

References in Roman script

1. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskiye sredstva yazyka. M., 1974
2. Apresyan Yu.D. Novyy ob"yasnitel'nyy slovar' sinonimov: kontseptsiya i tipy informatsii//NOSS, 2004, VIII-KHKHII.
3. Babov K. Ruskite predlozi. S., 1963
4. Babov K. Semantichna sistema na ruskite predlozi, GSU, FSF, t. 62, S., 1968
5. Mel'chuk I.A. Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl < = > Tekst», M., 1974

6. Chervenkova I. Sopostavitel'noye issledovaniye sovremennoy bolgarskoy i russkoy leksiki. S., 2011.

References

1. Apresyan Yu. D. Lexical semantics. Synonymous means of the language. Moscow, 1974. (In Russian).
2. Apresyan Yu. D. New explanatory dictionary of synonyms : concept and types of information/ / NOSS, 2004, VIII-XXII. (In Russian).
3. Babov K. Russian prepositions. Sofia, 1963. (In Bulgarian).
4. Babov K. Semantic system of the Russian prepositions. GSU, FSF, vol. 62, Sofia, 1968. (In Bulgarian).
5. Melchuk I. A. Experience of the theory of linguistic models "Meaning < = > Text", Moscow, 1974. (In Russian).
6. Chervenkova I. Comparative study of modern Bulgarian and Russian vocabulary. Sofia, 2011. (In Russian).

ХРОНИКА

УДК 81:009(047.2)+061.3(100):39“2019“(470.41-25)

Долгова Елена Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент
Самарский государственный социально-педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail:dolgova@pgsga.ru

Dolgova Elena Yuryevna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Samara State University of Social Sciences and Education
Russia, Samara
e-mail:dolgova@pgsga.ru

Иванян Елена Павловна
доктор филологических наук, профессор
Самарский государственный социально-педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail: ivanyan@pgsga.ru

Ivanyan Elena Pavlovna
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Samara State University of Social Sciences and Education
Russia, Samara
e-mail:ivanyan@pgsga.ru

Кальнова Ольга Ивановна
кандидат филологических наук, доцент
Самарский государственный социально-педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail: kalnova@pgsga.ru

Kalnova Olga Ivanovna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Samara State University of Social Sciences and Education
Russia, Samara
e-mail: kalnova@pgsga.ru

Е.Ю. Долгова, Е.П. Иванян, О.И. Кальнова

МЕЖСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ ЛИНГВИСТОВ: I МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В XXI ВЕКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ» (САМАРА, РОССИЯ, САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, МАЙ 2019 Г.)

Аннотация. Представлена Первая Международная научно-практическая конференция, посвященная изучению славянских языков в XXI веке (Самара, 17 мая 2019 г.). Организаторами конференции выступили Центр изучения славянских языков и культуры, кафедра русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ. В конференции приняли участие 25 участников из России, Белоруссии, Польши, Чехии и Киргизии. Научная программа конференции включала работу двух секций и круглого стола. Участниками конференции были рассмотрены актуальные вопросы славянской диалектологии и лингвогеографии, проблемы славянской лексикографии и кирилло-мефодиевского наследия славян; сделан вывод о признании современного межславянского научного взаимодействия как отвечающего вызову времени, второму десятилетию XXI в.

Ключевые слова: межславянские языковые связи; общеславянский фон, славянская диалектологическая картина мира, славянская фразеологическая картина мира

E.Y. Dolgova, E.P. Ivanyan, O.I. Kalnova

INTER-SLAVIC LANGUAGE COMMUNICATIONS IN THE FIELD OF VISION OF LINGUISTS: I INTERNATIONAL CONFERENCE "SLAVIC LANGUAGES INTHE XXI CENTURY: MODERN ASPECTS OF RESEARCH" (SAMARA, RUSSIA, SAMARA STATE UNIVERSITY OF SOCIAL SCIENCES AND EDUCATION, MAY 2019)

Abstract.The first international scientific and practical conference dedicated to the study of Slavic languages in the XXI century is presented (Samara, May 17, 2019).The organizer of the conference was the Center of Slavic languages study and culture and the Department of the Russian Language, Speech Culture and Methods of Their Teaching. The conference was attended by 25 participants from Russia, Belarus, Poland, Czech Republic and Kyrgyzstan. The scientific program of the conference included two sections and a round table. The participants of the conference considered topical issues of Slavic dialectology and linguogeography, problems of Slavic lexicography and Cyril and Methodius heritage of the Slavs. The conclusion is made on the recognition of modern inter-Slavic scientific interaction as meeting the challenge of the time and the second decade of the XXI century.

Keywords: inter-Slavic language ties, Common-Slavic background, Slavic dialectological picture of the world, Slavic phraseological picture of the world

17 мая 2019 года в Самарском государственном социально-педагогическом университете (СГСПУ) состоялось значимое для языковедов событие – первая международная конференция, во главу угла поставившая проблему межславянского научного взаимодействия на современном этапе. В последние десятилетия «произошли довольно существенные изменения в социолингвистической ситуации отдельных славянских языков и в ряде случаев в их кодификации. Кроме того, славянское языкознание обогатилось новым материалом и новыми подходами к его описанию» [3, с. 9], что организаторы конференции, безусловно, приняли во внимание.

Первая Международная научно-практическая конференция «Славянские языки в XXI веке: современные аспекты исследования» была приурочена к традиционному празднованию в СГСПУ Дня славянской письменности и культуры. Организаторами конференции стали Центр изучения славянских языков и культур, созданный на базе СГСПУ, и кафедра русского языка культуры речи и методики их преподавания. В конференции приняли участие 25 участников из России, Белоруссии, Киргизии, Чехии и Польши.

Целью конференции явилось обсуждение перспектив изучения фактов исторического развития и современного состояния славянских языков. В сфере внимания ученых оказались активные процессы в славянских языках на рубеже XX – XXI веков, вопросы славянской диалектологии и лингвогеографии, актуальные проблемы славянской лексикографии и кирилло-мефодиевского наследия славян.

Уже на первой конференции в обсуждении актуальнейших вопросов приняли учёные из разных стран: Польши, Белоруссии, Чехии, Киргизии, а также из разных городов России. В ходе проведения конференции работали 2 секции, был проведен круглый стол.

Конференцию предваряла торжественная часть, в рамках которой прошла демонстрация фильма о просветителях славян Кирилле и Мефодии, судьбе славянской азбуки, родстве славянских языков; прозвучали стихотворения и песни на славянских языках в исполнении студентов филологического факультета и вокальной группы «Соловій».

Пленарное заседание открыл кандидат филологических наук Белостокского университета (Польша) М. Мордань докладом, посвященным проблеме влияния

христианского наследия на современную антропонимическую систему польско-восточнославянского приграничья. На значительном эмпирическом материале автор показал, что бытование антропонимов (имен и фамилий) в польско-восточнославянском пограничье свидетельствует о взаимовлиянии польской и восточнославянской культур, сосуществовании православия и католицизма.

Особенности вокативов к возлюбленной на материале славянских языков (в сопоставлении русских и чешских вокативов) были охарактеризованы в докладе профессора СГСПУ Е.П. Иванян и бакалавра Ю.А. Люленковой.

Специфика славянской диалектной языковой картины мира на примере языковой репрезентации наименований ящерицы была подробно и всесторонне рассмотрена в докладе Т.Е. Баженовой (СГСПУ).

Интернациональный компонент современных неологизмов *-гейт* в сопоставительном аспекте на материале славянских и неславянских языков был освещен в докладе доцента СГСПУ И.В. Гуровой; были выявлены черты общего и особенного для русских, болгарских, польских и др. *гейт*-производных.

Секционные заседания были посвящены проблемам когнитивных моделей славянского языкового сознания и актуальным процессам в славянских языках начала XXI века.

Заведующим кафедрой Вроцлавского университета (Польша) Б. Гасеком было показано, что для современного состояния русско-польского взаимодействия актуально уточнение состава фразеологии, при котором учитывается совокупность признаков для признания фразеологической единицы как фразеологического эквивалента, либо установления мнимого характера эквивалентности. На материале Национального корпуса русского языка, Национального корпуса польского языка и прессы ученый обосновал необходимость внесения корректив.

Доцент Сургутского университета Н.А. Сергиенко и аспирант А.С. Литовченко подвергли анализу лексикографические и фразеологические источники и корпуса русского и украинского языков на предмет выявления общего и особенного в универсальной эмотивной субсфере «радость», динамики способов вербализации, обнаружив в данной лингвокогнитивной категоризации связь единиц русской и украинской лингвокультур с духовностью, христианским миром слова. Доцент СГСПУ В.Л. Карякина совместно с бакалавром А.С. Гладышевой исследовали средства репрезентации концептов «правда» и «счастье» в русских пословицах и поговорках.

Русская языковая картина мира была рассмотрена сквозь призму культурно маркированных номинаций с одним из компонентов (*царь-, чудо-, горе-*) доцентом СГСПУ Н.В. Гонновой. Русская поэтическая картина мира в образной парадигме «дерево – животное» была описана доцентом Тольяттинского университета М.Г. Соколовой.

Историческому аспекту межславянских связей были посвящены работы Т.П. Луниной и Е.А. Мироновой. Доцент Липецкого педагогического университета Т.П. Лунина описала славянские взаимовлияния в раннем периоде распространения славянской письменности, показав активную деятельность славянских народов Македонии (Охридской школы), Болгарии, сербской церкви и проч. Исследовательница указала на длительный период становления славянской письменности, сопровождавшийся преображением самой стихии славянской мысли. Ассистент Оренбургского педуниверситета Е.А. Миронова в докладе осветила рефлексы праславянских сочетаний *dj в часословах XYIIв. в качестве особых элементов системы церковнославянского и русского языков.

Доцент Международного университета Алаа-Тоо (г. Бишкек, Киргизия) Л.В. Алимпиева ознакомила аудиторию с аксессуарными приниципами кодификации лексических единиц. Был заслушан доклад о фразеологизмах в русском и белорусском языках в сопоставительном аспекте доцента Витебского университета им. П.М. Машерова Т.П. Слесаревой (Белоруссия).

Методике комментирования текста на старославянском языке (из опыта подготовки школьников к Олимпиаде по русскому языку) был посвящен доклад доцента СГСПУ Ю.А. Белкиной. Актуальная тема методики преподавания РКИ была представлена в докладе профессора Ш.А. Махмудова в соавторстве с магистрантом Н.В. Уваровской – СГСПУ «Профессиональная направленность преподавания русского языка как иностранного».

Круглый стол «Современное состояние межславянских языковых, литературных и культурных связей» подвел итог первой конференции по межславянским языковым контактам. В круглом столе приняли участие коллеги из Польши, Чехии, Самарской городской общественной организации «Поляки Самары «Потомэк»», Самарской областной организации белорусов и выходцев из Беларуси «Русско-Белорусское Братство 2000».

Участники конференции солидаризировались с высказыванием заведующего Центром изучения славянских языков и культур СГСПУ доцентом Е.Ю. Долговой о необходимости развития межславянских языковых связей, с приведенной цитатой известного слависта, академика РАН по Отделению историко-филологических наук А.М. Молдована: «Общность происхождения и языковое родство славян отражаются во всей их культурной истории со времен их появления до современного состояния. В силу этого изучение различных аспектов славистики является фундаментальной задачей в области познания существенной части мировой истории» [2, с. 3]. На Круглом столе было принято решение, что I Международная научно-практическая конференция «Славянские языки в XXI веке: современные аспекты исследования» начнет ряд планируемых организаторами международных встреч специалистов в области славистики и русистики [1, с. 12].

Библиографический список

1. Долгова Е.Ю. Славянские языки в XXI веке: современные аспекты исследования. Об итогах I международной научно-практической конференции // Поволжский педагогический вестник. – Самара, 2019. – Т. 7. – № 2 (23). – 126 с.
2. Молдован А.М. Пути славистики в современном мире: XIV Международный съезд славистов, Охрид, 10 – 16 сентября 2008 г. – Москва: Миксмедия, 2008. – 44 с.
3. Языки мира: Славянские языки / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 680 с.

References in Roman script

1. Dolgova E.Yu. Slavyanskie yazyki v XXI veke: sovremennye aspekty issledovanya. Ob itogach I mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencyi // Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik. – Samara, 2019. –T. 7. – № 2 (23). – 126 s.
2. Moldovan A.M. Puti slavistiki v sovremennom mire: XIV Mezhdunarodnyy s"yezd slavistov, Okhrid, 10 – 16 sentyabrya 2008 g. – Moskva: Miksmediya, 2008. – 44 s.
3. Yazyki mira: Slavyanskiye yazyki / RAN. Institut yazykoznaniya. Red. koll.: A.M. Moldovan. S.S. Skorvid. A.A. Kibrik i dr. – SPb.: Nestor-Istoriya. 2017. – 680 s.

References

1. Dolgova E.Yu. Slavic Languages in the 21st Century: Modern Aspects of Research and Practice Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference // Volga pedagogical Bulletin. – Samara, 2019. – Vol. 7. – No. 2 (23). – 126 p. (In Russian).
2. Moldovan A.M. Ways of Slavistics in the modern world: XIV International Congress of Slavists, Ohrid, September 10-16, 2008-Moscow: Mixmedia, 2008. – 44 p. (In Russian).
3. Languages of the world: Slavic languages / Russian Academy of Sciences. Institute of linguistics. Ed. board: A.M. Moldovan, S.S. Scorwid, A.A. Kibrik and others – SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. – 680 p. (In Russian).

УДК 811

Танасич Срето
доктор филологических наук, старший научный сотрудник, профессор,
член-корреспондент Академии наук Республики Сербской
Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств
Академия наук Республики Сербской
Сербия, г. Белград
e-mail: sretotanasic@yahoo.com

Tanasich Sreto
Professor, Dr.Sc. (Philology), senior researcher,
corresponding member of Academy of Sciences of Republic of Serbia
Institute of the Serbian language of the Serbian Academy of Sciences and arts
Serbia, Belgrade
e-mail: sretotanasic@yahoo.com

С. Танасич

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗИМНЯЯ ВСТРЕЧА СЛАВИСТОВ В БЕЛГРАДЕ (58-Е СОБРАНИЕ СЛАВИСТОВ СЕРБИИ)

Аннотация. 58-е собрание славистов Сербии, состоявшееся с 6 по 7 февраля в Белграде (Республика Сербия), продолжило традиции предыдущих ежегодных зимних встреч славистов на Филологическом факультете Белградского университета, ставшего одним из признанных научных центров славистических исследований. Темой 58-го научного симпозиума была «Славянские языки и литературы: функционирование и изучение в современных условиях». Симпозиум имел широкий международный характер. Обсуждались актуальные проблемы академической славистики. Среди секций традиционно выделялась особо значимая секция «Русская эмиграция и славистика». Как обычно, зимняя встреча международного славистического сообщества в Белграде в этом году отличалась широтой тематики: на заседаниях секций обсуждались самые разнообразные лингвистические, литературоведческие, терминологические и лингводидактические вопросы. Был проведен традиционный семинар для преподавателей русского языка в начальных и средних школах.

Ключевые слова: симпозиум, слависты, Сербия, Белград, академическая славистика, славистический центр

S. Tanasich

INTERNATIONAL WINTER MEETING OF SLAVISTS IN BELGRADE (58TH MEETING OF SLAVISTS OF SERBIA)

Abstract. The 58th meeting of Slavonic experts of Serbia, held from 6 to 7 February in Belgrade (Republic of Serbia), continued the tradition of previous annual winter meetings of Slavonic experts at the faculty of Philology of the University of Belgrade, which has become one of the recognized scientific centers of Slavic studies. The topic of the 58th scientific Symposium was "Slavic languages and literatures: functioning and study in modern conditions". The Symposium had a broad international character. Topical issues of academic Slavistics were discussed. Among the sections, the most important section "Russian emigration and Slavistics"was traditionally distinguished. As usual, the winter meeting of the international slavistic community in Belgrade this year was characterized by a wide range of topics: a variety of linguistic, literary, terminological and linguodidactics issues were discussed at the sessions of the sections. A traditional seminar was held for Russian language teachers in primary and secondary schools.

Keywords: Symposium, Slavonic experts, Serbia, Belgrade, academic Slavistics, center of Slavic studies

С 6 по 7 февраля 2020 г. в Белграде (Республика Сербия) состоялся первый славистический (и вообще лингвистический) симпозиум в новом году – «58-е Собрание

славистов Сербии». Темой научного симпозиума была *«Славянские языки и литературы: функционирование и изучение в современных условиях».* По выбору тематики и подбору участников симпозиум носил международный характер. Общее количество докладов составило 81, из них из-за рубежа – 37. Большинство иностранных участников прибыли из России: всего двадцать. С докладами приняли участие ученые из Австрии, Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговины, Словакии, Турции, Украины, Черногории и Чехии. Следует сказать, что большее количество заявленных участников приняли участие в собрании; только около 10 процентов не смогли представить свои доклады.

На торжественном заседании открытия за вклад в развитие славистики и полвека служения миссии поддержки и продвижения русского языка была награждена доктор филологических наук Надежда Лаинович Стоянович – профессор кафедры русского языка Нишского университета (Сербия, Ниш). Доктор филологических наук Вучина Раичевич, профессор русского языка в Белградском университете, получил премию имени Радована Кошутича за крупные научные достижения (Сербия, Белград).

Симпозиум начался пленарным заседанием, на котором были зачитаны четыре доклада: Анатолий Захнитко (Киев) *Мовносоціумна об'єктивно-дискурсивна мотивованість прескрипцій*; Ана Кречмер (Беч) *О проучавању предстандардних модела српске писмене традиције – методолошка запажања*; Ксения Кончаревич (Белград) *Функционисање црквенословенског језика у савременом српском богослужењу;* Ирина Беляева (Москва) *Русская классика и современный читатель.*

Работа продолжилась в тематических секциях, всего было 11 заседаний. Собрание было завершено заключительным пленарным заседанием.

Как всегда, тематика симпозиума отличалась широтой охвата и глубиной подачи актуальных проблем славистики. Как обычно, посреди этого белградского славистического собрания (напомним: существует также традиционная Международная научная встреча славистов в Вуковские дни, которая проводится каждый год в сентябре), и в этом году несколько участников выступили на тему русской эмиграции в Белграде и Сербии. Так, например, на секции «Русская эмиграция и славистика» были зачитаны доклады Сергея Михальченко (Брянск) *Белградские страницы жизни Ф.В. Тарановского (по неизданым материалам)* и Анны Яковлевич (Белград) *Обележавање годишњице Пушкинове смрти у недељнику «Руски глас» 1937 године,* а также доклад Алексея Тимофеева (Белград) *Влияние конфликта ИБ* [*Информибиро* – С.Т.] *на судьбы русских славистов в Югословии*.

Вместе с тем, были представлены доклады, посвященные различным аспектам литературных произведений многих русских писателей: А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.С. Грибоедова, И.А. Гончарова, А.К. Толстого, Леонида Леонова, В. Набокова, И.А. Куприна, М. Булгакова. Были зачитаны еще несколько докладов, посвященных писателям других славянских литератур. Конечно, в некоторых докладах комментировались другие темы, например, доклад Алы Биджикине (Москва) был посвящен *Сюжетной модели побега вюбленных в русской литературе 19 века (А.С. Пушкин «Метель», И. С. Тургенев «Несчастная», Л. Н. Толстой «Война и мир»).*

Представленные доклады, посвященные языковым темам, также отличались разнообразием тем. Так, в докладах речь шла о проблемах нормы и нормативности в отдельных славянских языках, о семантическом анализе некоторых прилагательных, о значении глаголов, об изучении внутренней речи, о значениях императивных форм на сербском и русском языках в сопоставительном плане, о социативных конструкциях в русском и сербском языках, славянской антропонимии в эпоху глобализации,

богословской терминологии и др. Несколько докладов были посвящены вопросам преподавания славянских языков как иностранных. Здесь следует отметить, что уже стала традицией организовывать во время проведения этой конференции и семинар для преподавателей русского языка в начальных и средних школах. Так было и в этом году, на семинаре были заслушаны лекции видных специалистов Москвы.

В ходе работы секций было проведено плодотворное обсуждение зачитанных докладов, что даст возможность авторам повысить эффективность результатов и прийти к новым выводам. В конце конференции состоялась совместная заключительная сессия, где были обобщены итоги работы. Все участники дискуссии согласились с тем, что конференция прошла успешно, что можно было услышать много новых выводов по различным вопросам славянских языков и литературы. Также, с удовлетворением был подчеркнут тот факт, что этот, проводимый ежегодно славистический симпозиум, становится серьезной научной базой, где участники из разных славистических центров могут узнать о текущих исследованиях академической славистики во многих европейских, прежде всего славянских славистических центрах.

Доклады настоящего симпозиума не будут опубликованы в специальном сборнике. У авторов есть свобода предлагать их для публикации по свободному выбору. Обычно ряд участников зимних собраний в Белграде предлагают свои доклады ежегодному журналу «Славистика», который издает Славистическое общество Сербии.

IN MEMORIAM

НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ САМСОНОВ
1969 – 2020

27 февраля 2020 г. после тяжелой болезни скончался Николай Борисович Самсонов, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Московского государственного областного университета.

Н.В. Самсонов родился 15 мая 1969 года в г. Пензе. После окончания Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского и непродолжительной работы в нём Н.Б. Самсонов поступил в очную аспирантуру МПУ. Его научным руководителем, а впоследствии единомышленником и большим другом стал известный учёный, доктор филологических наук, профессор П.А. Лекант, благодарную память о котором Николай Борисович Самсонов сохранял до последних своих дней.

В 1996 году Н.Б. Самсонов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Творительный темы в структуре и семантике простого предложения по специальности 10.02.01 «Русский язык».

С 1997 года Н.Б. Самсонов начал работу на кафедре современного русского языка МГОУ в должности старшего преподавателя, затем – доцента, а в последние три года – заведующего кафедрой современного русского языка имени профессора П.А. Леканта.

Научные интересы Н.Б. Самсонова были сосредоточены на вопросах грамматики: реализация предикативных категорий в разных типах предложения; синтаксический статус отдельных словоформ; парадигма личных значений в структурно-семантической организации предложения и др.

В его ближайших планах была защита докторской диссертации о коммуникативно-прагматическом явлении третьего лица в грамматике.

Н.Б. Самсонов – автор учебных пособий и справочных материалов по русскому языку, подготовленных для среднего профессионального и школьного образования. Его учебное пособие «Русский язык и культура речи» с 2010 года издаётся под грифом Министерства образования и науки Российской Федерации и выдержало уже несколько переизданий. Он известен и как соавтор учебников, учебных пособий, справочников под редакцией П.А. Леканта.

Н.Б. Самсонову принадлежит ряд научных статей по актуальным лингвистическим и методологическим проблемам, которые отличаются глубоким содержанием, оригинальностью, проникновением в сущность языковых процессов.

Н.Б. Самсоновым многое было сделано на посту директора Ресурсного центра русского языка Московского государственного областного университета. Его неустанная работа была направлена на совершенствование лингвистической подготовки учащихся средних школ, развитие интерактивной среды "ученик – учитель – учёный" в образовательном пространстве Московской области через оригинальные проекты, веб-программы, теоретические и методологические семинары и конференции, мастер-классы, разнообразные творческие конкурсы.

Дважды работа Н.Б. Самсонова была поощрена научными грантами Губернатора Московской области, а также отмечена высокой наградой – Знаком Преподобного Сергия Радонежского.

Н.Б. Самсонов заслужил огромное уважение и признательность коллег, студентов, учителей и учащихся школ эрудированностью, интеллигентностью, талантом педагога-исследователя, организатора, тактичностью и доброжелательностью.

Светлая ему память!

Кафедра современного русского языка
имени профессора П.А. Леканта
Московский государственный областной университет
Россия, г. Москва

Department of modern Russian language
named after Professor P.A. Lekant
Moscow state regional University
Russia, Moscow

Канафьева Аля Васильевна
доктор филологических наук, профессор, доцент
Московский государственный областной университет
Россия, г. Москва
e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

Kanafyeva Alya Vasilyevna
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Moscow state regional University
Russia, Moscow
e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

ИЗИСКВАНИЯ ЗА ОФОРМЯНЕ НА МАТЕРИАЛИТЕ

Електронните версии на статиите да се изпращат като прикачен файл на адрес: **rusistikabg@gmail.com**. В отделен текстов документ да се приложи справка за автора: *трите имена без съкращения, научна степен, научно звание, работно място, длъжност, град, страна, домашен адрес, телефон, e-mail.*

За публикуване се приемат **оригинални, непубликувани досега** в други печатни издания материали на **руски, български и английски езици**.

Списанието излиза четири пъти годишно: 30 март, 30 юни, 30 септември и 30 декември. Материалите се приемат до 15 число на месеците март, юни, септември и декември.

ОБЩИ ИЗИСКВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.
Размер на страницата: A4.
Шрифт: Times New Roman, 12 pt.
Междуредие: Single.
Полета: горно и долно – 2,5 см, ляво и дясно – 2,5 см.
Абзацен отстъп: 1 см.
Без номериране на страниците, подравняване на текста: Justify.

ОФОРМЯНЕ НА СТАТИИТЕ

- Ако статията е на **руски език**, то на **руски език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научна степен, научно звание; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **английски език** (*данните на автора (научно звание, научна степен), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).
- При съставяне на **анотацията** се спазва определения лимит от 850 знака без интервали, най-малко 10 реда. Анотацията трябва да съдържа актуалност, определяне на проблема, материал и методология, резултати и заключение.

Напр.:

МОЛИМ ДАННИТЕ ДА СЕ ОФОРМЯТ В ЕДНА КОЛОНА, КАКТО Е ПОКАЗАНО:

УДК 81
Иванов Виктор Борисович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: ivanov@rambler.ru
Ivanov Viktor Borisovich
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: ivanov@rambler.ru
(11 pt)

В.Б. Иванов

ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

(12 pt.)

Аннотация. 11pt., до 800 знаков с пробелами
Ключевые слова: 11 pt., не более 10 слов

V.B. Ivanov

PSYCHOLOGISM OF LEO TOLSTOY`S PROSE

(12 pt.)

Abstract. 11 pt. до 800 знаков с пробелами

Keywords: 11 pt., не более 10 слов

- Ако статията е на **български език**, то на **български език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научно звание, научна степен; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **английски език** (*данните на автора (научно звание, научна степен), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).

- Ако статията е на **английски език**, то на **английски език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научно звание, научна степен; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **руски език** (*данните на автора (научна степен, научно звание), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).

ОСНОВЕН ТЕКСТ НА СТАТИЯТА

Текстът на **руски/български/английски език**: 12 pt, обем: до 20 000 знака с интервалите. **Бележките към текста** (footnotes) се дават под линия на всяка страница с арабска номерация, 10 pt. **Цитирането** на източниците в текста се дават в квадратни скоби [номер от библиографическия списък, страница], например: [2], [7, с.84]. Примерите се оформят в *Italic*. Използвайте кавички тип «angle quotes». Графиките, рисунките и фотографиите се прилагат в текста веднага след тяхното посочване в текста. Названието на рисунките се дава под тях след думата «Рис.» с пореден номер (10 pt).

Библиографическият списък (11 pt.) се прилага след текста на статията **на езика на оригинала в азбучен ред**, след това на латиница чрез транслитерация на кирилицата и преведен на английски език в съответствие с изискванията. Инициалите не се разделят с интервали. Да се включват само работи, цитирани в текста. Напр.:

Библиографически списък

1. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Стиль. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
2. Иванова Н.П. Диалог в образовании. – М.: Экспресс, 2011. – 156 с.

References in Roman script

1. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
2. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011. – 156 s.

References

1. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture. Style, 2006, no 4, pp.65-70. (In Russian).
2. Ivanova N.P. Dialogue in education. Moscow, Express Publ., 2011. 156 p. (In Russian).

Материали, не съответстващи на горепосочените изисквания, не се разглеждат.

Редколегия

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **rusistikabg@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*.

К публикации принимаются **оригинальные, неопубликованные ранее** в других печатных изданиях материалы на **русском, болгарском и английском языках**.

Журнал выходит четыре раза в год: 30 марта, 30 июня, 30 сентября и 30 декабря. Материалы принимаются до 15 числа марта, июня, сентября и декабря.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.
Размер страницы: А4.
Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.
Междустрочный интервал: одинарный.
Поля: верхнее и нижнее – 2,5 см, левое и правое – 2,5 см.
Абзацный отступ: 1 см.
Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

- Если статья публикуется на **русском языке**, то на **русском языке** приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора (ученое звание, ученая степень), заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.
- При написании **аннотации** необходимо придерживаться установленного лимита 850 знаков без пробелов, не менее 10 строк. Аннотация должна включать актуальность, постановку проблемы, материал и методику, результаты и выводы.

Напр.:
ПРОСИМ ОФОРМЛЯТЬ ДАННЫЕ В ОДНУ КОЛОННУ, КАК ПОКАЗАНО:

УДК 81

Иванов Виктор Борисович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: ivanov@rambler.ru

Ivanov Viktor Borisovich
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: ivanov@rambler.ru
(11 пунктов)

В.Б. Иванов
ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО
(12 пт.)

Аннотация. 11 пт., до 800 знаков с пробелами
Ключевые слова: 11 пт., не более 10 слов

V.B. Ivanov
PSYCHOLOGISM OF LEO TOLSTOY`S PROSE
(12 пт.)

Abstract. 11 пт. до 800 знаков с пробелами
Keywords: 11 пт., не более 10 слов

- Если статья публикуется на **болгарском языке**, то на **болгарском языке** приводятся *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученое звание, ученая степень; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора (ученое звание, ученая степень) заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.

- Если статья публикуется на **английском языке**, то на **английском языке** приводятся *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученое звание, ученая степень; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **русском языке** (*данные автора (ученое степень, ученое звание) заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском/болгарском/английском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2], [7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт).

Библиографический список (11 пт.) приводится после текста статьи **на языке оригинала в алфавитном порядке**, затем латиницей через транслитерацию кириллицы и переведенный на английский язык в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003. Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список

3. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Стиль. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
4. Иванова Н.П. Диалог в образовании. – М.: Экспресс, 2011. – 156 с.

References in Roman script

3. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
4. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011. – 156 s.

References

3. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture. Style, 2006, no 4, pp.65-70. (In Russian).
4. Ivanova N.P. Dialogue in education. Moscow, Express Publ., 2011. 156 p. (In Russian).

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

Редколлегия

GUIDELINES FOR AUTHORS

The articles should be sent as an attachment by e-mail to the editorial office: **rusistikabg@gmail.com**. In a separate text document a reference about the author should be sent with the following information: *name, surname, academic degree, academic title, place of work, position, city, country, home address, contact phone number, email address.*

The papers submitted for publication should be **original, previously unpublished work** not currently under review by other publications. The papares can be presented in **Russian, Bulgarian** or **English**.

The journal is published four times per year: March 30, June 30, September 30 and December 30. The papers are accepted until the 15th of March, June, September and December.

GENERAL REQUIREMENTS

Format: Microsoft Word.
Page size: A4.
Font: Times New Roman, 12 pt.
Line spacing: single.
Margins: top and bottom – 2.5 cm, left and right – 2.5 cm.
Paragraph indentation: 1 cm.
Without numbering, text alignment: justified.

FORMATTING REQUIREMENTS FOR THE PAPERS

- If the article is written in **Russian**, then in **Russian** should be stated the *author's surname, name, academic degree, academic title; full name of the organization; country, city; e-mail address, the title of the article, abstract, keywords*, after the same information should be stated in **English** *(academic title, academic degree)*. The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.
- When writing the **abstract**, you must adhere to the established limit of 850 characters without spaces, at least 10 lines. The abstract should include relevance, problem statement, subject and methodology, results and conclusion.

For example:
PLEASE PLACE THE AUTHOR`S DATA IN ONE COLUMN AS SHOWN BELOW:

УДК 81

Иванов Виктор Борисович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: ivanov@rambler.ru

Ivanov Viktor Borisovich
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: ivanov@rambler.ru

В.Б. Иванов
ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО
(12 pt.)

Аннотация. 11 пт., до 800 знаков с пробелами
Ключевые слова: 11 пт., не более 10 слов

V.B. Ivanov
PSYCHOLOGISM OF LEO TOLSTOY''S PROSE
(12 pt.)

Abstract. 11 pt., up to 800 characters with spaces
Keywords: 11 pt., up to 10 words

- If the article is written in **Bulgarian**, then in **Bulgarian** should be stated the *author's surname, name, academic title, academic degree; full name of the organization; country, city; e-mail address, the title of the article, abstract, keywords,* after the same information should be stated in **English** *(academic title, academic degree)*. The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.

- If the article is written in **English**, then in **English** should be stated the *author's surname, name, academic title, academic degree; full name of the organization; country, city; e-mail address, the title of the article, abstract, keywords,* after the same information should be stated in **Russian** *(academic degree, academic title)*. The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.

THE MAIN TEXT OF THE PAPER

The text in **Russian/Bulgarian/English**: 12 pt, up to 20,000 characters with spaces. The footnotes - page by page, at the bottom of the page, Arabic numbers, 10 pt. The bibliographic references should be enclosed in square brackets [current number from References, page], as in [2],[7, p. 84]. Examples should be given in *Italic*. Angle quotes like «» are used. Graphics, pictures and photos are inserted in the text after the first mention of them. The name of the illustrations should be written below with the word «Figure.1» (10 pt).

The references (11 PT.) are listed **in alphabetical order** after the text of the article in **original language**, then if there are sources in Cyrillic they should be transliteratied into **Latin**, the references should be also translated into English in accordance with the requirements of GOST 7.1-2003 (ГОСТ 7.1-2003). The initials shouldn`t be separated by spaces. In the references only cited works in the text should be included. For example:

Bibliography

1. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Стиль. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
2. Иванова Н.П. Диалог в образовании. – М.: Экспресс, 2011. – 156 с.

References in Roman script

1. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
2. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011. – 156 s.

References

1. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture. Style, 2006, no 4, pp.65-70. (In Russian).
2. Ivanova N.P. Dialogue in education. Moscow, Express Publ., 2011. 156 p. (In Russian).

The papers that do not meet all the criteria above shouldn`t be accepted.

Editorial board

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Списание «Русистика без граници»
София, България
e-mail: rusistikabg@gmail.com